

ПРОТАГОРЪ.

ПРОТАГОРЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Во времена Сократа и Платона былъ въ большомъ ходу вопросъ: «Добродѣтель приобрѣтается ли воспитаніемъ и наукою, или сообщается самою природою?» Греческіе умствователи рѣшали эту задачу не одинаково: одни доказывали, что не учась добродѣтели, нельзя быть добродѣтельнымъ; другіе, что безъ естественнаго расположенія человѣка къ добру, никакая наука не поможетъ сдѣлаться добрымъ ¹. О томъ же самомъ предметѣ, между прочимъ, рассуждалъ и Платонъ, и свои мысли о немъ изложилъ въ четырехъ разговорахъ: Протагоръ, Эвтидемъ, Менонъ и Лахесъ. Нѣкоторые критики, сравнивая содержаніе этихъ разговоровъ въ отношеніи къ рассматриваемому вопросу, находили, что Платонъ въ нихъ противорѣчитъ самъ себѣ, что будто, напримѣръ, въ Протагорѣ онъ основываетъ добродѣтель на знаніи, слѣдовательно поставляетъ ее въ зависимость отъ науки, а въ Менонѣ почитаетъ ее даромъ боговъ, слѣдовательно выводитъ изъ круга человѣческой воли. Но мы уже имѣли случай говорить, что истолкова-

¹ О писателяхъ, касавшихся этого предмета, и о мнѣніяхъ Греческихъ ученыхъ, рассматривавшихъ его, см. *Fischer. ad Aeschin. Socrat. qui referuntur dialogg.* p. 21 sqq. и *Fuelleborn. Symbol. ad histor. philosoph.* P. X. p. 143 sqq.

тели нашего философа нерѣдко навязывали ему такія положенія, о которыхъ онъ и не думалъ; потому что часто самую иронию его понимали какъ рѣчь серьезную, и такимъ образомъ, по пословицѣ, *pubes pro Iunone amplexi sunt*. Чтобы опредѣлить истинный смыслъ Платонова ученія объ источникѣ добродѣтели, надобно непрестанно имѣть въ виду показанный нами выше общій характеръ Платоновыхъ сочиненій. Съ этимъ именно указателемъ мы будемъ разсматривать содержаніе каждаго изъ четырехъ упомянутыхъ разговоровъ, и, кажется, не ошибемся въ своемъ заключеніи.

Протагоръ ¹ начинается бесѣдою Сократа съ Иппократомъ, сыномъ Иппониковымъ, котораго пламенная и безотчетная жажда познаній влечетъ въ школу софиста Протагора. Предметъ этого, по отношенію къ цѣлой бесѣдѣ, вступительнаго разговора, состоитъ въ рѣшеніи вопроса: *что такое софистъ? и чему онъ учитъ?* Но предложенный вопросъ разрѣшается только вообще, т. е., Сократъ наводитъ Иппократа на мысль, что софисты, должно быть, — купцы, торгующіе съѣстными припасами для души; а при покупкѣ этой пищи, гораздо болѣе должно бояться обмана, чѣмъ при покупкѣ пищи для тѣла; потому что послѣдняя перекладывается въ другія хранилища, а первая принимается прямо въ души. 309—314 С. Это—прологъ діалога.

Удовлетворяя сильному желанію Иппократа, Сократъ приводитъ его въ собраніе софистовъ и представляетъ Протагору, ихъ корифею. Высокое мнѣніе Протагора о своей наукѣ располагаетъ Сократа тѣснѣе ограничить прежнее значеніе софиста и подаетъ поводъ къ вопросу: чему онъ

¹ Платоновъ разговоръ, носящій имя Протагора, у Діогена Лаерція (III, 59) называется *Προταγόρας ἢ Σοφισταί. Ἐνδεικτικὸς*. Равнымъ образомъ и Фидинъ къ названію «Protagoras» прибавляетъ: *vel Sophistae*. Но еще Прокль замѣтилъ (ad Plat. Polit. p. 350. 24) что ἢ Σοφισταί—позднѣйшая вставка, *καθ' ἃπερ ἄλλοι τῶν ἐπιγραφῶν προσέθεσις ὅσασι τῶν νεωτέρων τῆς ἐξουσίας ἀπολυθόντων*. Посему мы удерживаемъ только главное названіе разговора, данное ему самимъ Платономъ.

учить? Протагоръ отвѣчаетъ, что его предметъ—политика, а предметъ его политики—добродѣтель. Но Сократъ недоумѣваетъ, можно ли преподавать политику, разумѣя ее въ такомъ смыслѣ, и предлагаетъ новый вопросъ, составляющій главную задачу бесѣды: *можно ли учить добродѣтели?* 314, С. 319, В.

Желая доказать, что добродѣтели учить нельзя, Сократъ указываетъ сперва на Аѳинянь, которые, когда дѣло касается художествъ, совѣтуются только съ художниками, а когда надобно разсуждать о политикѣ, принимаютъ мнѣнія отъ всѣхъ гражданъ, предполагая, что политическая добродѣтель, и безъ особенныхъ наставленій, должна быть всѣмъ извѣстна; потомъ подтверждаетъ свое мнѣніе примѣрами частныхъ лицъ, которые, будучи сами добродѣтельны, не передаютъ и не могутъ передать своихъ добродѣтелей даже собственнымъ дѣтямъ. Но Протагоръ доказательствамъ Сократа противопоставляетъ сперва приточныя, потомъ прямыя основанія, что добродѣтель бываетъ и должна быть предметомъ науки. Посредствомъ притчи объ Эпиметѣѣ и Прометѣѣ, онъ старается доказать, что небо дало добродѣтель всѣмъ людямъ, и для того Аѳиняне допускаютъ всѣхъ гражданъ къ совѣщаніямъ о политикѣ. А такъ какъ отсюда можно было заключить, что излишне было бы учить добродѣтели, если она есть даръ неба; то Протагоръ, какъ будто забывъ о своей притчѣ и, противорѣча самому себѣ, доказываетъ, что добродѣтель не врождена, а приобрѣтается наукою. Что же касается до того, что у добродѣтельныхъ родителей часто бываютъ худыя дѣти, то объясняетъ это большими или меньшими способностями къ добродѣтели. 313, В. 328, D.

Говоря о добродѣтели, Протагоръ разумѣлъ ее, какъ одинъ общій союзъ гражданъ, а между тѣмъ упоминалъ о святости, о разсудительности, о правдѣ и проч. Это подало поводъ Сократу спросить Протагора: *различны ли добродѣтели, или не различны?* Софистъ, утверждавшій, что

добродѣтель приобрѣтается наукою, и понимавшій ее, какъ виѣшнее стяжаніе, натурально долженъ былъ допустить многоразличіе ея видовъ, или частей, непохожихъ одна на другую. Но Сократъ, разумѣя добродѣтель, какъ одно безразличное и нераздѣльное существо, нечувствительно приводитъ Протагора къ заключенію—сперва, что правда свята и святость праведна, потомъ, что мудрость и разсудительность—одно и тоже, наконецъ, что правда и разсудительность—не различны. Такимъ образомъ эротематическая метода Сократова заставляетъ софиста перейти отъ многоразличія добродѣтелей юридическихъ, которыхъ преподавателемъ онъ почиталъ себя, къ единству добродѣтели нравственной или метафизической, которая, по ученію Платона, не можетъ быть предметомъ науки. 328, D. 334, C.

Но чтобы показать, сколь-слабо чувствуетъ софистъ величіе добродѣтели нравственной, безъ которой невозможно знаніе и юридической, Платонъ предоставляетъ Протагору изъяснить пѣснь Симонида о томъ: возможно ли быть добрымъ? Протагоръ изъясняетъ ее, но не понимаетъ, что *дѣлаться и пребывать*—не одно и тоже, а потому обвиняетъ Симонида въ противорѣчїи самому себѣ. Утверждая, что трудно дѣлаться добрымъ, Симонидъ, говоритъ онъ, за то же самое мнѣніе порицаетъ Питтака, который сказалъ, что трудно быть добрымъ. При томъ, вызвавшись изъяснить Симонидову пѣснь, софистъ самъ не замѣчаетъ, какъ сильно противорѣчить она собственному его положенію, что можно учить добродѣтели; потому что въ ней доказывается, что даже дѣлаться добрымъ по истинѣ трудно, а быть добрымъ вовсе невозможно, и свойственно одному Богу. Какъ же тутъ преподавать добродѣтель? 334, C. 347, A.

Этимъ, казалось бы, надлежало и скончить разговоръ; но Сократъ, подведши всѣ прочія добродѣтели подъ понятіе одной въ смыслѣ метафизическомъ, и посредствомъ Симонидовой пѣсни, сблизивши Протагора съ мыслию о томъ, что она не можетъ быть предметомъ науки, еще не изслѣ-

довалъ: должно ли и мужество почитать добродѣтелию нравственною? Спросятъ: для чего такой существенный моментъ задачи оторванъ отъ своего цѣлаго и отброшенъ къ концу разговора? Отвѣчаемъ, что онъ вовсе не оторванъ, но соединяется съ главными частями бесѣды эпизодомъ, или экзегетическимъ разсужденіемъ о Симонидовой пѣсни. Протагоръ уже соглашается, что мудрость, разсудительность, справедливость и святость имѣютъ значительное между собою сходство, но мужество отличаетъ отъ нихъ. Чтобы преодолѣть это послѣднее упорство, Сократъ требуетъ опредѣленія мужества; и такъ какъ Протагоръ за существенную черту его принялъ смѣлость, даже отважность, то спрашиваетъ: смѣлые знаютъ ли, на что отваживаются? — Знаютъ, отвѣчалъ недалъновидный софистъ. А мужественные смѣлы?—Конечно.—Слѣдовательно мужественные знаютъ, на что отваживаются?—Протагоръ, замѣтивъ наконецъ, что мужество приводится къ тождеству съ знаніемъ или мудростію, ограничиваетъ первую свою посылку, говоря, что хотя всѣ мужественные смѣлы, но не всѣ смѣлые мужественны, то есть, не всѣ знаютъ, на что отваживаются. Тогда Сократъ, какъ будто оставивъ предметъ изслѣдованія, непримѣтно заходитъ къ нему съ другой стороны и спрашиваетъ Протагора: все пріятное добро ли? и само ли по себѣ добро? Софистъ недоумѣваетъ, и заманиваемый вопросами Сократа, допускаетъ, что люди, ошибающіеся въ выборѣ удовольствій и страданій, ошибаются по недостатку знанія, что никто добровольно не стремится къ злему, или къ тому, что почитаетъ злымъ; если же стремится къ чему-нибудь, то это нѣчто разумѣетъ, какъ добро. Такимъ образомъ стремленіе къ добру происходитъ отъ знанія; но мужественные стремятся къ добру, зная, что оно добро; и по тому мужество основывается на знаніи. Слѣдовательно мужество есть мудрость. 347, А. 360, D.

Видя себя снова опровергнутымъ, Протагоръ такъ смѣшался, что не хотѣлъ болѣе отвѣчать и замолчалъ. Но

Сократъ сказалъ: Я спрашивалъ тебя для того только, чтобы изслѣдовать все, относящееся къ добродѣтели, и въ чемъ состоитъ самая добродѣтель. Знаю, что по раскрытіи этого, совершенно объяснилось бы и то, о чемъ мы оба такъ долго разсуждали: — я, что учить добродѣтели невозможно, ты — что она изучима. А теперь результатъ нашего разговора представляется мнѣ въ видѣ челобитчика и насмѣшника, который, если бы могъ говорить, сказалъ бы: какъ вы странны, Сократъ и Протагоръ! Ты, Сократъ, прежде утверждалъ, что добродѣтели учить нельзя, а теперь хочешь противнаго тому, стараясь доказать, что всѣ виды добродѣтели суть знаніе. А ты, Протагоръ, прежде полагалъ, что добродѣтель изучима, теперь же соглашаешься называть ее чѣмъ угодно, лишь бы только не знаніемъ. 360, С. 362.

Такое содержаніе Платонова Протагора показываетъ, что предположенная задача: можно ли учить добродѣтели? окончательно не рѣшена въ немъ. По этому Шлейермахеръ и Штальбомъ думаютъ, что цѣлю разсматриваемаго діалога Платонъ полагалъ не дѣйствительное изслѣдованіе предположеннаго вопроса, а обнаруженіе недостаточности софистическихъ умствованій для познанія истины, и показаніе того, какова должна быть достойная своего имени діалектика. Но не отвергая этой формальной, или методической цѣли, не трудно замѣтить въ Платоновомъ Протагорѣ и другую, болѣе реальную, имѣющую прямое отношеніе къ самому предмету бесѣды. Мы уже сказали, что Сократъ мало по малу отвлекъ вниманіе Протагора отъ разнообразія политическихъ добродѣтелей, и обратилъ его къ единству добродѣтели нравственной, сущность которой онъ всегда поставлялъ въ знаніи или мудрости ¹. Но если она состоитъ въ знаніи; то преподавать ее нельзя и ненужно:

¹ Xenoph. mem. III. 6. 5.; IV. 6, 7.

потому что въ комъ она есть, тотъ уже знаетъ ее; а въ комъ нѣтъ, тотъ долженъ напередъ узнать ее, слѣдовательно имѣть добродѣтель прежде добродѣтели. Потому-то Платонъ истинную добродѣтель, т. е., знаніе и мудрость, приписываетъ одному Богу и производитъ ее отъ одного Бога. И такъ цѣлю разсматриваемаго разговора было — приблизить Протагора къ мысли, что

1. Добродѣтель сама по себѣ одна, и состоитъ въ знаніи ¹.

2. На землѣ могутъ быть учителя добродѣтелей (въ смыслѣ юридическомъ); но дать человѣку добродѣтель можетъ одинъ Богъ ².

Считаемъ нужнымъ также замѣтить, что ученіе, излагаемое въ Протагорѣ, обнаруживаетъ характеръ болѣе философіи Сократовой, чѣмъ Платоновой. Это видно изъ того, что всѣ добродѣтели здѣсь приводятся къ одному знанію, что главныхъ добродѣтелей считается не четыре, какъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Платона, а пять; то-есть, къ справедливости, разсудительности, благоразумію и мужеству, причисляется еще святость, или благочестіе ³, и что похвальное и пріятное принимаются за одно и то же, то есть, предписывается такъ пользоваться удовольствіями, чтобы это было согласно съ мудростію.

Истолкователи Протагора представляютъ себѣ еще вопросъ: къ какому времени Платонъ относилъ свой разговоръ? Протагоръ въ немъ уже старикъ, Сократъ еще молодъ, Алкивиадъ *πρωτον ἑπινητής*, Агатонъ *νεον ἔτι μῆραμιον*. Но первый умеръ въ 1,94 ол.; третій былъ полководцемъ Афинянъ въ Пелопонесѣ въ 1,90 ол.; четвертый одержалъ побѣду въ качествѣ трагическаго поэта въ 90 ол. Притомъ, слушателями Протагора и Сократа представляются дѣти

¹ *Ritters* Gesch. d. alt. Z. Th. 2. B. VIII. *Plat. de legg.* XII. p. 963. C. *Polit.* p. 306. A.

² *Xenoph. mem.* IV. 8. 10. 21. *Stäudl. Gesch. d. Moralphilosophie* p. 94—99.

³ *Plat. de republ.* VII. p. 519. *Men.* p. 97. A.

Перикла, которые умерли отъ заразы еще при началѣ пелопонезской войны, въ 3,87 ол. Слѣдовательно, разговоръ можно относить къ 1 или 2, 87 ол. Этому заключенію не противурѣчить то обстоятельство, что хозяиномъ дома, въ которомъ происходила бесѣда, представляется Калліасъ, слѣдовательно Иппоникъ какъ будто предполагается умершимъ; а онъ былъ убитъ въ делосскомъ сраженіи въ 1,89 ол. Въ разговорѣ вовсе не упоминается о смерти Иппоника, и Калліасъ могъ распоряжаться въ домѣ, просто за отсутствіемъ отца. Что же касается до того, что Ферекратовы *ἄγριοι*, по Протагору, представлены были на сценѣ въ прошедшемъ году (*πέρριοι*), а по Атенею, при преторѣ Аристіонѣ, въ 4,89 ол.; то въ справедливости послѣдняго показанія можно сомнѣваться, потому что мнѣнія Атенея о Платонѣ часто бываютъ вовсе неосновательны и отзываются какою-то странною ненавистію. Впрочемъ, еслибы въ Платоновомъ Протагорѣ и дѣйствительно найдены были какіе нибудь анахронизмы; то и тогда не слѣдовало бы обвинять Платона; потому что цѣлюю его была истина не хронологическая, а философская. Онъ, какъ философъ и мимикъ, замѣчалъ только ученія и снималъ отличительныя черты съ предметовъ, ему представлявшихся, не заботясь о томъ, когда существовали эти ученія и были ли современны сводимыя имъ лица и обстоятельства.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЬ, ДРУГЪ СОКРАТА, ИППОКРАТЬ, ПРОТАГОРЪ, АКЛИВІАДЪ,
КАЛЛІАСЪ, КРИТІАСЪ, ПРОДИКЪ, ИППІАСЪ.

Др. Откуда взялся ты, Сократъ?—Но что и спрашивать? вѣрно съ ловли Алкивіадовой красоты? Я недавно видѣлъ его и, признаюсь, онъ показался мнѣ очень красивымъ мужчиною,—да, Сократъ, мужчиною, который, между нами будь сказано, уже обрастаетъ и бородою.

Сокр. Такъ чтожъ изъ этого? Развѣ ты не одобряешь Омира ¹, по словамъ котораго, намъ особенно нравится тотъ возрастъ, когда у юноши начинается пробиваться пушокъ на бородѣ, какъ теперь у Алкивіада? В.

Др. Да что мнѣ въ томъ? Вѣдь правда, что ты сейчасъ отъ него? Каково же расположенъ къ тебѣ ² этотъ молодой человѣкъ?

Сокр. Мнѣ-то показалось, хорошо, — особенно нынѣ, потому что онъ много за меня говорилъ и мнѣ помогалъ. Я точно сейчасъ отъ него; но вотъ что странное хочу сказать тебѣ: находясь вмѣстѣ съ нимъ, я не обращалъ на него и вниманія, даже забылъ, что онъ со мною.

Др. Чтожъ бы это сдѣлалось съ вами? Ужъ не встрѣтилъ ли ты въ нашемъ городѣ кого-нибудь прекраснѣе Алкивіада ³.

¹ Илиад. XX, 348 «Едва показался на юношѣ пріятный пушокъ».

² Къ тебѣ, *πρὸς σέ*, вмѣстѣ съ Гейндорфомъ, Беккеромъ, Шталъбомомъ и Астомъ принимаю, вмѣсто Стефанова *πρὸς τὸ πρόσωπον*, что здѣсь вовсе неумѣстно.

³ По свидѣтельству Корнелія Непота (VII, 1), Alcibiades natus in amplissima civitate, summo genere, omnium aetatis suae multo formosissimus. Впрочемъ Сократъ здѣсь явно шутитъ надъ тѣлесною красотой, почитая ее ничтожною въ сравненіи съ красотой души, или мудростію.

Сокр. Да и много прекраснѣе.

Др. Что ты говоришь? Аѳинянина, или иностранца?

Сокр. Иностранца.

Др. Откуда онъ?

Сокр. Изъ Абдеры.

Др. И этотъ иностранецъ такъ красивъ, что показался тебѣ прекраснѣе сына Клиніасова?

Сокр. Почему же, добрый другъ мой, самому мудрому не казаться самымъ красивымъ?

Др. А! такъ ты встрѣтился у насъ съ какимъ-нибудь мудрецомъ?

D. *Сокр.* Даже съ мудрѣйшимъ человѣкомъ нашего времени, если считаешь такимъ Протагора.

Др. Что ты говоришь? Протагоръ пріѣхалъ?

Сокр. Еще третьяго дня ¹.

Др. И ты сей-часъ съ нимъ бесѣдовалъ?

310. *Сокр.* Да, очень много говорилъ и слушалъ.

Др. Перескажи же намъ вашу бесѣду ², если ничто не препятствуетъ тебѣ. Вели встать этому мальчику ³, и садись на его мѣстѣ.

Сокр. Пожалуй, и останусь благодарнымъ, если будете меня слушать.

¹ Здѣсь говорится о второмъ прибытіи Протагора въ Аѳины (См. ниже р. 310), по изслѣдованію Аста (Platonis. Leb. u. Schrift. p. 77 sq.), въ 389 ол. Сравни *Macrobi.* (Saturn. I, 1 p. 203, ed. Bip.): Paralus vero et Xantiprus, quibus Pericles pater fuit, cum Protagara disserunt secundo adventu Athenis morante, quos multo ante infamis illa pestilentia Atheniensis absumserat. Annos ergo coeuntium mitti in digitos, exemplo Platonis nobis suffragante, non convenit.

² *Перескажи же намъ вашу бесѣду.* Погречееки вопросительная рѣчь: *τί ον οὖν διηγῆσαι*;—формула учтивости, употреблявшаяся вмѣсто повелительнаго склоненія. Подобн. обр. *Conviv. init. τί οὐ περιμενεῖς*; 175. В. *οὐκοῦν καλεῖς; αὐτόν καὶ μὴ ἀλῆσειας*; и ниже 311. А. *ἀλλὰ τί οὐ βαδίζομεν παρ' αὐτόν*;

³ Разумѣется одинъ изъ слугъ, *ἀκολούθος*. Беккъ замѣчаетъ, что слуга, на котораго здѣсь указывается, не могъ быть рабъ, потому что рабамъ не позволялось сидѣть въ присутствіи господъ. Но *ἀκολούθοι* были не рабы, а почетные слуги, составлявшіе свиту господина. Одни изъ нихъ шли впереди его, другіе позади, а иные сидѣли у его ногъ во время стола. Поэтому они назывались и разными именами. См. *Hoffmann. Lexic. v. Pedissequus.*

Др. А мы останемся благодарными, если расскажешь.

Сокр. Стало-быть — обоюдное одолженіе. Слушайте же.

Рано по утру въ прошлую ночь, крѣпко постучался палкою въ дверь моей квартиры Иппократъ, сынъ Аполлодора, братъ Фасана; и когда отперли ему, — онъ торопливо вошелъ и громко вскричалъ: Сократъ! спишь ты, или нѣтъ? Узнавъ его по голосу, я сказалъ: это Иппократъ; — нѣтъ ли чего новаго ¹? — Ничего, кромѣ хорошаго, отвѣчалъ онъ. — Хорошо, если такъ; но что за причина столь ранняго посѣщенія? — Протагоръ пріѣхалъ, отвѣчалъ онъ, ставъ предо мною. — Еще третьяго дня; а ты только сей-часъ узналъ? — Нѣтъ, ради боговъ, вчера вечеромъ, отвѣчалъ онъ, и схвативъ подножную скамейку, сѣлъ у ногъ моихъ и продолжалъ: да, — уже вечеромъ, весь- C. ма поздно возвратившись изъ Эноэ ². Видишь, у меня бѣжалъ слуга мой, Сатиръ; и я - таки хотѣлъ было тогда же сказать тебѣ, что ѣду отыскивать его, но почему-то забылъ. Когда же возвратился домой, и мы, поужинавши, собирались спать, — братъ извѣстилъ меня о пріѣздѣ Протагора. Я хотѣлъ было въ ту же минуту идти къ тебѣ, но подумалъ, что уже слишкомъ поздно. За то, едва послѣ D. усталости сонъ оставилъ меня, я немедленно всталъ и побѣжалъ сюда. — Зная рвеніе и пылкость Иппократа, я спросилъ его: такъ чтожь тебѣ до того? Развѣ Протагоръ обидѣлъ тебя какъ-нибудь? — Да, клянусь богами, Сократъ, сказалъ онъ съ улыбкою, обидѣлъ; потому что самъ-то единственный мудрецъ, а меня такимъ не дѣлаеть. — О, клянусь Зевсомъ, сдѣлаеть и тебя мудрецомъ, лишь бы ты заплатилъ ему деньги и убѣдилъ ими. — Деньги? Зевсъ

¹ *Нѣтъ ли чего новаго? μή τι νέον;* вм. *μή τι νέον*. Греки о новости обыкновенно спрашивали въ степени сравнительной, отрѣшенно, тогда какъ мы, не сравнивая опредѣленно двухъ предметовъ, употребляемъ—положительную. Подобнымъ образомъ Phaedon. 105. A. *οὐ γὰρ χεῖρον πολλὰκις ἀκούειν.*

² Въ Атикѣ извѣстны были двѣ деревни подъ именемъ Эноэ: одна близъ Элевоеріи, а другая подлѣ Мараѳона См. *Interpr. ad Thucid. II, 18. Wesseling. ad Diod. IV, 60.*

и боги! воскликнулъ Иппократъ. Если бы отъ этого завидно;—ихъ не осталось бы ни у меня, ни у друзей моихъ. Для того-то я теперь и пришелъ къ тебѣ, Сократъ, чтобы ты поговорилъ ему обо мнѣ. Самъ я еще молодъ, притомъ, никогда не видѣлъ и не слушалъ Протагора. Когда онъ прїѣзжалъ къ намъ въ первый разъ, я былъ еще ребенкомъ ¹. Но Сократъ, всѣ превозносятъ этого чело-
 311. демъ къ нему сей часъ, чтобы застать его дома. Я слышалъ, что онъ остановился у Калліаса, сына Иппоникова ²; пойдёмъ, сдѣлай милость. — Нѣтъ, добрый другъ мой, сказалъ я, туда еще не пойдёмъ, потому что слишкомъ рано. Давай-ка встанемъ, да выдемъ на галерею ³ и прогуляемся, пока не разсвѣнетъ; а потомъ отправимся къ Протагору. Онъ по большей части бываетъ дома; а потому не бойся,—мы, по всей вѣроятности, застанемъ его.

Итакъ мы встали, вышли на галерею и начали прогуливаться. Желая испытать рѣшимость Иппократа, и пристально посмотрѣлъ на него и спросилъ: послушай, Иппократъ, ты намѣренъ теперь идти къ Протагору и заплатить ему за себя деньги: но знаешь ли, къ какому чело-
 вѣку идешь, и чѣмъ желаешь сдѣлаться? Вотъ. если бы вздумалъ ты, напримѣръ, идти къ твоему тескѣ Иппократу кооскому, принадлежащему къ кастѣ Асклепидовъ, съ намѣреніемъ платить ему за себя; и ктонибудь спро-

¹ Я былъ еще ребенкомъ, πῆλξ ἔτι, пр. нес. средн. вмѣсто ἔτι. Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто ἔτι стоитъ ἔτι.

² Калліасъ, сынъ Иппоника, по свидѣтельству Перизонія (ad Aelian. V. Н. XIV, 16), былъ слѣпымъ почитателемъ софистовъ и своими деньгами много способствовалъ ихъ славу.

³ Встанемъ, да выдемъ на галерею, ἐξαισθητέμεν εἰς τὴν κολύβη, выраженіе шаткое, заключающее въ себѣ два понятія: — встать и пойти. Ἀλλὰ соответствуетъ латинскимъ словамъ aula и aulaeum. Древніе съ особеннымъ удобствомъ устроили надворную часть домовъ или галерею, и украшали ее различнымъ образомъ, а особенно коврами и статуями. Это мѣсто назначалось для прогулки и называлось κολύβη. Такія же aula или aulaea устроены были въ греческихъ театрахъ и дали начало декораціямъ. Hoffm. Lex. v. aulaeum.

силъ бы себя: какому челоѣку, въ лицѣ Иппократа, хочешь ты платить деньги? Что отвѣчалъ бы ты?—Врачу, сказалъ бы я. — А чѣмъ думаешь сдѣлаться самъ? — Врачемъ. — Еслибы равнымъ образомъ ты шелъ къ Поли- С. клету аргосскому, или Фидіасу аѣинскому, желая платить имъ за себя; и кто-нибудь спросилъ бы тебя: какимъ лю- дямъ, въ лицѣ Поликлета и Фидіаса, намѣренъ ты пла- тить деньги? Какъ слѣдовало бы отвѣчать тебѣ? — Ваяте- лямъ, отвѣчалъ бы я. — А чѣмъ надѣешься сдѣлаться самъ? — Разумѣется, ваятелемъ. — Пусть такъ, сказалъ я; теперь оба мы пойдемъ къ Протагору, будучи готовы предложить ему за наставленіе тебя плату, лишь бы толь- D. ко достало нашихъ денегъ, и мы могли бы ими убѣдить его; въ случаѣ же недостатка, прибавимъ еще деньги дру- зей своихъ. Но что, если кто-нибудь, замѣтивъ въ насъ столь сильную заботливость въ этомъ отношеніи, спро- сить: скажите мнѣ, Сократъ и Иппократъ, какому чело- вѣку, въ лицѣ Протагора, собираетесь вы платить деньги? Что будемъ отвѣчать? Какимъ еще именемъ, по слу- E. хамъ, называютъ Протагора? Фидіасъ называется ваяте- лемъ, Омиръ — поѣтомъ, а Протагоръ чѣмъ? — Прота- гора-то, видишь, называютъ софистомъ, Сократъ, отвѣ- чалъ онъ.—Слѣдовательно мы идемъ платить деньги Про- тагору, какъ софисту? — Конечно. — А если кто-нибудь спросить тебя далѣе: отправляясь къ Протагору, какимъ же челоѣкомъ надѣешься ты сдѣлаться самъ? — Иппо- кратъ покраснѣлъ (это можно было замѣтить, потому что уже начинало разсвѣтать) и сказалъ: если мой отвѣтъ долженъ быть сообразенъ съ предыдущими; то я конечно буду отвѣчать, что хочу быть софистомъ. — Но, ради бо- говъ, Иппократъ, не стыдно ли тебѣ явиться между Гре- 312. ками софистомъ? — Божусь Зевсомъ, Сократъ, стыдно, е- ли ужъ надобно говорить, что думаю. — Впрочемъ, мо- жетъ быть, на науку, которой намѣреваешься учиться у Протагора, ты смотришь такъ же, какъ смотрѣлъ на нау-

- В. ки грамматика, цитриста и гимнастика ¹, которымъ ты учился не для науки, что бы то-есть, самому быть общественнымъ наставникомъ ², а для того, чтобы получить воспитаніе, приличное частному и свободному человѣку?— Въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, я не иначе смотрю на науку Протагора. — Но понимаешь ли ты, что хочешь дѣлать, спросилъ я его, или не понимаешь? — А что? — Ты говоришь, софисту; а удивительно, если знаешь, что такое софистъ. Когда же не знаешь; то, ввѣряя ему свою душу, равнымъ образомъ не можешь знать, доброму или худому человѣку ³ ввѣряешь ее.—Это-то, кажется, я знаю, сказалъ онъ.—Отвѣчай же, что такое, по твоему мнѣнію, софистъ?—Софистъ, какъ самое имя показываетъ ⁴, есть знатокъ мудрыхъ вещей. — Но то же можно сказать и о живописцахъ, и объ архитекторахъ, возразилъ я; потому что и они—знатоки мудрыхъ вещей. Такъ, если кто-ни-
- Е. будь спросить насъ: какія именно мудрыя вещи извѣстны

¹ Изъ многихъ мѣстъ Платона (Alcib. I. 106. Theag. 122), Ксенофонта (de republ. Laced. II. 1), Исократы (Paneg. II, 195) и Аристотеля (Polit. VII, 3) видно, что обыкновенный курсъ воспитанія дѣтей въ Греціи состоялъ изъ грамматики, музыки и гимнастики. Но подъ общимъ названіемъ грамматики разумѣлись, кажется, всѣ отрасли словесныхъ наукъ, а подъ именемъ музыки—преимущественно τὸ κισαρίζειν — игра на цитрѣ.

² *Общественнымъ наставникомъ*—δημοιουργός. Это слово, когда оно прилагается къ людямъ, означаетъ мастера, или такого художника-спеціалиста, къ которому народъ въ требуемыхъ случаяхъ обращался, какъ къ знатоку, аккредитованному обществомъ. Въ этомъ смыслѣ τῷ δημοιουργῷ противопоставлялся ἰδιώτης.

³ *Доброму или худому человѣку*, οὐτ' εἰ ἀγαθῷ οὐτ' εἰ κακῷ πράγματι. Подъ словомъ *πρᾶγμα* Греки большею частію разумѣли вещь въ смыслѣ неопредѣленномъ, нѣчто, а иногда — лицо, даже цѣлый народъ; напр. Gorg. 520. В. μέμνησαι τοῦτ' τῷ πράγματι (т. е. народу); Krit. 53. D. καὶ οὐκ οἴει ἄττημιον φανεῖσθαι τὸ τοῦ Σωκράτους πρᾶγμα. Поэтому я перевожу: доброму или худому человѣку.

⁴ Слово *софистъ* у Грековъ значило то же, что у насъ знатокъ чего-нибудь, только софистовъ сверхъ того почитали еще учителями своего искусства и этою чертою отличали ихъ отъ мудрецовъ. Впослѣдствіи Греки словами τὰ σοφά, ὡς τῶν σοφιστῶν *πράγματα* стали означать уже словесныя хитрости, уловки, обманы.

живописцамъ? мы вѣроятно скажемъ: тѣ, которыя относятся къ рисованью картинъ. Такъ будемъ отвѣчать и на другіе подобные вопросы. Но когда спросятъ: какія мудрыя вещи знаетъ софистъ? что сказать? чего знатокъ онъ? — Чего болѣе, Сократъ, какъ не искусства убѣдительно говорить? — Да, можетъ быть, мы сказали бы и справедливо, только недостаточно, продолжалъ я; потому что изъ этого отвѣта вытекаетъ новый вопросъ: о чемъ именно софистъ учитъ убѣдительно говорить? Вотъ на примѣръ, цитристъ Е. учитъ убѣдительно говорить о томъ, что онъ знаетъ, то есть, объ игрѣ на цитрѣ: не правда ли, Иппократъ? — Правда. — Ну, а софистъ-то о чемъ учитъ убѣдительно говорить? конечно о томъ, что онъ знаетъ? — Вѣроятно такъ. — Скажи же теперь, въ чемъ состоитъ то знаніе, которое и самъ онъ имѣетъ, и ученику передаетъ? — Право не знаю, что сказать тебѣ на это, отвѣчалъ онъ. — Какъ? спросилъ я потомъ: но развѣ не видишь, какой опасности 372. подвергаешь свою душу? Если бы ты долженъ былъ ввѣрить кому нибудь свое тѣло и недоумѣвалъ, хорошо ли это будетъ, или худо; то долго думалъ бы, ввѣрять его или нѣтъ: ты призывалъ бы на совѣтъ друзей и родныхъ, и проводилъ бы цѣлые дни въ размышленіи. А душу-то ставишь ты выше тѣла; въ ней все твое, — и счастье и несчастье, смотря потому, хороша она будетъ, или худа: и вотъ, не посовѣтовался ты ни съ отцомъ, ни съ братомъ, в. ни съ однимъ изъ насъ, друзей твоихъ: ввѣрять ли ее, или нѣтъ, пріѣхавшему иностранцу? Но узнавъ о его прибытіи, какъ говоришь, вчера вечеромъ, и пришедши ко мнѣ сегодня до свѣта, ни однимъ словомъ не попросилъ моего совѣта: должно ли ввѣриться ему, или нѣтъ? а вознамѣрился истощить деньги и у себя и у друзей своихъ, какъ будто уже рѣшено, что надобно слушать Протагора котораго ты, по собственнымъ твоимъ словамъ, нисколько не знаешь, съ которымъ никогда не говаривалъ, и котораго называешь софистомъ, не понимая, что такое софистъ, ко- с

ему хочешь вѣряться.—Выслушавъ это, Иппократъ сказалъ: судя по твоимъ словамъ, Сократъ, это правда. — Но какъ тебѣ кажется? продолжалъ я: софистовъ нельзя ли назвать разношчиками, или рыночными торговцами ¹, которые торгуютъ на площади съѣстными припасами для души? Вѣдь софистъ мнѣ кажется чѣмъ-то похожимъ на это.

D. —Но чѣмъ питается душа ², Сократъ?—Должно быть, познаниями ³, отвѣчалъ я; только смотри, добрый другъ мой, чтобы софистъ, выхваляя свой товаръ, не обманулъ насъ такъ же, какъ разношчикъ, или рыночный торговецъ, торгующій съѣстными припасами для тѣла. Привозя свой товаръ, купцы обыкновенно хвалятъ его, хотя сами не знаютъ, полезенъ ли онъ тѣлу, или вреденъ; да и покупатели, кромѣ врача и гимнастика, не болѣе разумѣютъ это

¹ *Разношчиками или рыночными торговцами, ἔμπορος τις ἢ κάπηλος.* Ἐμποροὶ (собст. peregrinatores) πλανῆται ἐπὶ τὰς πόλεις (Polit. II, 371). Κάπηλος Платонъ описываетъ въ томъ же мѣстѣ, какъ τοὺς πρὸς ὄνην τε καὶ πρῶτιν διακονοῦντας, ἰδρυμένους ἐν ἀγορᾷ, или, по описанію Цицерона (de offic. 1, 42), qui mercantur a mercatoribus, quod statim vendant. У насъ: разношчики и рыночные торговцы.

² *Мнѣ кажется, чѣмъ-то похожимъ на это. Но чѣмъ питается...* φαίνεται γὰρ ἔμοιγε τοιοῦτός τις. Τρέφεται δὲ и пр. Такъ читается въ Ald. et Bas. I. 2. И это чтеніе вѣрнѣе того, по которому φαίνεται γὰρ ἔμοιγε τοιοῦτός τις влагается въ уста Иппократа. Фицинъ переводитъ: *Hipp.* Talis mihi sane videtur; verum quibus alitur animus? Но Иппократъ не могъ сказать φαίνεται γὰρ ἔμοιγε. Ему, какъ любителю софистовъ, это было неприлично.

³ *Должно быть, познаниями, μαθήματα δῆλον.* Подъ словомъ *μαθήματα* и разумѣю познания, а не науки. Науки и искусства у Грековъ назывались τέχαι, которыми положительно, сообразно съ принятыми формами, занимались такъ называемые *δημιουργοί*, общественные мастера и художники. Къ числу такихъ мастеровъ относились и народные ораторы. Но высшее разсматриваніе науки и искусства, художественное, или творческое разработываніе ихъ, а особенно изслѣдованіе связи между ними, почиталось дѣломъ мудрости, философiи, или гармонiи. Платонъ постоянно приписываетъ софистамъ искусство (τέχνη) учить юношество за деньги: но такъ какъ софисты выдавали себя за людей знающихъ все, и потому брались сообщать своимъ слушателямъ познания (*μαθήματα*) о всемъ; то Платонъ нерѣдко называетъ ихъ иронически и мудрецами, σοφοί. И такъ *μαθήματα* суть рыночныя познания изъ области различныхъ науки и искусствъ, не имѣющія въ своемъ основанiи одной идеи, но измѣняющія свой характеръ, смотря по направленію преподавателя и требованію слушателей.

дѣло. Подобнымъ образомъ поступаютъ и софисты, развозящіе по городамъ познанія ¹: барышничая ими и продавая ихъ охотникамъ, они выхваляютъ все, что продаютъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ сами не знаютъ, полезенъ ли душѣ товаръ ихъ; да и покупатели, кромѣ врача души, Е. столь же мало понимаютъ это. И такъ, если ты умѣешь отличать полезное отъ вреднаго; то можешь безопасно покупать познанія и у Протагора и у всякаго другаго: а когда не умѣешь, — смотри, добрый другъ мой, чтобы не подвергнуть гибели самое драгоценное свое сокровище. При покупкѣ познаній можно вѣдь впасть въ гораздо большую опасность, чѣмъ при покупкѣ пищи. Купивъ у разношчика, или рыночнаго торговца, съѣстные припасы и напитки, ты имѣешь возможность переложить ихъ въ другія хранилища и, еще не принимая въ свое тѣло, въ видѣ пищи или питья, сохранить ихъ дома и, призвавъ къ себѣ опытнаго человѣка, посоветоваться съ нимъ, что можно ѣсть или пить, и чего нельзя, когда что употреблять и сколько. При этой покупкѣ вообще — не много бѣды. Но В. познанія нельзя перелagать въ другое хранилище: заплативъ за урокъ ², ты принимаешь его прямо въ свою душу и, научившись, выходишь непременно или со вредомъ, или съ пользою. По этому познанія надобно подвергать изслѣдованію, и при томъ подъ руководствомъ старшихъ; потому что сами мы еще молоды для оцѣнки подобныхъ вещей. Теперь, утолимъ нашу жажду, Иппократъ: пойдѣмъ и послушаемъ Протагора, а послушавши, поговоримъ и съ

¹ О путешествіяхъ софистовъ съ этою цѣлію говоритъ Платонъ, Tim. 19. E. τὸ δὲ τῶν σοφιστῶν γένος — ἅτε πλανητὸν ἐν κατὰ πόλεις, οἰκήσεις τε ἰδίας οὐδαμῆ διωκηχός. Lucian Hermot, § 58. καὶ φιλόσοφοι ἀποδίδονται τὰ μαθήματα, ὥσπερ οἱ κἀπλοῖ, κρατάμενοί γε οἱ πολλοὶ καὶ δολώσαντες καὶ κακομετροῦντες.

² Заплативъ за урокъ, κρατᾶντα τὴν τιμὴν. Софисты брали съ своихъ слушателей, по условію, деньги послѣ каждаго урока. Отсюда Aristoph. Nub. 246. μισθὸν δ', ὄντιν' ἂν πράττη μ', ἠμῶμαι σοι, καταθήσειν τοὺς θεούς. Сравни. ниже 328 С.

другими; потому что Протагоръ тамъ не одинъ: мы най-
C. демъ съ нимъ также Иппіаса элейскаго ¹, а можетъ быть
и Продика хіосскаго, и многихъ иныхъ мудрецовъ.

Съ этими мыслями ² мы отправились и, пришедши къ
подъѣзду, продолжали какой-то разговоръ, начатый доро-
гою. Чтобы не прервать его и войти не окончивши, мы
остановились у подъѣзда и до тѣхъ поръ рассуждали, пока
не согласились другъ съ другомъ. Привратникъ внухъ ³,
D. кажется, подслушивалъ насъ и, такъ какъ софисты часто
обезпокойвали его, вѣроятно былъ сердитъ на входя-
щихъ. По этому, когда мы постучались въ дверь, онъ от-
ворилъ ее и, видя насъ, сказалъ: ну вотъ! еще какіе-то
софисты! Недосугъ самому! ⁴—и вдругъ, взявшись за дверь
обѣими руками, захлопнулъ ее изо всей силы. Однакожь
мы опять постучались, и привратникъ сквозь запертую
дверь закричалъ: ахъ какіе люди! развѣ вы не слышали,

¹ Атеней (V. 310. Т. II. Сравн. *Saзаиb.* p. 240. Т. III) обвиняетъ Платона въ анахронизмъ, говоря, что Иппіасъ элейскій никакъ не могъ быть въ Аѣинахъ въ одно время съ Протагоромъ; потому что Протагоръ въ другой разъ приходилъ въ Аѣины во время целопонезской войны. Но Платонъ вѣроятно и не заботился о хронологической истинѣ, а сводилъ со-
временныхъ себѣ софистовъ произвольно и излагалъ ихъ мнѣнія, какъ ми-
ниги. Иппіасъ описывается, какъ самый тщеславный педантъ своего време-
ни. См. *Groen. van. Prinsterer. Protopograph. Plat.* p. 91 sq. Тамъ же о
Продикѣ хіоскомъ p. 87. sq.

² Съ этими мыслями, *δόξαν ἤρην ταῦτα*, — атицизмъ, нерѣдко встрѣча-
ющійся и у другихъ писателей; такъ *Xenoph. Anab. IV. I. 13. δόξαν δὲ ταῦτα*
ἐχούσαν οὕτω ποιεῖν. Lucian. Ver. Post. 1, 7. δόξαν δὲ μοι καὶ ἄθεν ἄρχεται ἰ
πταρὸς; καταμθεῖν, и проч. Значеніе его можно видѣть изъ слѣдующаго не-
обходимаго дополненія: *δόξαν ἤρην ἐχόντων περὶ ταῦτα*.

³ Богатые Греки, каковъ былъ и Калліасъ, начиная оставлять націо-
нальный образъ жизни и подражая въ роскоши Персамъ, имѣли въ домахъ
своихъ внуховъ. Тѣже обычаи мало по-малу приняты были и Римлянами.
Terent. Eun. 1, 2. 28. De janitoribus. seu pueris ab janua. см. *Pignor. de*
serv. p. 214 sq.

⁴ *Недосугъ самому. Οὐ τυχὸν αὐτῷ*, то-есть, господину. Такимъ же обра-
зомъ Римляне употребляли мѣстоим. *ipse* См. *Vach. ad Xenoph. Oecon.*
III, 5. Sprunheim. ad Aristoph. Nub. v. 219. Virman. ad Virgil. Georg.
IV. 82. Такъ употребляется оно и у насъ — въ простонародѣ, гдѣ этимъ
мѣстоименіемъ указывается не только на господина, но и на хозяина или
хозяйку дома.

что самому недосугъ? — Но, любезный, сказалъ я, мы идемъ не къ Калліасу, да мы и не софисты; не бойся, намъ нужно видѣть Протагора: доложи ему. — Тогда слуга едва Е. согласился отворить намъ дверь ¹.

Какъ скоро мы вошли,—тотчасъ увидѣли, что Протагоръ расхаживалъ взадъ и впередъ вдоль перистилля залы ². Рядомъ съ нимъ ходили, съ одной стороны, Калліасъ сынъ Иппо- 315. ника, Паралосъ сынъ Перикла, братъ Калліаса по матери, и Хармидъ сынъ Главковъ ³; съ другой—Ксантиппъ, второй сынъ Перикла, Филиппидъ, сынъ Филомела, и Антиме- рось изъ Мендеи ⁴, отличнѣйшій между учениками Прота- гора, учащійся для науки, съ цѣлю быть софистомъ. По- зади ихъ ⁵ шли слушатели уроковъ, большею частію ино- странцы, которыхъ Протагоръ беретъ изъ всѣхъ посѣщае- мыхъ имъ городовъ, увлекаая ихъ своимъ краснорѣчіемъ, какъ Орфей, и которые слѣдуютъ за нимъ, какъ очаро- ванные. Въ этомъ послѣднемъ сонмѣ было нѣсколько чело- В.

¹ Тогда слуга едва согласился отворить намъ дверь. Μόγις οὖν ποτε ἤμιν ἄνθρωπος ἀνέωξε τὴν θύραν: Ἄνθρωπος почти во всѣхъ изданіяхъ безъ члена. Асть заключаетъ отсюда, что Греки, говоря о комъ-нибудь съ униженіемъ, произносили нарицательное его имя безъ члена. Догадка остроумная и вѣроятная—тѣмъ болѣе, что она подтверждается подобнымъ употребленіемъ именъ въ новыхъ языкахъ; отсюда конечно обычай и въ Россіи называть слугу челоѡкомъ, ἄνθρωπος?

² Вдоль перистилля залы, ἐν τῷ προστύῳ. Προστύον, зала, непосредственно слѣдовавшая за переднею (atrium) и отличавшаяся отъ нашихъ залъ тѣмъ, что вдоль всѣхъ стѣнъ ея устроены портики (peristylum), назначавшіяся для прогулки, и потому называвшіяся также περίπατον. См. Vitruv. V, 2. VI, 7. 10. Περίπατεῖν значило ходить вдоль и вокругъ перестилля залы.

³ Упоминаемый здѣсь Хармидъ есть тотъ самый, именемъ котораго на- званъ одинъ изъ Платоновыхъ разговоровъ.

⁴ Мендея, одинъ изъ Фракіійскихъ городовъ. См. Pomr. Mel. II, 2.

⁵ Позади ихъ, τοῦτων δὲ οἱ ὀπισθεν. Оі нѣтъ во многихъ лучшихъ спискахъ, и оно, очевидно, лишнее; потому что выраженіе οἱ ὀπισθεν должно бы указы- вать на извѣстныхъ уже слѣдователѣй; но объ нихъ не было говорено. При- томъ τοῦτων здѣсь зависитъ отъ предлога, а не отъ глагола; слѣдовательно ὀπισθεν не можетъ быть обращено въ прилагательное. Конструкція такова: τοῦτων δὲ ὀπισθεν ἠκολούθουν ἐπακούοντες τῶν λεγόμενων. За ними, т. е., почет- ными слушателями, которые формально не принадлежали къ школѣ, шли дѣйствительные ученики.

вѣкъ и нашихъ соотечественниковъ. Я особенно любовался на эту заднюю шеренгу, смотря, какъ всѣ, ее составлявшіе, остерегались, чтобъ не опередить Протагора и не помѣшать его шествію, какъ чинно разступались они на право и на лѣво, когда онъ и его фланги дѣлали поворотъ назадъ, какъ стройно раздѣлялись они и всякій разъ красиво замыкали кругъ позади своего учителя.

Потомъ я узрѣлъ, сказалъ бы Омиръ ¹, Иппіаса Элейскаго. Онъ возсѣдалъ на высококомъ престолѣ ² на противоположной сторонѣ перистиля. Вокругъ его на скамьяхъ помѣщались, Эриксимахъ ³ сынъ Акумена, Федръ Миррипузскій, Андронъ сынъ Андротіона ⁴, а изъ иностранцевъ, нѣкоторые соотечественники Иппіаса и другіе. Они, какъ мнѣ казалось, вопрошали своего учителя о природѣ и предметахъ астрономическихъ; а онъ, возсѣдая на своемъ престолѣ, давалъ каждому отвѣтъ и разрѣшалъ всѣ вопросы.

¹ *Потомъ я узрѣлъ, сказалъ бы Омиръ, τὸν δὲ μετ' εἰσεβήσας, ἔφη "Ὀμηρος (Oduss. XI, 601). Шлейермахеръ полагаетъ, что слова ἔφη "Ὀμηρος внесены въ текстъ е margine, слѣдовательно въ переводѣ должны быть выпущены. Но у Платона много подобныхъ мѣстъ. Напр. Thaeet. 170 D. Νή τὸν Δία, ὃ Σώκρατες, μάλα μυρίαὶ δῆτα, φησὶν "Ὀμηρος, οἱ γέ μοι τὰ ἔξ ἀνθρώπων πράγματα παρέχουσι, Менон. 76 D. ἐκ τούτων δὲ οὐκ ἐστὶν ὅτι λέγω, ἔφη Πίνδαρος и проч. Grou приводитъ другую причину умѣстности словъ ἔφη "Ὀμηρος. Platon donne ici finement à entendre, говорить онъ, que les sophistes ne sont que des ombres, des phantomes des sages, comme ceux, qu' Ulysse vit aux enfers; потому что при этомъ именно случаѣ сказаны слова τὸν δὲ μετ' εἰσεβήσας. Но Платону нужны были вѣроятно не слова, а эпическій тонъ Омира, чтобы пошутить надъ важною осанкою, диктаторскимъ тономъ и педантствомъ софистовъ. Эта мысль оправдывается напыщенностію слѣдующихъ за тѣмъ выраженій: ἐν ἔρῳ κατῆμενος—ἐφαίνοντο δὲ περὶ τῶν ἀστρονομικῶν τε καὶ τῶν μετεώρων ἀστρονομικὰ ἄλλα διερωτᾶν τὸν "Ιππίαν и проч. По этому мнѣ очень нравится замѣчаніе Стефана, что вмѣсто ἔφη "Ὀμηρος, лучше бы (по крайней мѣрѣ сообразнѣе съ характеромъ подобной рѣчи въ русскомъ языкѣ) читать: φαῖν ἄν "Ὀμηρος.*

² Подъ именемъ престола надобно разумѣть, по всей вѣроятности, нѣчто въ родѣ каяедры, которая однакожъ тогда, какъ видно, не получила еще особаго названія.

³ Эриксимахъ—врачъ, часто упоминаемый въ сочиненіяхъ Платона, напр. въ Федрѣ и Пирѣ.

⁴ Андротіонъ. См. разговоръ подъ именемъ Горгіаса 487 С.

Наконецъ вотъ я увидѣлъ и Тантала ¹,—Продика хіоскаго. Онъ живетъ тамъ же, въ какомъ-то чуланѣ, котор- D. рый Иппонику служилъ кладовою, а теперь, по множеству пріѣзжихъ, очищенъ Калліасомъ и отданъ для жительства иностранцамъ. Продикъ былъ еще въ постелѣ, окутанный, какъ мнѣ казалось, многими мѣхами и одѣялами ². Подлѣ него, на ближнихъ диванахъ, возлежали — Павзаній керамисскій ³, а съ Павзаниемъ молодой человекъ, еще мальчикъ, имѣвшій, по моему замѣчанію, отличныя способности и весьма пріятную наружность. Его называли, какъ E. мнѣ послышалось, Агатономъ ⁴; и не удивительно, если Павзаній любитъ его. И такъ, здѣсь находились — этотъ мальчикъ, оба Адиманты ⁵, дѣти Кипида и Левколофида, и еще нѣсколько человекъ. Но о чемъ они говорили, изъ другой комнаты нельзя было слышать, хотя я сильно желалъ послушать Продика, потому что онъ кажется мнѣ человекомъ мудрѣйшимъ и божественнымъ. Басистый го- 316. лось его производилъ такой гулъ въ его чуланѣ, что невозможно было разобрать ни одного слова.

Лишь только мы вошли, вдругъ въ слѣдъ за нами явились — прекрасный Алкивіадъ (какимъ ты называешь его, и въ чемъ я согласенъ съ тобою) и Критіасъ, сынъ Кал-

¹ *Наконецъ я увидѣлъ и Тантала, και μὴν Τάνταλον εἶσεidon* (Hom. Odyss. XI, 581). Платонъ уподобляетъ Продика Танталу, котораго богатство вошло у Грековъ въ пословицу: *Ταντάλω χρήματα, Ταντάλω τάλαντα* (см. Fischer. ad. Euthyphr. 41. Anacr. 383). Поводъ къ этому уподобленію подало Платону необыкновенное корыстолюбіе Продика, котораго современники называли пятидесятидрахмовымъ хвастуномъ (см. Krat. 384. Arist. Rhet. III, 14 etc.); потому что онъ требовалъ отъ слушателей за свои уроки по пятидесяти драхмъ, около 115 р. серебр.

² *Окутанный, какъ мнѣ казалось, многими мѣхами и одѣялами.* Шутка надъ извѣженностію Продика. См. Casaub. ad Sveton. II, 78. Aristoph. Nub. 10. ἐν πέντε σιούραις ἐκκεχορδύλημένος.

³ Керамисъ, деревня въ трибѣ Акамантисъ.

⁴ Этотъ Агатонъ въслѣдствіи извѣстенъ былъ какъ поэтъ, и поэзія его отличалась извѣженностію. Aristoph. Thesmoph. 52, 58 sq.

⁵ Адимантъ, сынъ Кипида, исторически неизвѣстенъ; а сынъ Левколофида былъ вождемъ Афинскаго войска во время пелопонесской войны. Xenoph. hist. Graec. I, 4. 21.

- лесхра ¹. Вошедши, мы не много постояли, на все насмо-
- В. трѣлись, потомъ подошли къ Протагору, и я сказалъ ему: Протагорь! мы съ Иппократомъ пришли къ тебѣ. — Угодно ли вамъ говорить со мною наединѣ, спросилъ онъ, или при всѣхъ? — Для насъ все равно, отвѣчалъ я: узнавши, за чемъ мы пришли, ты самъ рѣшишь этотъ вопросъ. — За чемъ же вы пожаловали? — Представляю тебѣ Иппократа, здѣшняго уроженца, сына Аполлодора, отрасль знатнаго и богатаго дома. По душевнымъ дарованіямъ, не уступая своимъ сверстникамъ, онъ, кажется, желаетъ приобрести извѣстность въ городѣ, а для успѣшнѣйшаго достиженія этой цѣли, ему, какъ онъ думаетъ, нужны твои наставленія. И такъ, теперь смотри самъ, надобно ли объ этомъ говорить съ нами наединѣ, или при другихъ? — Ты справедливо заботишься обо мнѣ, Сократъ, сказалъ онъ. Тотъ иностранецъ въ самомъ дѣлѣ долженъ быть остороженъ, который, посѣщая большіе города, убѣждаетъ знатныхъ юношей, оставивъ уроки другихъ, родныхъ и чужихъ, старшихъ и младшихъ, обращаться къ
- D. его наставленіямъ, чтобы чрезъ то сдѣлаться лучшими; потому что отсюда можетъ проистекать сильная зависть, ненависть и коварство. Между тѣмъ софистическое искусство я почитаю древнимъ; только въ древности люди, занимавшіеся имъ, боясь ненависти, старались прикрывать его и давали ему форму то поэзіи, какъ Омиръ, Исїодъ и Симонидъ, то таинствъ и священныхъ пѣснопѣ-

¹ Критіасъ, сынъ Каллесхра, сперва долго былъ въ связи съ софистами и Сократомъ, потомъ ушелъ въ Тессалію и тамъ, по свидѣтельству Ксенофонта (Мемог. 1. 2. 12), сдѣлался однимъ изъ жесточайшихъ и корыстолюбивѣйшихъ олигарховъ.

² Аѣинское правительство разумѣло софистику, какъ нововведеніе, враждебное нравамъ и религіи. По этому Протагоръ, сказавъ, что софистика возбуждаетъ ненависть, старается теперь доказать несправедливость обвиненій мнимою древностію своей науки и опереться на авторитетъ знаменитыхъ людей. Сверхъ сего это направленіе разговора ведетъ прямо къ изслѣдованію нерѣшеннаго прежде вопроса: чему учить софіястъ и полезно ли для души его ученіе.

ній ¹, какъ Орфей и Музей; нѣкоторые же, знаю, преподавали его даже подъ видомъ гимнастики, какъ Иккосъ тарентскій ² и никому въ наше время не уступающей софистъ, Иродикъ сививрійскій ³, уроженецъ мегарскій; а ^{Е.} вашъ Агаеоклъ ⁴, на самомъ дѣлѣ великій софистъ, также Питоклидъ хіосскій ⁵ и многіе другіе, прикрывали его музыкою. Всѣ эти люди, говорю, боясь зависти, только прятались подъ искусствами; но я несогласенъ съ ними на та- ^{317.} кое средство. Они, мнѣ кажется, не достигали того, къ чему стремились,—не могли утаиться отъ людей, имѣющихъ въ городѣ власть; хотя для нихъ-то собственно и прибѣгали къ скрытности: а чернь-то, просто сказать, ничего не понимаетъ, и только превозносить, что объявляютъ ей правители. Безразсудно предпріятіе человѣка бѣжать, когда онъ, не имѣя силъ уйти, только обнаружился бы, и еще болѣе раздражилъ бы противъ себя людей; потому ^{В.} что тогда сильно обвинили бы его за самое намѣреніе и сочли бы лукавымъ въ отношеніи ко всему другому. Я иду путемъ совершенно противоположнымъ: я признаю себя софистомъ — учителемъ людей; и эта осторожность, по моему мнѣнію, превосходнѣе той. Лучше признаться, чѣмъ заператься. Впрочемъ, я принималъ и другія мѣры ос-

¹ Первые приписываются Орфею: *Aristoph. Ran.* 1064. Ὀρφεὺς μὲν γὰρ τελετὰς ἤμιν κατέδειξεν, а послѣднія—Музею, о которомъ см. *Passow. in Mus.* p. 21. 26 sq.

² Иккосъ тарентскій, славный атлетъ, процвѣтавшій около 77 ол. Говорятъ, что, желая сохранить свои силы и на играхъ всегда оставаясь побѣдителемъ, онъ отказался приносить жертвы Венерѣ. *Legg. VIII, 838. E. Astii.* annot. p. 58.

³ Иродикъ сививрійскій родился, кажется, въ Мегарѣ, а потомъ перѣхалъ въ Сививрію, одинъ изъ еракійскихъ городовъ близъ Пропонтиды (*Strab. VIII, p. 437*). Онъ былъ учителемъ гимнастики; а потомъ, сдѣлавшись больнымъ, съ гимнастикою соединилъ медицину — не для того, чтобъ выздороветь, а чтобъ протянуть болѣзнь и умереть. *Polit. III. 406. Arist. Rhet. I, 5. 29.*

⁴ Агаеоклъ, музыкантъ, учитель Дамона, который въ свою очередь училъ музыкѣ Перикла. *Lucret. 108. D. Plut. vita Pericl. 153 E.*

⁵ Питоклидъ хіосскій, музыкантъ и Пиеагореецъ (*Schol. comment. T. II, p. 387 Boeck.*), былъ учителемъ Агаеокла и Перикла (прежде Дамона).

торожности ¹, и вотъ, выдавая себя за софиста, слава Богу, не потерпѣлъ ничего худаго, хотя уже много таки лѣтъ С. преподаю свое искусство и вообще давно живу на свѣтѣ. Изъ всѣхъ васъ нѣтъ ни одного, кому бы я, по своимъ лѣтамъ, не годился въ отцы: По этому мнѣ будетъ весьма пріятно, Сократъ и Иппократъ, если объ этомъ вы согласитесь бесѣдовать со мною въ присутствіи всѣхъ моихъ посѣтителей.

Замѣтивъ, что Протагору хочется похвастаться и по-величаться предъ Продикомъ и Иппіасомъ нашею любовію къ его ученію, я сказалъ: А что? не пригласить ли намъ Продика, Иппіаса и собесѣдниковъ ихъ, въ число своихъ D. слушателей? — Очень хорошо, отвѣчалъ Протагоръ. — А намъ не позволите ли устроить мѣста, сказалъ Калліасъ, чтобы вы бесѣдовали сидя? — Это также показалось нужнымъ. И мы, обрадовавшись, что будемъ слушать мудрецовъ, сами ² схватили скамьи и диваны ³, и разставили ихъ подлѣ Иппіаса, гдѣ нѣсколько скамей было и прежде. E. Между тѣмъ Калліасъ и Алкивиадъ подняли съ постели Продика и привели его къ намъ вмѣстѣ съ собесѣдниками.

¹ Впрочемъ я принималъ и друіа мѣры осторожности, και ἄλλας πρὸς ταύτην ἔσκεμμαι, ὥστε. . Это выраженіе, кажется, повреждено, потому что και ἄλλας (т. е. εὐλαβείας, какъ понимаютъ) ἔσκεμμαι, не имѣетъ связи съ другою половиною фразы: ὥστε, σὺν θεῷ εἰπεῖν, μηδὲν δεῖνδον πάσχειν и проч. По видимому, умѣстнѣе было бы: και ἄλλως τε πρὸς ταύτην ἔσκεμμαι, ὡς и проч. такъ что τε отъ слѣдующаго ὥστε, кажется, должно быть перенесено къ слову ἄλλως. Впрочемъ Штальбомъ замѣчаетъ (Adn. ad Gorg. 475. D), что ἄλλος, перемѣняясь по падежамъ, иногда тѣмъ не менѣе удерживаетъ значеніе нарѣчія praetergea, напр. ζηλωτὸς ὢν και εὐδαιμονιζόμενος ὑπὸ τῶν πολιτῶν και τῶν ἑλλῶν ξένων.

² Сами, και αὐτοὶ τε, (т. е. не дожидаясь слугъ). Въ такомъ случаѣ вмѣсто τε, умѣстнѣе было бы γε; потому что послѣдняя частица усиливаетъ значеніе того слова, послѣ котораго поставляется. Напр. выше 309 С. και πολὺ γε 322 D. και νόμον γε θεὸς παρ' ἐμοῦ.

³ Схватили скамьи и диваны, ἀντιλαβόμενοι τῶν βᾶθρων και τῶν κλινῶν. Шлейермахеръ переводитъ: und machten Bänke und Polster. Но κλίνη—не подушка, не скамья, даже не кровать (κράβατος), а родъ дивана, на которомъ Греки и Римляне обыкновенно возлежали (отъ κλίνω). Слову κλίνη ближайшимъ образомъ соотвѣтствуетъ французское couchette.

Когда всё мы заняли мѣста,—Протагоръ сказалъ: Сократъ! объяви-ка теперь и въ присутствіи этихъ людей, что ты недавно говорилъ мнѣ касательно молодаго чело- 318.
вѣка. — У меня тоже будетъ начало, Протагоръ, какое бы-
ло сей часъ, касательно того, зачѣмъ мы пришли, отвѣ-
чалъ я. Этотъ Иппократъ имѣетъ сильное желаніе воспользо-
ваться твоими наставленіями. Но ему пріятно было бы узнать,
что изъ него выдетъ, если онъ будетъ твоимъ ученикомъ.
Наша-то рѣчь въ этомъ и состояла. — Тогда Протагоръ,
подхвативъ мое слово, сказалъ: Молодой челоувѣкъ! если
ты будешь моимъ ученикомъ; то по прошествіи дня, про-
веденнаго со мною, возвратишься домой лучшимъ; тоже и
на другой, тоже и каждый день, — все будешь лучше и
лучше.—Выслушавъ это, я примолвилъ: Тутъ нѣтъ ничего в.
удивительнаго, Протагоръ; такъ и должно быть. Ты самъ,
при всей своей старости и мудрости, учась чему нибудь
такому, чего прежде не зналъ, становился бы лучшимъ.
Но не о томъ рѣчь. Представимъ, что Иппократъ въ эту
самую минуту перемѣняетъ свое намѣреніе и хочетъ брать
уроки у молодаго челоувѣка, Зевгзиппа ираклейскаго, ко-
торый недавно къ намъ пріѣхалъ. Онъ идетъ къ нему, какъ
теперь пришелъ къ тебѣ, и, услышавъ отъ него тоже, что
отъ тебя, то есть, что чрезъ его уроки онъ съ каждымъ С.
днемъ будетъ лучше и успѣшнѣе, спрашиваетъ его: въ
чемъ же буду я лучше и успѣшнѣе? Зевгзиппъ скажетъ:
въ живописи. Равнымъ образомъ представимъ, что Иппо-
кратъ учится у Ортагора ѳивскаго ¹ и, слыша отъ него
тоже, что отъ тебя, спрашиваетъ его: въ чемъ буду я съ
каждымъ днемъ лучше, пользуясь твоими наставленіями?
Тотъ скажетъ, что въ игрѣ на флейтѣ. Скажи же и ты,
Протагоръ, что общаешь этому юношѣ и мнѣ, спраши- D.
вающему тебя его именемъ? Въ чемъ, въ отношеніи къ

¹ Зевгзиппъ ираклейскій—вѣроятно тотъ самый, о которомъ упоминается въ Ксенофоновомъ Симп. IV, 63, а Ортагоръ ѳивскій—тотъ самый, который училъ музыкѣ Эпаминонда. *Athen.* V, 184. Е.

чему возвратится Иппократъ домой лучшимъ и успѣшнѣйшимъ, по прошествіи перваго и каждаго, проведеннаго съ тобою дня? — Выслушавъ это, Протагоръ отвѣчалъ: Ты хорошо спрашиваешь, Сократъ; а на хорошіе вопросы пріятно и отвѣчать. Посѣщая меня, Иппократъ не потерпитъ ничего такого, что могъ бы потерпѣть въ бесѣдѣ другихъ софистовъ. Другіе портятъ юношей; потому что юноши бѣгаютъ отъ наукъ, а они снова обременяютъ ихъ науками и заставляютъ учиться ариѳметикѣ, астрономіи, геометріи, музыкѣ (говоря это, онъ взглянулъ на Иппіаса): напротивъ, приходящіе ко мнѣ учатся только тому, для чего приходятъ. Я преподаю имъ науку благоразумія въ дѣлахъ домашнихъ, то есть, какъ лучше управлять собственнымъ домомъ, — и въ дѣлахъ общественныхъ, какъ искуснѣе дѣйствовать и говорить о дѣлахъ города. — Правильно ли я понимаю тебя? ты, кажется, говоришь о политикѣ и общаешь сдѣлать своихъ учениковъ добрыми гражданами. — Это самое, Сократъ; таково мое объявленіе, отвѣчалъ онъ. — Прекрасную же науку изучилъ ты, если только изучилъ. Но позволь и тебѣ откровенно высказать, что я думаю. Мнѣ кажется, этому учить нельзя ¹ хотя, слыша отъ тебя

В. противное, незнаю какъ не вѣрить. А почему я думаю, что этому учить нельзя, что этого люди не могутъ передавать людямъ, — считаю нужнымъ сказать. Я, вмѣстѣ съ

¹ Платонъ приходитъ наконецъ къ главному вопросу разговора: можно ли учить добродѣтели? Этотъ вопросъ въ его время былъ особенно въ ходу. Люди, почитавшіеся учеными и мыслящими, толковали о немъ часто и рѣшали его различнымъ образомъ: одни доказывали, что добродѣтель пріобрѣтается воспитаніемъ и наукою; другіе, что она зависитъ отъ способностей, и слѣдовательно есть даръ природы. *Fischer. ad Aesch. Socr. qui feruntur, dialogg. p. 21 sqq. Fülleborn. Symbol. ad histor. phil. P. X. p. 143 sqq.* Протагоръ защищалъ первое мнѣніе, и потому выдавалъ себя за учителя добродѣтели; а Платонъ не держался исключительно ни того, ни другаго, но, рассматривая добродѣтель въ двухъ видахъ, юридическомъ и иеическомъ, первую почиталъ предметомъ науки, а вторую — даромъ боговъ. Этимъ только различіемъ добродѣтели можно согласить кажущіяся противорѣчія Платоновыхъ положеній въ Менонѣ, Протагорѣ, Эвтидемѣ и Лахесѣ.

другими Эллинами, называютъ Аѳинянъ мудрыми ¹. Вотъ и смотрю, — въ народномъ собраніи, когда нужно разсуждать о какой нибудь постройкѣ, призываются архитекторы и требуется отъ нихъ совѣта касательно зданій; если же надобно строить корабли, то приглашаются корабельные мастера. Такъ бываетъ и во всемъ, чему, по мнѣнію С. Аѳинянъ, можно учиться и учить. Но когда вздумаетъ совѣтовать имъ такой человекъ, который не почитается мастеромъ, — они, не смотря ни на красоту его, ни на богатство и благородство, никакъ не принимаютъ его совѣта, но смѣются надъ нимъ и кричатъ до тѣхъ поръ, пока онъ, оглушенный крикомъ, или самъ не уйдетъ, или, по приказанію старѣйшинъ ², не будетъ взятъ и выведенъ луконосцами ³. Такъ дѣлаютъ Аѳиняне съ тѣми, кого они разсуждаютъ, какъ художниковъ. Если же бываетъ нужно разсуждать о распорядкѣ политическомъ, то и плотникъ, и слѣсарь, и кожевникъ, и купецъ, и мореплаватель, и богатый, и бѣдный, и благородный, и неблагородный, — всѣ встаютъ и совѣтуютъ, и никто не запрещаетъ имъ, какъ прежде запрещали мѣшаться въ дѣла художниковъ, никто не говоритъ: какъ смѣетъ такой-то, ни гдѣ и ни у кого не учившись, подавать совѣты? Отсюда видно, что Аѳиняне не относятъ этого къ предметамъ науки. И нельзя сказать, что такъ думаетъ одна чернь: нѣтъ, даже мудрѣйшіе и превосходнѣйшіе изъ гражданъ не могутъ передать другимъ той добродѣтели, которую имѣютъ сами. Вотъ примѣръ Периклъ ⁴, отецъ этихъ молодыхъ людей, далъ

¹ Я называю Аѳинянъ мудрыми, — похвала едвали не ироническая; потому что Платонъ въ другомъ мѣстѣ (Polit. VI, 492. B) называетъ народъ величайшимъ развратителемъ юношества (τοὺς πολλοὺς μεγίστους εἶναι σοφιστάς), особенно когда онъ—въ собраніи, въ судѣ, въ театрѣ.

² Старѣйшинами, πρῶτοις, назывались сенаторы, или предсѣдатели народныхъ собраній. Pollux. VIII, 9 95. sq.

³ Луконосцы, τοξόται, составляли городскую полицію, были вооружены луками и, вѣроятно по этой причинѣ, назывались также Скивами. Pollux. p. 408. sq.

⁴ Въ древности Атеней, а въ наши времена Шнейдеръ и другіе, обвиняютъ Платона за то, что онъ въ этомъ мѣстѣ говоритъ о Периклѣ еще

- имъ прекрасное и успѣшное образованіе во всемъ, что зависѣло отъ учителей; а собственной своей мудрости не научилъ ихъ ни самъ, ни чрезъ другаго: они бродятъ и питаются, какъ безпастушные ¹, не нападутъ ли гдѣ нибудь случайно на добродѣтель. Вотъ, если угодно, и еще примѣръ: тотъ же самый Периклъ, заботясь о Клиніасѣ, младшемъ братѣ Алкивіада ², и опасаясь, чтобы онъ не возвратился въ сообществѣ послѣдняго, удалилъ его и ввѣрилъ для воспитанія Арифрону. Но послѣ того не прошло В. и шести мѣсяцевъ; какъ Арифронъ отослалъ его назадъ, не зная, что съ нимъ дѣлать. Могу наименовать тебѣ много и другихъ, которые, сами бывъ добродѣтельны, не могли сдѣлать лучшими никого, ни родныхъ, ни чужихъ. Смотри на такіе примѣры, я не думаю, Протагоръ, чтобы можно было учить добродѣтели. Впрочемъ, слыша отъ тебя противное, уступаю; потому что почитаю тебя такимъ человѣкомъ, который многое дозналъ опытомъ, многому учился, многое открылъ самъ. Итакъ, если можешь, до- С. кажи яснѣе, что добродѣтель точно пріобрѣтается ученіемъ: не скрывай этого, сообщи намъ. — Не скрою, Сократъ, сказалъ онъ: но долженъ ли я, какъ старшій, объяснить это вамъ младшимъ, посредствомъ притчи ³, или обыкновенною рѣчью? — Какъ тебѣ угодно, отвѣчали многіе

живущемъ, между тѣмъ, какъ Периклъ умеръ уже въ 487 олимп. Но изъ длинныхъ словъ Платона почти вовсе не видно, что онъ разумѣлъ его живущимъ. Одно только выраженіе: *ἀ δὲ αὐτὸς παρὸς ἔστιν*, какъ будто указываетъ на время настоящее; но говоря о великихъ людяхъ, Греки часто употребляли настоящее вмѣсто прошедшаго.

¹ *Безпастушные*, *ἄφροτοι*, т. е. оставленные безъ стражи. Эту аналогію Платонъ, кажется, беретъ отъ священныхъ животныхъ, которые, какъ думали Греки, пасутся только подъ покровительствомъ Бога. *Plut. Lucull. p. 507 sq. Crit. 119. D. ἄφροτων ὄντων παύρων ἐν τῷ Πρωταγόρου ἱερῷ.*

² Клиніасъ и Алкивіадъ были дѣти Клиніаса, павшаго при Херонѣ, и находились подъ опекою Перикла и Арифрона, брата его. *Plut. Alcib. 191 F.*

³ На востокъ былъ, а частію и теперь есть обычай объяснить извѣстный предметъ приточно. Ученые находили много причинъ, которыми могъ поддерживаться этотъ обычай,—и цѣлей, для которыхъ онъ существовалъ. Въ этомъ мѣстѣ Платонъ указываетъ на особенный и замѣчательный случай употребленія приточной рѣчи: *ὡς πρεσβύτερος νεώτεροις, μύθων λέγων ἐπιδείξω.*

изъ присутствующихъ. — Для меня пріятнѣе предложить вамъ притчу.

Было время, когда боги существовали, а смертные роды еще нѣтъ ¹. Но какъ скоро и для нихъ наступило предназначенное время рожденія, боги образовали ихъ въ земной утробѣ, изъ смѣшенія огня и земли, и изъ того, что могло соединиться съ огнемъ и землею ². Потомъ, вознамѣрившись вывести ихъ на свѣтъ, они приказали Прометею и Эпиметею ³ украсить ихъ и дать каждому приличныя силы. Но Эпиметей упросилъ Прометея, чтобы онъ позволилъ ему одному сдѣлать раздѣлъ; а когда я раздѣлю, сказалъ, тогда посмотришь. Уговоривъ его, Эпиметей началъ дѣлить, и при раздѣлѣ, однимъ далъ крѣпость безъ быстроты, а слабыхъ снабдилъ быстротою; другихъ вооружилъ, а для невооруженныхъ придумалъ иныя средства самосохраненія, то есть, имѣвшимъ малое

¹ Излагаемая здѣсь притча объ Эпиметѣ и Прометѣеѣ есть подражаніе Гезіодовой о Прометѣеѣ и Пандорѣ (Theogon. v. 535. sqq.). Первая мысль въ ней, что люди, какъ αὐτόχθονες, произошли изъ земли (Empedocles natos homines ex terra ait, ut blutum. Varr. Fragm. T. I. p. 276. Ut merito maternum nomen adepta terra sit, e terra quoniam sunt cuncta creata. Lucr. V, 794), или изъ земли, смѣшанной съ водою, ἐκ πηλοῦ (Ovid. metam. I. 80), встрѣчается еще у самыхъ древнихъ философовъ. (Pimm. Ист. Фил. др. вр. Т. I. ст. 245). Но такъ какъ софисты, пересказывая древнія притчи, большею частію измѣняли ихъ въ подробностяхъ и принаровляли къ своей цѣли; то и Платонъ изложилъ притчу объ Эпиметѣеѣ и Прометѣеѣ совершенно въ духѣ софистическомъ, то-есть внесъ въ нее множество щеголеватыхъ фразъ и ненужныхъ повтореній, перепуталъ въ ней порядокъ разсказа и раскрылъ ее въ такомъ видѣ, что Протагоръ, доказывая ея изучимость добродѣтели, незамѣтно доказалъ и происхожденіе ея отъ боговъ, слѣдовательно поставилъ себя въ противорѣчіе съ самимъ собою и подалъ Сократу поводъ къ новому изслѣдованію вопроса. (См. Arn. Eckert. Specimen in Protagorae apud Platonem fabulam de Prom.).

² Подъ веществами, соединяемыми съ огнемъ и водою, древніе разумѣли воздухъ и землю. Огонь соединяется съ воздухомъ (Lucr. III, 235. nec calor est quisquam, cui non sit mistus et aër), а вода съ землею (Ovid. I. I.). Штальбомъ догадывается, что Протагоръ имѣлъ въ виду ученіе Парменида, который стихіями всѣхъ вещей почиталъ землю, огонь и нѣчто третье, смѣшанное изъ того и другаго. Brand. comment. cleat. I. p. 156. 165.

³ Прометей и Эпиметей почитались сынами Япета и Климены (Hesiod. Theog. 513), или Азіи, дочери Океана (Apollod. 1. 2. 3. Сравн. Heyne Observ. p. 10.

тѣло ¹ далъ возможность летать на крыльяхъ, или жить въ нѣдрахъ земли; а снабженныхъ огромностію должна
 321. была спасать самая огромность ихъ. Съ такимъ же равновѣсіемъ раздѣлилъ онъ и все прочее, заботясь о томъ, чтобы какой нибудь родъ не уничтожился. Поставивъ ихъ въ состояніе безопасности другъ отъ друга, Эпиметей придумалъ для нихъ средства и противъ перемѣнъ воздуха, то есть, одѣлъ ихъ густыми волосами и твердою кожею, что бы это могло защищать ихъ отъ холода и зноя, а во время сна служить естественною, самородною постелью; ноги же обложилъ то копытами, то щетками, или твердою и безкровною кожею. Наконецъ, различнымъ животнымъ назначилъ онъ и различную пищу: однимъ — растѣнія земли, другимъ — древесные плоды, инымъ — корни, а нѣкоторымъ позволилъ пожирать животныхъ и, заботясь о сохраненіи родовъ, плотоядныхъ надѣлилъ меньшимъ плодородіемъ, а тѣхъ, которыхъ они должны были истреблять, большимъ. Но такъ какъ Эпиметей былъ не очень мудръ ²; то забывшись, расточилъ всѣ дарованія (на животныхъ безсловесныхъ) ³.

¹ *Имѣвшимъ малое тѣло, ἃ μὲν γὰρ αὐτῶν σμικρότητι ἤμισθε, quæ parvitate obdixit,*—выраженіе вовсе не въ характерѣ рѣчи Платоновой, но отличается страннымъ сочетаніемъ понятій, которымъ въ то время щеголяли второстепенные поэты и софисты, старавшіеся самую обыкновенную мысль выразить въ кудрявой фразѣ. Такъ всегда Платонъ даетъ каждому лицу въ разговорѣ языкъ, ему приличный и, въ удобность своей мимики, даже иногда допускаетъ шероховатость рѣчи; напр. ниже: τῷ δὲ αὐτῷ αὐτὰ ἔσασσε.

² Эпиметей значитъ—непроницательный, непредусмотрительный (отъ ἐπιμηθεῖα): напротивъ Прометей — проницательный, предусмотрительный (отъ προμηθεῖα). Платонъ, заставивъ Протагора рассказывать мнѣ объ Эпиметей и Прометей, поставилъ его въ такое же отношеніе къ разсматриваемому въ разговорѣ вопросу, въ какомъ находился Эпиметей къ человѣческому роду послѣдній, по непредусмотрительности, обидѣлъ человѣка; а первый, также по непредусмотрительности, обидѣлъ собственное свое положеніе, что добродѣтели можно учить; ибо въ самомъ мнѣ приписалъ ей божественное происхожденіе. По этому-то въ концѣ бесѣды, Сократъ, намѣкая на Протагора, говорить: «пустъ тотъ Эпиметей не вводитъ насъ въ обманъ при изслѣдованіи, какъ, по твоимъ словамъ, обошелъ онъ насъ при раздѣлѣ.»

³ *На животныхъ безсловесныхъ, εἰς τὰ ἄλογα.* Этѣхъ словъ нѣтъ въ спискахъ Clark' и Vatic. Θ., и онѣ представляются въ самомъ дѣлѣ позднѣй-

Между тѣмъ родъ человѣческой оставался еще неодареннымъ. Что тутъ дѣлать? Онъ находился въ затрудненіи. Въ ту самую минуту приходитъ Прометей посмотрѣть на раздѣлъ, и видитъ, что прочія животныя заботливо снабжены всѣмъ, а человѣкъ — и безъ одежды, и безъ обуви, и безъ покрововъ, и безъ оружія: предназначенный же день, въ который надлежало и ему выйти изъ земли на свѣтъ, уже наступалъ. Находясь въ недоумѣніи, какое бы ^{D.} спасеніе найти для человѣка, Прометей похитилъ у Иееста и Аѣины мудрость искусства ¹ съ огнемъ (потому что владѣть и пользоваться ею безъ огня никому невозможно), и даровалъ ее человѣку. Такимъ образомъ человѣкъ получилъ мудрость житейскую, но еще не имѣлъ мудрости политической, потому что она хранилась у Зевса; а въ укрѣпленное жилище его Прометею входить не такъ-то позволялось, да и стражи Зевсовы ² были страшны. Онъ Е.

шимъ дополненіемъ; потому что безъ нихъ была бы естественнѣе связь предыдущаго выраженія съ послѣдующимъ: *ληπὸν δὲ (вмѣсто δὲ) ἀπόρητον ἐτι...*

¹ *Мудрость искусства, τὴν ἐντεχνον σοφίαν*, мудрость, проявляющую себя въ искусствахъ, или, по значенію слова *τέχνη*, въ искусствахъ и наукахъ. Протагоръ очевидно говоритъ здѣсь метонимически, то-есть, указываетъ на произведеніе вмѣсто производителя; такъ что похищеніе мудрости искусства есть не что иное, какъ похищеніе ума, дающаго бытіе наукамъ и искусствамъ (по изъясненію Эккерта in Prot. fab. .p. 57 sq. Kunstuermögen, или Kunstsin). Слѣдовательно древніе умъ или духъ почитали не твореніемъ, а пришельцемъ съ неба. Polit 274. С. *ἴδεν δὲ τὰ πάλαι λεχθέντα παρὰ θεῶν δῶρα ἡμῖν δεδωρῆται—πῦρ μὲν παρὰ Προμηθέως, τέχνηαι δὲ παρ' Ἡρακλείου καὶ τῆς συντέχνου*. Замѣчательно также, что Прометей мудрость искусства похитилъ съ огнемъ, который, по смыслу мифа, выражаетъ пламенное стремленіе чувства, слѣдовательно не долженъ быть отдѣляемъ отъ мудрости; между тѣмъ у людей

Какъ часто мудрость безъ огня,
Огонь безъ мудрости бываетъ!
Тутъ только чадъ и головня;
Тамъ ледъ,—и никогда не таетъ!

² Стражи Зевса были *Βία* и *Κράτος*, Сила и Власть, дѣти Стикса, *Hesiod. Theog. 385. Callim. ἠμν. iu Iov. 67*. Политическое искусство, которое хранили они, по смыслу и цѣли мифа, должно бы состоять въ святости закона, съ которымъ, согласно съ духомъ Сократова ученія, должна была приходиться къ тожеству добродѣтель нравственная и юридическая. Но Протагоръ изъ подъ этой стражи Зевсова сокровища износить только стыдъ и правду.

вошелъ украдкою только въ общую рабочую Аѳины и Иѳеста¹ и, похитивъ у той одно, у другаго другое огненное искусство, далъ ихъ человѣку. Съ того времени

322. человѣческая жизнь протекаетъ въ довольствѣ; а Прометей за похищеніе, сдѣланное ради ошибки Эпиметеевой, понесъ, говорятъ, наказаніе. Получивъ же божескій жребій, человѣкъ, по сродству съ Богомъ, одинъ изъ всѣхъ животныхъ призналъ боговъ, началъ воздвигать имъ жертвенники и кумиры; потомъ вскорѣ сталъ искусственно приводить въ порядокъ звуки и слова; изобрѣлъ себѣ жилища, одежды, обувь и покровы, а изъ земли извелъ пищу. Устроившись такимъ образомъ, люди сначала жили раздѣльно (городовъ еще не было) и, будучи во всемъ слабѣе звѣрей, погибали отъ нихъ. Мастерство достаточно помогало имъ снискивать себѣ пищу, а для веденія войны съ звѣрями было недостаточно; потому что люди еще не имѣли искусства политическаго², коего часть есть — воинское. По этому они старались собираться въ общества и спасались, строя города: одна-

¹ Въ мифѣ Протагора разсказывается о двухъ похищеніяхъ, сдѣланныхъ однимъ и тѣмъ же похитителемъ у однихъ и тѣхъ же владѣтелей. Первое похищенное сокровище — мудрость искусства: это безъ сомнѣнія разумность человѣческой природы, источникъ всякой мудрости и науки, и основаніе Богопочтенія. Второе похищенное сокровище—огненное искусство: это конечно начало благоустройства жизни частной и семейной, способность изобрѣтать способы къ самосохраненію и удовлетворенію необходимымъ потребностямъ.

² Доселѣ Протагоръ разсказывалъ свой мифъ вѣрно, такъ какъ и всѣ въ древности разсказывали его; а теперь начинаетъ наклонять рѣчь къ своей цѣли и для того вносить въ разсказъ мнимую причину, по которой люди не могли защищаться отъ звѣрей: они не имѣли искусства политическаго (которое преподаютъ софисты), и потому начали строить города. Но и въ городахъ имъ не ужилось другъ съ другомъ, — опять по недостатку искусства политическаго. Послѣ этого надлежало бы сказать: «тогда-то софисты рѣшили помочь бѣдному человѣчеству и преподавать ему добродѣтель». Но Протагоръ говорить не такъ, а слѣдующимъ образомъ: «тогда-то Зевсъ приказалъ Эрмію низвести на землю стыдъ и правду и раздѣлить ихъ всѣмъ людямъ». Что же отсюда слѣдуетъ? во-первыхъ то, что политическое искусство есть стыдъ и правда; во-вторыхъ то, что оно есть даръ Зевса, а потому не можетъ быть предметомъ науки,— и Протагоръ самъ себѣ противурѣчить.

кожъ собравшись по мѣстамъ и не имѣя политическаго искусства, обижали другъ друга до того, что снова разсѣявались и снова были истребляемы. Тогда Зевсъ, опасаясь, чтобы не погибъ весь родъ нашъ, приказалъ Эрмію низвестъ къ людямъ стыдъ и правду ¹, которыя бы, служа украшеніемъ и союзомъ обществъ, водворили въ нихъ дружество. Но Эрміи спросилъ Зевса: какимъ образомъ даровать людямъ стыдъ и правду? Такъ ли раздѣлить ихъ, какъ раздѣлены искусства? (а искусства раздѣлены такъ, что получившій знаніе врачеванія достаточенъ былъ для другихъ, не имѣвшихъ этого знанія. Тоже сдѣлано и касательно прочихъ искусствъ. Такимъ же ли образомъ сообщить людямъ стыдъ и правду, или дать ихъ всѣмъ? — Всѣмъ, Д. сказалъ Зевсъ; пусть всѣ получаютъ ихъ; потому что не бывать городамъ, если будутъ имѣть ихъ только нѣкоторыя, какъ раздѣлены искусства. При томъ, постанови мимъ именемъ законъ, что не имѣющій стыда и правды долженъ быть убитъ, какъ зараза общества.

Такъ-то, Сократъ; вотъ потому Аѳиняне и другіе народы, разсуждая о добродѣтели плотнической, или о какомънибудь иномъ мастерствѣ, совѣтуются только съ немногими, и не терпятъ, какъ ты справедливо сказалъ, и какъ я Е. говорю, чтобы люди, не принадлежащіе къ числу тѣхъ немногихъ, подавали имъ совѣты. Но когда они приступаютъ 323 къ совѣщанію о добродѣтели политической, которая должна выражаться въ справедливости и разсудительности ²;

¹ Древніе поэты говорили, что когда люди до крайности развратились, стыдъ и правда оставили землю, — и этотъ мигъ лучше; потому что бытіе добродѣтели въ человѣкѣ въ самомъ дѣлѣ несовмѣстно съ порчею человеческого сердца. Возвращеніе же стыда и правды на землю, что предполагаетъ Протагоръ, должно было бы означать обновленіе нашей природы силою божественною, а не софистическимъ ученіемъ. Впрочемъ см. *Ekket. in Protag. fab. p. 31 sp.*

² Выше — политическою добродѣтелію названы справедливость и стыдъ, теперь — справедливость и разсудительность, а далѣе говорится: всѣ люди причастны разсудительности и прочимъ политическимъ добродѣтелямъ. Такимъ образомъ софистъ подъ понятіе стыда и правды легкомысленно подводитъ всѣ нравственныя добродѣтели и называетъ ихъ политически-

тогда натурально допускаютъ каждого подавать свой голосъ, потому что политическая добродѣтель должна быть достояніемъ всѣхъ,—а иначе не было бы и городовъ. Вотъ причина, Сократъ. А чтобы ты не подумалъ, будто я тебя обманываю, и убѣдился, что дѣйствительно всѣ люди почитаютъ každато человекъ причастнымъ разсудительности и прочихъ политическихъ добродѣтелей,—замѣть слѣдующій признакъ. Вотъ въ другихъ добродѣтеляхъ ¹, если ктонибудь, какъ ты говоришь, выдаетъ себя за отличнаго игрока на флейтѣ, или за знатока въ иномъ подобномъ искусствѣ, В. между тѣмъ какъ онъ невѣжда въ этомъ; то его или осмѣиваютъ, или бранятъ, а ближніе подходятъ и усовѣщиваютъ, какъ помѣшаннаго. Что же касается до разсудительности и прочихъ политическихъ добродѣтелей, то, хотя бы и извѣстно было, что такой-то несправедливъ; однакожь какъ скоро вздумалъ бы онъ предъ народомъ говорить о себѣ правду,—его правду, которая въ первомъ случаѣ ² отнесена была бы къ разсудительности, теперь сочли бы сумасшествіемъ и сказали, что всѣ должны казаться правыми,—

ми; такъ что, не смотря на сродство человекъ съ богами, на божественное происхожденіе стыда и правды и на участіе всѣхъ людей въ нихъ,—въ человѣческой природѣ, по его мнѣнію, нѣтъ основанія нравственности, а есть только добродѣтели политическія. При этомъ должно замѣтить, что *разсудительность*, *σωφροσύνη*, на латинскій языкъ всегда переводилось словомъ *temperantia*. Но *temperantia* имѣетъ значеніе чисто практическое и при томъ отрицательное: по крайней мѣрѣ соотвѣтствующее ему у насъ слово *воздержаніе* употребляется только въ этомъ смыслѣ. Напротивъ греческое *σωφροσύνη*, по смыслу Сократа и Платона, не есть просто воздержаніе, на примѣръ отъ гнѣва, отъ пищи, вообще отъ страстей, и заключаетъ въ себѣ значеніе вовсе не отрицательное, но выражаетъ положительное состояніе души, или гармонію всѣхъ силъ ея,—то, что у насъ называется разсудительностію, а у Германцевъ *Wesonnenheit*. Этимъ словомъ переводить *σωφροσύνη* и Шлейермахеръ. См. Харм. введ.

¹ *Вотъ въ другихъ добродѣтеляхъ*, ἐν γὰρ ταῖς ἄλλαις ἀρεταῖς, вмѣсто τέχναις. Софистъ называетъ всѣ искусства добродѣтелями и, какъ ниже увидимъ, почитаетъ ихъ врожденными; потому что онъ были похищены Прометеемъ,—это — ἡ σοφία ἐν τέχνῳ. Потому и слово ἀγαθός на языкѣ Протагора значить вообще: искусный, прославившійся своимъ искусствомъ.

² *Которая въ первомъ случаѣ*, ὁ ἐκεῖ, т. е. ἐν ταῖς ἄλλαις ἀρεταῖς, а теперь, ἐν ταῦτα т. е. ἐν δικαιοσύνῃ καὶ τῇ ἄλλῃ πολιτικῇ ἀρετῇ.

таковы ли они на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ: тотъ сошелъ съ ума, кто не прикидывается справедливымъ; потому что справедливость, хоть отчасти, необходимо ¹ есть въ каждомъ,—иначе человекъ не былъ бы и человекомъ.

Доселѣ я говорилъ, что каждый человекъ справедливо допускается къ совѣщанію о добродѣтели этого рода; потому что ей причастны всѣ: а теперь постараюсь доказать, что она не врождена ² и является не сама собою, но всякій, въ комъ она есть, приобретаетъ ее наукою и упражненіемъ. Извѣстно, что люди не сердятся другъ на друга ^{D.} за то зло, которое почитаютъ происшедшимъ отъ природы или случая, и подверженныхъ этому злу не усовѣщиваютъ, не наставляютъ и не наказываютъ, чтобы они не были такими, но жалѣютъ о нихъ. На примѣръ, какой безумецъ рѣшился бы подобнымъ образомъ поступать съ безобразными, малорослыми и слабосильными? Вѣрно всѣ знаютъ, что прекрасное и противуположное тому получается отъ природы и случая. Когда же дѣло идетъ о благахъ, приобретаемыхъ стараніемъ, упражненіемъ и наукою,—человекъ, имѣющій не эти добродѣтели, а противуположное ^{E.} имъ зло, испытываетъ гнѣвъ, подвергается наказанію и слушаетъ наставленія. Къ числу такихъ золъ относятся—несправедливость, нечестіе и вообще все, противуположное политической добродѣтели. Но если ради этой добродѣтели ^{324.} ³ люди досаждаютъ другъ на друга и другъ друга усовѣ-

¹ Явно, что справедливость—даръ боговъ, по понятію Протагора, есть чистая форма, безъ всякаго содержанія, одно пустое слово, получающее реальную значимость только подъ ограниченіями и законами гражданской жизни. Реально человекъ исполняетъ дѣло справедливости не по природѣ, а по закону.

² Начиная говорить о неврожденности добродѣтели, или приобретаемости ея, Протагоръ уже забываетъ о похищеніяхъ, упускаетъ изъ виду божественное происхожденіе справедливости; онъ смотритъ теперь на добродѣтель со стороны ея содержанія безъ всякой связи съ ея формою, и такимъ образомъ становится совершеннымъ эмпиристомъ, созерцающимъ жизнь въ состояніи хаотическаго ея броженія.

³ Но если ради этой добродѣтели (т. е. политической) люди досаждаютъ другъ на друга и другъ друга усовѣщиваютъ; а выше (323. В) было сказано напротивъ: какъ скоро кто-нибудь вздумалъ бы обвинять себя въ нару-

- щиваютъ; то явно, что она достигается упражненіемъ и наукою. Размысли, Сократъ, къ чему клонятся наказанія преступниковъ,—и онѣ научатъ тебя, что люди почитаютъ
- В. добродѣтель пріобрѣтаемою. Никто не наказываетъ виновныхъ съ тою мыслию, и для того, что они неправы¹, развѣ будутъ бить человѣка безразсудно, какъ животное. Рѣшаясь наказать кого нибудь по правиламъ благоразумія, наказываютъ не за прошедшее преступленіе—что сдѣлано, того не передѣлаешь—а ради будущаго, чтобы, то есть, и самъ виновный не совершилъ снова преступленія, и другой, видѣвшій примѣръ наказанія, не рѣшился совершить его. Но кто имѣетъ такую мысль, тотъ конечно думаетъ, что добродѣтели можно учить, и наказываетъ для отвращенія отъ зла. Этою мыслию водятся всѣ наказывающіе и частно и публично. Всѣ люди преслѣдуютъ и наказываютъ того, кого почитаютъ виновнымъ; преслѣдуютъ и наказываютъ не менѣе и Аѣиняне, твои соотечественники; слѣдовательно и Аѣиняне принадлежатъ къ числу людей, увѣренныхъ, что добродѣтель пріобрѣтается наукою. И такъ теперь, мнѣ кажется, достаточно доказано, что твои сограждане, Сократъ, справедливо допускаютъ къ политическимъ совѣщаніямъ и мѣдника, и кожевника, и почитаютъ добродѣтель изучимою и пріобрѣтаемою.

Остается еще разрѣшить твое недоумѣніе касательно добродѣтельныхъ людей, почему они учатъ сыновей своихъ всему, что могутъ преподавать имъ учителя, и воспитываютъ ихъ мудрецами, а въ добродѣтели, которою сами

шеніи политической добродѣтели, то его признаніе сочли бы сумасшествіемъ; потому что она, хоть отчасти, есть въ каждомъ. Такимъ образомъ софистъ противурѣчить самому себѣ; потому что въ первомъ случаѣ подъ политическою добродѣтелію разумѣлъ онъ только логическую форму, а теперь беретъ ее въ значеніи реальномъ.

¹ *Что они не правы, ὅτι ἡδίκησαν.* Такъ какъ этотъ глаголъ относится къ τούς ἡδικοῦντας; то надлежало бы сказать, ὅτι ἡδίκησαν; но такой переходъ отъ множественнаго къ единственному числу въ греческомъ языкѣ весьма не рѣдокъ. См. Gorg. p. 525. В. *Mathiae*. Gram. gr. p. 587. Въ подобныхъ случаяхъ глаголъ, поставленный въ единственномъ числѣ, лучше переводить безлично.

прославились, не дѣлаютъ ихъ лучше другихъ? На этотъ разъ я буду говорить съ тобою не приточно, а прямою рѣчью. Размысли о слѣдующемъ: одному ли чему нибудь, Е. или не одному должны быть причастны всѣ граждане, когда основывается городъ? — ибо именно съ этой стороны разрѣшается предложенное тобою недоумѣніе, а иначе ни съ которой. Если одному, и это одно не есть ни плотническое, ни мѣдническое, ни гончарное искусство, а справедливость, разсудительность и святость, — что все я заклю- 325. чаю подъ общимъ именемъ человѣческой добродѣтели; если именно этому должны быть причастны всѣ люди, и съ этимъ дѣлать всякое дѣло, чѣмъ бы кто ни занимался, чему бы ни учился, а безъ этого не дѣлать ничего; если и дѣтей, и мужчинъ, и женщинъ, какъ скоро они ¹ не имѣютъ этой добродѣтели, учатъ и наказываютъ, желая усовершенствовать наказываемыхъ и наставляемыхъ, а кто, не смотря на наказанія и наставленія, не слушается, того, какъ неизлѣчимаго, изгоняютъ изъ городовъ, или убиваютъ; В. если все это справедливо, и однакожь, при такомъ порядкѣ вещей, добродѣтельные люди учатъ своихъ дѣтей другому, а этому не учатъ: то смотри, какъ странны бываютъ эти добряки ². Мы уже доказали, что политическую добродѣтель они признаютъ изучимою частно и публично; а между тѣмъ, будучи увѣрены, что ее можно преподавать

¹ Надобно замѣтить, что прежде (р. 323 А) добродѣтель политическую или человѣческую Протагоръ почиталъ принадлежностью всѣхъ, и этимъ объяснял, почему Афиняне принимаютъ голосъ каждаго, когда вступаютъ въ совѣщанія о справедливомъ или несправедливомъ: а теперь онъ представляетъ, что нѣкоторые не имѣютъ этой добродѣтели и за то бывають наказываемы. Явно, что тамъ смотрѣлъ онъ на добродѣтель со стороны ея формальной, а здѣсь имѣеть въ виду ея содержаніе.

² То смотри, какъ странны бываютъ эти добряки, *τῆψαι, ὡς θαυμαστῶς γίνονται οἱ ἀγαθοί*. Стефанъ (in marg.) considera, quam mirabiliter viri boni tales evadant. Гейндорфъ: quam miris modis boni in civitate existant. Шлейермахеръ: so sieh doch zu, wie wunderbarlich diese trefflichen Männer seyn müssen. Но *θαυμαστῶς* здѣсь имѣеть значеніе въ соединеніи съ глаголомъ *γίνονται*, какъ *εὖ πράττειν* или *κακῶς πράττειν*, а не отрѣшенно; потому что *θαυμαστῶς γίνονται* значитъ, быть страннымъ, и словами, *ὡς θαυμαστῶς γίνονται οἱ ἀγαθοί*, указывается не на дѣтей, а на родителей.

- и развивать, наставляютъ своихъ сыновей въ томъ, за что не положено смертной казни, хотя бы они того и не знали: напротивъ, что угрожаетъ ихъ дѣтямъ смертною казнью, ссылкой и, кромѣ смерти, конфискаціею имущества, или, какъ говорится, совершеннымъ разореніемъ семейства, когда они не будутъ учиться и успѣвать въ добродѣтели,—учать ли ихъ тому, и прилагаютъ ли къ тому всю свою заботливость? Извѣстно ¹, Сократъ, что сыновей своихъ съ самаго ихъ малолѣтства, учать они и вразумляютъ до конца своей жизни: едва дитя начинаетъ понимать слова, какъ и кормилица, и мать, и педагогъ, и самъ отецъ, о томъ только и хлопочуть, чтобы оно было отличнымъ. Они учать и вразумляютъ его каждымъ дѣломъ и словомъ, что вотъ это справедливо, а то несправедливо, это похвально, а то постыдно, это свято, а то нечестиво, это дѣлай, а того не дѣлай: и если дитя охотно повинуется, — хорошо ²; а когда не повинуется,—исправляютъ его угрозами и ферулою, какъ искривившееся и худое дерево. Потомъ отсылаютъ дѣтей въ школу ³ и убѣдительно просятъ учителей заботиться болѣе объ ихъ благонравіи, чѣмъ о грамотности и игрѣ на цитрѣ. Учители дѣйствительно заботятся объ этомъ, — и едва дѣти начинаютъ разбирать и понимать написанное, какъ прежде понимали звуки, — даютъ имъ читать на скамьяхъ

¹ Извѣстно, *οἰεσθαι γε χρῆ*, формула принадлежащая исключительно Платону. Она обыкновенно поставляется послѣ вопроса и, когда вопросъ положительный,—подтверждаетъ, а отрицательный—отрицаетъ. Что бы удержать собственное значеніе словъ *οἰεσθαι γε*, надлежало бы перевести ихъ нашимъ простонароднымъ: и *видюмо*. Употребленіе см. *Gorg.* 522. *A. Phaedon.* 68. *V. Crit.* 53, С. 54. *B. al.*

² *И если дитя охотно повинуется, — хорошо, και ἂν μὲν ἔκον πειθῆται.* Послѣ этого протазиса иногда слѣдуетъ апотазисъ: *εὖ ἔχει*, какъ у Теофроста (*charact.* 9): *καὶ ἂν μὲν λάβῃ, εὖ ἔχει*; но болшею частію апотазисъ только подразумѣвается. *Eustath.* ad *Iliad.* I. p. 50. *Casaub.* ad *Athen.* V, 2. p. 43. *Matthiae gramm.* gr. p. 1248. not. V.

³ *Отсылаютъ дѣтей въ школу, εἰς διδασκάλων πέμποντες, т. е. εἰς δόμον или δόματα τῶν διδασκάλων,* какъ и ниже p. 326. *B. εἰς παιδοτρίβη.* *Matth.* gramm. gr. p. 701. 1147.

и заучивать поэмы лучших писателей ¹, въ которыхъ много наставительнаго, многое рассказывается о древнихъ до- 326.
бродѣтельныхъ мужахъ и прославляются ихъ подвиги, чтобы дитя изъ соревнованія подражало имъ и само старалось сдѣлаться такимъ же. Къ этой самой цѣли, между прочимъ, стремятся и цитристы, питая разсудительность юношей и устраняя ихъ отъ шалости. Сверхъ того, выучившись играть на цитрѣ, юноши тотчасъ затверживаютъ творенія другихъ добрыхъ поэтовъ, чтобы пѣть ихъ подъ звуки инструмента и, приучивъ свою душу къ риѣму и гармоніи, исполнить ее кротости, созвучія и согласія, а чрезъ то доставить ей пользу въ словѣ и дѣлѣ; потому что и вся жизнь человѣческая имѣетъ нужду въ риѣмѣ и гармоніи ². Послѣ того родители отправляютъ дѣтей въ гимназію, чтобы онѣ, развивъ свое тѣло, приготовили въ немъ лучшее орудіе для мысли, и чтобы на войнѣ, или въ другихъ дѣ- с.
лахъ, тѣлесная неповоротливость не наводила на нихъ робости. И такимъ образомъ поступаютъ особенно тѣ, которые могутъ; а могутъ особенно тѣ, которые богаты. Дѣти ихъ, по возрасту, раньше всѣхъ начинаютъ посѣщать школу и позднѣе всѣхъ оставляютъ ее. Наконецъ, какъ скоро юноши вышли изъ школы, городъ тотъ же часъ заставля- етъ ихъ изучать законы и жить по ихъ предписанію, что- D.
бы они не дѣлали ничего сами собою, произвольно. Какъ

¹ О чтеніи и изученіи поэтовъ у Грековъ см. *Cicer. Orat. 1. 42. Quint. Instit. 1, 4. 1*; также *Legg. VII. 810. sqq.*

² Въ жизни надобно обращать вниманіе на то же, что имѣется въ виду при обращеніи съ музыкальными орудіями: и тамъ и тутъ не должно быть диссонансовъ,—и въ жизни еще менѣе; потому что гармонія дѣйствій гораздо важнѣе, чѣмъ гармонія звуковъ. Такъ говоритъ и Цицеронъ (*de Offic. I, 40*): *sicut in fidibus aut in tibiis, — sic videndum est in vita, ne forte quid discrepet, vel multo etiam magis, quo major et melior actionum quam sonorum concentus est.* Но не должно думать, что Платонъ серьезно влагаетъ эти слова въ уста Протагора; Протагоръ былъ весьма далеко отъ понятія обь истинной гармоничности духа (см. *Davis. ad Max. Turg. XII, 7. p. 543. Wernsdorf. ad Himer. p. 285. Wyttenb. ad Phaed. p. 127*), и говорить это, только сооразуясь съ общимъ мнѣніемъ. Потому-то ниже p. 333. А. Сократъ шутитъ на его счетъ, говоря: *οἱτοι γὰρ οἱ λόγοι ἀμφοτέροι οὐ πάνυ μισοῦσιν λέγονται.*

дѣтямъ, еще не умѣющимъ писать, грамматисты ¹ начертываютъ буквы карандашемъ ² и приказываютъ выводить фигуры ихъ: такъ и юношамъ городъ, предписавъ законы—изобрѣтеніе добродѣтельныхъ законодателей древности ³, повелѣваетъ и управлять и управляться ими; а кто отъ нихъ уклоняется, того наказываетъ: — и это наказаніе, какъ у васъ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, отъ Е. исправительнаго суда, называется исправленіемъ (ἐὐθύνας). Обращая вниманіе на это частное и общественное попеченіе о добродѣтели, можешь ли удивляться, Сократъ, что добродѣтель изучима? Гораздо удивительнѣе было бы, когда бы она не относилась къ предметамъ науки.

Итакъ отъ чего же у хорошихъ отцовъ часто бываютъ

¹ Какъ грамматисты, ὅσπερ οἱ γραμματισταί, учителя τῆς γραμματικῆς, учившіе читать и писать и преподававшіе имъ начала языка (Horat. ep. I, 20. 17) Римляне называли ихъ litteratores. Fischer. ad Weller. I, p. 2; по-русски—почти тоже, что грамотеи.

² Начертываютъ буквы карандашемъ, ἐπιγραφάντες γραμμὰς. Граμμαί, въ настоящемъ случаѣ, вѣроятно, фигуры буквъ, на которыя указываетъ Квинтилианъ (Instit. Ort. I. 1. 27); Quum vero jam ductus sequi coeperit, non inutile erit eos tabellæ quam optime insculpi, ut per illos velut sulcos ducatur stylus; nam neque errabit, neque extra præscriptum poterit egredi, et celerius ac saepius sequendo certa vestigia formabit articulos, neque egebit adjutorio manus suam manu superimposita regentis. Карандашемъ, γραφίδι, по Стефану, penicillo, по Катугу (XXII, 7), plumbo.

³ Такъ учили греческіе софисты и свое ученіе завѣщали нѣкоторымъ англійскимъ и французскимъ моралистамъ двухъ предшествующихъ столѣтій. Эти мысли порождены, конечно, духомъ политическаго ультралиберализма и нравственнаго разврата. Напротивъ, какъ хорошо говоритъ Динсоенъ (adv. Aristog. p. 77 4): ὅτι πᾶς ἐστὶ νόμος εὐρημα μὲν καὶ δόρον θεοῦ, δόγμα δὲ ἀνθρώπων φρονήσεων, ἐπαλόρωμα δὲ τῶν ἐκείνων καὶ ἀκείνων ἀμνηστειμάτων, πόλεως δὲ συνθήκη κοινή, καθ' ἣν πᾶσι προσήκει ζῆν τοῖς ἐν τῇ πόλει. «Всякій законъ есть открытіе и даръ Бога, догматъ человѣческой разумности, исправленіе вольныхъ и невольныхъ преступленій, нераздѣльный завѣтъ общества, по которому должны жить все граждане». А еще лучше Цицеронъ (de les I. 324): Iex est ratio summa, insita in natura, quæ jubet ea, quæ facienda sunt, prohibet que contraria (II. 323), quæ non tum denique incipit lex esse, cum scripta est, sed tum, cum orta est; orta autem simul est cum mente divina. Ср. Minos. 313. sq. Iegg. I. 644. D. Definit. 415. В. «Законъ есть высочайшій, положенный въ природѣ умъ, повелѣвающий, что должно дѣлать, и возбраняющій, чего не должно. Онъ не тогда получилъ начало, какъ законъ, когда написанъ, а тогда, когда произошелъ; произошелъ же онъ вмѣстѣ съ умомъ божественнымъ».

худыя дѣти?—Замѣть слѣдующее. Нѣтъ ничего удивительнаго, что прежде сказанное мною справедливо, то есть, что по отношенію къ добродѣтели, когда составляется городъ, частныхъ лицъ быть не должно ¹. Если же слова мои истинны, а истинность ихъ очевидна; то размысли теперъ о всякомъ другомъ художествѣ и знаніи. Пусть городъ могъ бы существовать подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы всѣ, кто какъ умѣетъ, играли на флейтѣ: въ такомъ случаѣ одни, и частно и публично, учили бы этому искусству другихъ, брали бы того, кто нехорошо играетъ, и въ этомъ отношеніи не завидовали бы ни кому, какъ нынѣ не завидуютъ справедливому и законному, и не скрываютъ ихъ, какъ прочія искусства; ибо взаимная справедливость и добродѣтель полезны намъ, а по тому всякій всякому охотно говорить и В. преподаетъ ихъ. Но если бы съ столь совершенною готовностію и безъ зависти мы учили другъ друга играть на флейтѣ; думаешь ли, Сократъ, что дѣти отличныхъ игроковъ были бы лучшими флейтистами, чѣмъ дѣти игроковъ худыхъ? Кажется, нѣтъ; но чей сынъ получилъ бы отъ природы большую способность къ этому искусству, тотъ сдѣлался бы и С. знаменитѣе въ немъ; а чей не имѣлъ бы подобной способности, тотъ и не прославился бы. Такимъ образомъ у хорошихъ игроковъ часто случались бы худые флейтисты, а у худыхъ—хорошіе, хотя всѣ они въ сравненіи съ людьми, ко-

¹ *Οὐδένα δεῖ ἰδιωτέειν*. Указывается на высшее: одному ли чему-нибудь, или не одному должны быть причастны всѣ граждане? — Если одному, то и пр. *ἰδιωτέειν* съ родительнымъ значить: *alicujus rei imperitum esse*; но у Платона *ἰδιώτης* противоплагается слову *δημουργός*, qui publice rem aliquam profitetur. Слѣдовательно смыслъ рѣчи такой: въ прочихъ искусствахъ, или ремеслахъ *δυνατόν μιν ἔστι δημουργόν εἶναι καὶ ἰδιωτέειν*; а въ добродѣтели политической *οὐδένα δεῖ ἰδιωτέειν, ἀλλὰ πάντας δημουργούς ἀναγκαῖον εἶναι*, т. е., въ добродѣтели политической должны быть всѣ публично искусны. Разумѣется, что политическую добродѣтель Протагоръ понимаетъ здѣсь опять въ значеніи чисто формальномъ, какъ *ens intellectus*, и говоритъ, что она принадлежитъ всѣмъ; только не всѣ одинаково способны принять въ эту форму надлежащее содержаніе. Особенное умѣнье дѣлать юношей добродѣтельными въ реальномъ значеніи онъ приписываетъ себѣ, болѣе чѣмъ кому нибудь.

которые не знаютъ этого дѣла ¹ и вовсе не играютъ на флейтѣ, были бы достаточны. Такъ думай и о самомъ несправедливомъ человѣкѣ, какого только можешь вообразить себѣ подѣ закономъ и между людьми: онъ справедливъ и исполнитель справедливости, если смотришь на него въ сравненіи съ тѣми, у которыхъ нѣтъ ни воспитанія, ни суда, ни законовъ, ни необходимости, заставляющей заботиться о добродѣтели, и которые походятъ на какихъ-то дикарей, представленныхъ въ прошломъ году въ праздникъ Діониса поѣтомъ Ферекратомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы ты жилъ между людьми, подобными мизантропамъ въ хорѣ Ферекратовомъ ²; то былъ бы радъ встрѣтить хоть Эврибата и Фринонда ³ и со слезами искалъ бы развратности здѣшнихъ

¹ *Въ сравненіи съ людьми, которые не знаютъ этого дѣла, ѡς πρὸς τοὺς ἰδιώτας. Ὡς πρὸς* выражаетъ отношеніе или сравненіе одной вещи съ другою, напр. Polit. 303. A. *ѡς πρὸς τὰς ἄλλας.* Parmen. 146. B. *ἢ ѡς πρὸς μέρος ὅλον ἔν εἴῃ.* Alcib. 123. B. *καὶ τὰ μὲν Λακεδαιμονίων ὡς πρὸς ἑλληνοὺς μὲν πλοῦτους μεγάλα, ὡς δὲ πρὸς τοὺς περσικοὺς καὶ τοῦ ἐκείνων βασιλέως οὐδέν.*

² Этотъ праздникъ у Грековъ назывался *Ληναίων*, по имени площади, окруженной оградкою, въ которой находился храмъ Діониса и давались зрѣлища въ честь его, *Ῥηληνικ.* in auct. emendat. ad Hesych. T. I. p. 999. *Voese.* Abhandl. d. Acad. d. Wissensch. in Berl. a. 1817. p. 81. О Ферекратѣ, комическомъ писателѣ, *ἀπτικωτάτω*, см. *Heinrich.* in libr. Epimen. p. 182. sq. 191. sq. Упоминаемое здѣсь сочиненіе его, по свидѣтельству Атеней (V. 59), издано при Архонтѣ Аристіонѣ (49,4 ол.). Глаголь *ἐδίδαξεν*, кажется, указываетъ на мимическое искусство Ферекрата—представлять предметъ на сценѣ живо и естественно. *Подобными мизантропами въ хорѣ Ферекратовомъ, ѡς περ οἱ ἐν ἐκείνω τῷ χορῷ μισάνθρωποι.* Нѣкоторые толкователи думаютъ, что словами *μισάνθρωποι ἐν τῷ χορῷ*, указывается на другое сочиненіе, а не на дикарей (*ἄγριος*) Ферекратовыхъ. Напротивъ *Groen. v. Prinster.* (Prosopogr. Plat. p. 182) полагаетъ, что сочиненіе—одно и тоже, только *ἄγριοι* были кентавры, а хоръ составляли мизантропы. Но Гейнрихъ l. l. p. 8. sq. опровергаетъ оба эти мнѣнія на основаніи изслѣдованій о Ферекратовой баснѣ (in appendice Epimenidis p. 188), и говоритъ, что хоръ составляли дѣйствительно *οἱ ἄγριοι*—кентавры, только къ нимъ нейдетъ *μισάνθρωπια*, и потому онъ совѣтуетъ читать *ἡμικάνθρωποι*—получеловѣки, или какъ *Jacobsius* Anthol. Plat. T. III, P. II. p. 800) *μικάνθρωποι*. Однакожъ выше сказано, что *ἄγριοι* походили на людей, незнающихъ ни воспитанія, ни суда, ни законовъ и пр.: почему же они не могли быть названы мизантропами?

³ Эврибать и Фринондъ, говорятъ, были такъ развратны, что вошли въ пословицу. *Aeschin.* in Ctesiph. p. 527. *ἀλλ', οἶμαι, οὔτε Φρινώνδας οὔτε Εὐρύβατος οὔτε ἄλλος οὐδεὶς πώποτε τῶν πάλαι πονηρῶν τοιοῦτος μάχος καὶ γόης ἐγένετο.*

гражданъ: но теперь, когда всѣ учатъ добродѣтели, кто какъ можетъ, ты перебираешь и никѣмъ недоволенъ. Такимъ же образомъ, попытайся сыскать себѣ учителя эллинскаго языка, — вѣрно ни одинъ не понравится; или спроси, кто могъ бы далѣе учить сыновей ремесленника тому самому ремеслу, 328. которому они по возможности учились у отца и друзей его, занимающихся одинакимъ рукодѣльемъ, — не легко найти учителя, Сократъ: а учителей въ другихъ безчисленныхъ предметахъ, напримѣръ въ добродѣтели и тому подобныхъ, найти весьма не трудно. Впрочемъ, тотъ конечно достоинъ предъизбранія, кто хоть не много прямѣе можетъ вестъ насъ къ добродѣтели. Изъ такихъ учителей я почитаю себя однимъ, который лучше всѣхъ умѣетъ расположить къ похвальному и доброму, и котораго наставленія стоятъ требуемой имъ цѣны ¹, а по мнѣнію самаго ученика, стоятъ и большей. По этому я опредѣлилъ и образъ уплаты денегъ за свои уроки: кто у меня учится; тотъ, если хочетъ, платитъ сумму, которой я требую; а когда не хочетъ, — идетъ въ храмъ и, показавъ клятвенно, чего стоятъ мои наставленія, представляетъ за нихъ такую и плату. Вотъ и приточное, и прямое доказательство, Сократъ, что добродѣтели учить можно, что и Аѳиняне такъ думаютъ о ней, и что нѣтъ ничего удивительнаго, когда у хорошихъ родителей бываютъ худыя, а у худыхъ хорошія дѣти. Положимъ, что сыновья Поликлета, сверстники моихъ слушателей, Паралоса и Ксанטיפпа, вовсе не равняются съ отцемъ своимъ; пусть тоже можно сказать о дѣтяхъ и другихъ отличныхъ людей: но не надобно обвинять ихъ; они еще подають надежду, потому что молоды.

Высказавъ столько и такихъ вещей, Протагоръ замолчалъ; а я, обвороженный на долгое время, не переставалъ

¹ Протагоръ, по свидѣтельству Діогена Лаерція, *πρῶτος μισθὸν οὐκ ἐπράξατο μὲν ἑκατὸν*, что составляетъ почти 2275 р. серебр. Замѣчательно, что по Казавбону (in Diog. L. IX), Демокритъ у Абдеритянъ назывался *φιλοσοφία*, а Протагоръ — *λόγος ἐμμισθός*, продажный умъ.

смотрѣть на него и все еще желалъ слушать, какъ будто бы онъ продолжалъ свою рѣчь. Но когда открылось, что Протагоръ въ самомъ дѣлѣ кончилъ, — я, едва собравшись съ духомъ, обратился къ Иппократу и сказалъ: О, какъ я благодаренъ тебѣ, сынъ Аполлодора, что ты уговорилъ меня прійти сюда; ибо дорого цѣню то, что теперь слышалъ отъ Протагора. Прежде мнѣ не вѣрилось, что добрые бываютъ бодрыми отъ человѣческаго попеченія, а теперь убѣдился. Осталось только небольшое недоумѣнiе, которое Протагоръ, объяснившій уже столь многое, конечно легко разрѣшить. Правда, случается, что когда рассуждаешь объ этомъ предметѣ съ однимъ изъ народныхъ ораторовъ, — вдругъ слышишь отъ него такія же рѣчи, какія услышалъ бы отъ Перикла, или другаго краснорѣчиваго мужа: а если спросишь его о чемъ 329.нибудь кромѣ того; то онъ, какъ книга, не въ состоянiи ни отвѣчать, ни говорить. Потомъ, хоть слегка наведи рѣчь на сказанное имъ; — онъ какъ мѣдъ зазвучить, и дотолѣ не умолкнетъ, пока ктонибудь не прерветъ его. Такъ бываетъ съ ораторами: вы спросили ихъ слегка, а они растянули вамъ рѣчь стадiй на двѣнадцать. Но Протагоръ не таковъ: онъ можетъ говорить долго и прекрасно, какъ мы это теперь В. испытали; можетъ также отвѣчать на вопросъ и коротко, когда краткость рѣчи бываетъ достаточна, и спрашивая самъ, умѣетъ останавливаться и выслушивать отвѣты другихъ. Въ настоящемъ случаѣ, Протагоръ, мнѣ нужно немного, чтобъ удовлетвориться во всемъ, если только согласишься отвѣчать. Ты говоришь, что добродѣтели учить можно, — въ чемъ я, если кому, то тебѣ вѣрю: но въ твоихъ словахъ нѣчто удивило меня; и потому восполни этотъ недостатокъ въ душѣ моей. Ты сказалъ, что Зевсъ послалъ людямъ правду и с. стыдъ; потомъ, въ продолженiе своей рѣчи, часто упоминалъ о правдѣ, о разсудительности, о святости и о всѣхъ подобныхъ вещахъ, какъ объ одномъ, — какъ объ одной добродѣтели. Объясни мнѣ точнѣе: думаешь ли ты, что добродѣтель одна, а правда, разсудительность и святость суть ея части?

или, что всѣ упомянутыя мною добродѣтели надобно почитать только разными названіями одной и той же? Вотъ чего я хочу.—Легко отвѣчать, Сократъ, сказалъ онъ: всѣ исчисленные тобою добродѣтели суть части одной.—Но части въ такомъ ли значеніи, спросилъ я, какъ уста, носъ, глаза и уши суть части лица, или въ такомъ, какъ части золота, отличающіяся однѣ отъ другихъ и отъ цѣлаго только величиною и малостію?—Мнѣ кажется, въ первомъ значеніи, Сократъ, какъ части лица относятся къ цѣлому лицу.—Итакъ, сказалъ я, люди пріобрѣтаютъ ли эти части добродѣтели, одинъ одну, другой другую, или, кто получилъ одну изъ нихъ, тотъ по необходимости имѣетъ и всѣ?—Отнюдь нѣтъ, отвѣчалъ онъ: есть много людей мужественныхъ безъ правды, а иные и справедливы, но не мудры. — Слѣдовательно, мудрость и мужество суть также части добродѣтели? спросилъ я.—Безъ всякаго сомнѣнія; отвѣчалъ онъ и превосходнѣйшая изъ всѣхъ частей есть мудрость.—Между тѣмъ одна изъ нихъ—одно, а другая—другое?спросилъ я.—Да.—И каждая имѣетъ свое особенное значеніе, какъ часть лица? Известно, что глазъ не походитъ на ухо, и значеніе ихъ не одно и то же. Вообще, ни одна изъ частей лица не походитъ на другую, ни по значенію, ни по чему иному. Такъ ли и части добродѣтели не сходны между собою, ни сами по себѣ, ни по своимъ значеніямъ? Точно ли въ нихъ все соотвѣтствуетъ приведенному нами подобію? — Точно все соотвѣтствуетъ, Сократъ; я уже сказалъ.—Тогда я продолжалъ: по этому ни одна часть добродѣтели не такова, какъ или знаніе, или правда, или мужество, или разсудительность, или святость? — Не такова, отвѣчалъ онъ.—Давай же рассмотримъ вообще, сказалъ я, какова каждая изъ нихъ;—и во первыхъ: правда есть ли нѣчто, или ничто? Мнѣ кажется, нѣчто; а тебѣ?—И мнѣ, отвѣчалъ онъ.—Но если бы кто нибудь спросилъ меня и тебя: Протагоръ и Сократъ! скажите мнѣ,—то самое нѣчто, которое вы сей часъ назвали правдою, справедливо или несправедливо? Я отвѣчалъ бы: справедливо; а ты какое

- подашь бы мнѣніе? одинакое со мною, или не одинакое? — Одинакое, сказалъ онъ. — По этому, я отвѣчалъ бы вопрошающему, что правда есть—быть справедливымъ: вѣрно и ты сказалъ бы тоже?—Да.—Потомъ, если бы онъ спросилъ насъ: вы такъ же думаете и о святости? мы сказали бы, что
- D. такъ же?—Конечно.—То есть, вы называете и ее чѣмъ-то? продолжалъ бы онъ. Что отвѣчали бы мы: да, или нѣтъ?— Да, сказалъ Протагоръ.—Но это самое нѣчто, по своей природѣ, свято или не свято? Такой вопросъ возбудилъ бы во мнѣ досаду, и я отвѣчалъ бы вопрошателю: скажи лучше, добрый человѣкъ, что едва-ли что нибудь можетъ быть свято, если не свята самая святость. А ты что сказалъ бы ему?
- E. не то же ли самое?—Безъ сомнѣнія, то самое.—Но представь, что послѣ этого онъ дѣлаетъ намъ новый вопросъ: какъ же вы недавно говорили?—впрочемъ, можетъ быть, я не разслушалъ?—Вы, кажется, говорили, будто части добродѣтели такъ относятся ¹ между собою, что одна изъ нихъ не такова, какъ другая?—Я отвѣчалъ бы, что онъ все разслушалъ, кромѣ того, что будто и я утверждалъ тоже самое: утверждалъ Протагоръ, а я только спрашивалъ. И такъ, справедливо ли бы сказалъ онъ это, Протагоръ? Ты вѣдь го-
331. ворилъ, что одна часть добродѣтели не такова, какъ другая?

¹ Опроверженіе Протагорова мнѣнія объ особенностяхъ и несходствѣ добродѣтелей производится, очевидно, чрезъ подведеніе ихъ подъ обыкновенный законъ математическаго уравненія, на томъ основаніи, что всякая добродѣтель тождественна сама съ собою. $P-r = S-s$. Какъ скоро Протагоръ допустилъ каждое изъ этихъ тождественныхъ отношеній, чего не допустить конечно было невозможно,—Сократъ тотчасъ поставляетъ ихъ въ пропорцію $P-r = S-s$, и такимъ образомъ полагаетъ основаніе для заключенія, что $P-S = r-s$, и такъ далѣе, то есть, что правда свята, а святость праведна, и что слѣдовательно ни одна добродѣтель не бываетъ безъ другой. Очевидно что этотъ способъ опроверженія—тоже формальный, и Сократъ, говоря противъ Протагора, пользуется собственнымъ его оружіемъ. Разсуждая объ отношеніи добродѣтели, Протагоръ дѣйствительно противорѣчитъ самому себѣ. Но его противорѣчіе состоитъ въ томъ, что сперва всѣ добродѣтели понималъ онъ, какъ части одной, (р. 329 С), а потомъ допустилъ, что ни одна изъ нихъ не такова, какъ другая (р. 330 В), и такимъ образомъ погрѣшилъ противъ аксіомы, что части, имѣющія отношеніе къ цѣлому, какъ части, необходимо должны быть въ отношеніи и между собою.

Кажется, это твоя мысль? Что же ты отвѣчалъ бы ему?—Необходимость требуетъ признанія, Сократъ.—Но признавшись въ этомъ, что скажемъ на слѣдующія его заключенія: стало быть святость не такова, чтобы могла быть чѣмъ-то справедливымъ, и правда не такова, чтобы могла быть чѣмъ-то святымъ; но первая несправедлива, а послѣдняя не свята; или, первая несправедна, а послѣдняя нечестива? Что отвѣчать на это? За себя я сказалъ бы, что и правда свята, и святость праведна; да и за тебя, если позволишь, скажу тоже самое, то есть, что правда, или одно съ святостію, или В. подобна ей, а особливо, что правда есть какъ святость, и святость—какъ правда. Смотри же, запрещаешь ты мнѣ отвѣчать такимъ образомъ, или этотъ отвѣтъ и тебѣ нравится?—Не совсѣмъ нравится, Сократъ, сказалъ онъ. Мнѣ кажется, нельзя согласиться безусловно, что правда свята, а святость праведна; тутъ есть нѣкоторое различіе. Впрочемъ с. какая нужда? Если хочешь, прибавилъ онъ, пусть правда будетъ свята, а святость праведна. — О, нѣтъ, отвѣчалъ я; мнѣ нужно изслѣдовать не *если хочешь* и *если тебѣ кажется*; но чего хотимъ я и ты. Говорю, я и ты, и думаю, что дѣло рѣшится лучше, когда въ рѣшеніи его не будетъ *если*. — Такъ согласимся, что правда подобна святости, сказалъ онъ; ибо что нибудъ непременно подобно чему нибудъ въ чемъ ни D. будъ; даже бѣлое подобно въ чемъ нибудъ черному, твердое мягкому, и все другое, по видимому противоположное. Стало быть и то, чему прежде мы приписывали особенныя значенія и говорили, что одно не таково, какъ другое, то-есть, и части лица въ чемъ нибудъ также подобны, и одна изъ нихъ такова, какъ другая. Такимъ образомъ ты можешь, если угодно, доказать, что все подобно одно другому. Но и подобное по чему нибудъ еще нельзя назвать подобнымъ, а непо- E. добное по чему нибудъ—не подобнымъ; хотя это подобіе и очень не велико ¹. — Удивившись этому, я сказалъ: слѣдова-

³ *Хотя это подобіе и очень не велико* *καὶ πάντῳ σμικρὸν ἔχει τὸ ὅμοιον*, а по связи рѣчи нужно бы еще: *καὶ τὸ ἀνόμοιον*. По этому Гейн-

тельно справедливое и святое, по твоему мнѣнію, такъ относятся одно къ другому, что между ими есть только малое сходство?—Не такъ малое, отвѣчалъ онъ, и не такъ великое, какимъ оно тебѣ, по видимому, представляется. — Но, кажется, ты затрудняешься этимъ предметомъ, примолвилъ 332. я; оставимъ же его и рассмотримъ нѣчто другое, тобою сказанное.

Ты называешь что нибудь безуміемъ?—Называю. — Не совершенно ли противоположна ему мудрость?—Кажется, совершенно, отвѣчалъ онъ. — Но когда люди поступаютъ справедливо и съ пользою; тогда, по твоему мнѣнію, разсудительны они, или неразсудительны?—Разсудительны, сказалъ онъ. — А разсудительны они конечно разсудительностію? — Необходимо. — Слѣдовательно поступающіе безумно поступаютъ несправедливо, и дѣлая такимъ образомъ бываютъ не-
 В. разсудительны?—Мнѣ кажется, такъ. — Стало быть дѣятельность безумная противоположна дѣятельности разсудительной?—Конечно. — И такъ совершаемое безумно, совершается безуміемъ, а разсудительно — разсудительностію? — Согласенъ. — Значить, исполняемое силою, исполняется сильно, а слабостію—слабо?—Кажется. — Съ скоростію—скоро, съ медленностію—медленно?—Дѣйствительно. — И что какъ дѣлается, то тѣмъ и дѣлается? а дѣлаемое напротивъ производится противнымъ?—Подтверждаю. — Хорошо, сказалъ я: есть ли
 С. что нибудь похвальное?—Есть. — Противуположно ли ему что нибудь, кромѣ постыднаго?—Ничто. — Есть ли что нибудь доброе?—Есть. — Противуположно ли ему что нибудь, кромѣ худаго?—Ничто. — Есть ли что нибудь высокое въ звукѣ?—Есть. — Противуположно ли ему что нибудь, кромѣ низкаго?—Ничто. — И такъ, каждой изъ противоположностей противу-

дорѣ вносить въ текстъ ἀνόμοιον и читаетъ: καὶ πάντα σμικρὰ ἔχη τὸ ἀνόμοιον ἢ τὸ νόμιον. Но ὁμοίότης здѣсь заключаетъ въ себѣ то и другое понятіе, т. е., подобіе и неподобіе, и означаетъ, какъ бы вообще, отношеніе подобныхъ и неподобныхъ предметовъ. Такъ р. 356. А. τὸ ἡδὺ стоитъ вмѣсто τὸ ἡδὺ καὶ τὸ λυπηρόν.

положно только одно, а не многое? — Согласенъ. — Хорошо; сообразимъ же теперь все, въ чемъ мы согласились, сказалъ я. Мы согласились, что одному противуположно только одно, а не многое?—Согласились.—Что дѣлаемое напротивъ, совершается противнымъ?—Да.—Согласились также, что дѣлать безумно, значить, дѣлать противное тому, что дѣлается разумительно?—Конечно.—И что исполняемое разумительно исполняется разумительно, а безумно—безуміемъ? — Точно такъ.—Но что дѣлается напротивъ, то производится противнымъ? — Да.— А дѣлается одно разумительно, другое—безуміемъ?—Конечно.—И напротивъ?—Безъ сомнѣнія.—Тоже противнымъ?—Да.—Стало быть, безуміе и разумительность противны?—Кажется.—Но помнишь ли, что сначала допущена противуположность между безуміемъ и мудростію? — Согласился.—И одно противуположно только одному?—Да.—Отъ чего же отказаться намъ, Протагоръ? отъ того ли, что одному противуположно только одно, или отъ того, что разумительность есть иное, чѣмъ мудрость, что каждая изъ нихъ есть часть добродѣтели, что будучи 333. иными, они не сходны ни сами по себѣ, ни по своимъ значеніямъ, какъ части лица? Отъ чего отказаться намъ? Вѣдь эти положенія не очень въ музыкальномъ отношеніи между собою: онѣ не ладятъ и не гармонируютъ одно съ другимъ; да и какъ имъ ладить, если одному по необходимости противуположно только одно, а не многое; между тѣмъ какъ безумію, которое—одно, противопологаются и мудрость и разумительность? Такъ ли, Протагоръ, или не такъ? сказалъ я.—Согласился, но очень неохотно.—Слѣдовательно разумительность и мудрость должны быть одно? а прежде мы признали почти однимъ и тѣмъ же правду и святость. Но пусть такъ, продолжалъ я; не станемъ, Протагоръ, затруднять себя этимъ; изслѣдуемъ прочее. Кажется ли тебѣ, что человѣкъ, дѣлающій неправду, разсуждаетъ, когда дѣлаетъ ее?—Я стыдился бы, Сократъ, согласиться съ этимъ; однакожъ многіе говорятъ такъ.—Но къ нимъ ли обратиться мнѣ свою

- С. рѣчь, или къ тебѣ?—Изслѣдуй, если угодно, сперва мнѣнія людей.—Все равно, лишь бы ты отвѣчалъ, такъ ли тебѣ кажется, или не такъ. Прямая цѣль моя—изслѣдовать самое дѣло; а между тѣмъ, можетъ быть случится испытать и вопрошателя и отвѣтчика.—Отъ этого предложенія Протагоръ сперва скромно уклонялся, жалуясь на трудность предмета;
- D. но потомъ однакожь согласился отвѣчать.—И такъ, отвѣчай мнѣ сначала, сказалъ я: кажется ли тебѣ, что люди, поступающіе несправедливо, разсудительны? — Пусть такъ. — А дѣйствовать разсудительно—не тоже ли, по твоему, что дѣйствовать благоразумно?—Тоже.—Но дѣятельность благоразумная, когда поступаютъ несправедливо, не есть ли дѣятельность доброжелательная?—Положимъ. — Несправедливому лучше ли наслаждаться добромъ, или зломъ?—Лучше добромъ. — Но признаешь ли ты что нибудь за добро?—Признаю.—То ли есть добро, что полезно людямъ, спросилъ я?—Да, клянусь Зевсомъ; однакожь я называю добро добромъ, хотя бы оно и не было полезно людямъ. Мнѣ показалось, что
- E. Протагоръ уже разсердился, горячится, и готовъ отказаться отвѣчать. Замѣтивъ это, я началъ спрашивать его осторожнѣе и тише. То ли считаешь ты добромъ, Протагоръ, что никому не полезно, или то, что ни по чему не полезно?—
334. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я знаю многое, что людямъ не полезно; но пища, питье, лѣкарства и множество другихъ вещей, полезны имъ. Иное людямъ—ни то ни сѣ, а лошадямъ; иное однимъ быкамъ, иное собакамъ, а иное никому изъ животныхъ, но деревьямъ,—и въ деревьяхъ иное хорошо для корня, но худо для ростковъ; наприкладъ, навозъ, когда обкладываютъ имъ корень растений, есть добро, а приложи его къ побѣгамъ и молодымъ вѣткамъ,—все пропадетъ. Равнымъ образомъ масло для всякаго растенія весьма вредно, даже враждебно и волосамъ животныхъ, кромѣ волосъ человѣческихъ, которымъ, какъ и всему тѣлу чловѣка, оно помогаетъ. И такъ добро есть нѣчто различное и разнообразное: одно и тоже, по отношенію къ внѣшней сторонѣ тѣла—добро

для человѣка, а по отношенію къ внутренней—зло. Отъ то- с.
го-то всё врачи запрещаютъ больнымъ принимать масло,
кромѣ самой малой мѣры во время стола, чтобы только за-
глушить непріятный запахъ пищи и питья, сообщающійся
обонянію.

Когда Протагоръ кончилъ, — присутствующіе зашумѣли,
въ знакъ того, что онъ хорошо говорилъ. А я сказалъ: Про-
тагоръ! Ты видишь во мнѣ человѣка забывчиваго; такъ что
если кто нибудь долго бесѣдуетъ, — я забываю, о чемъ была D.
рѣчь. Если бы я былъ глухъ; то, желая разговаривать со
мною, ты призналъ бы за необходимое говорить мнѣ громче,
нежели другимъ: подобнымъ образомъ и теперь, — такъ какъ
тебѣ пришлось имѣть дѣло съ безпамятнымъ, то раздѣлай
отвѣты и сокращай ихъ, если хочешь, чтобы я слѣдовалъ за
тобою. — Какъ же еще короче прикажешь отвѣчать? развѣ
короче, чѣмъ нужно? — О нѣтъ, сказалъ я. — Значить столь-
ко, сколько нужно? — Да. — Но долженъ ли я отвѣчать E.
столько, сколько самъ считаю нужнымъ, или сколько ты? —
Я слышалъ, что ты можешь, если захочешь, долго разсуж-
дать объ одномъ и томъ же предметѣ, такъ что въ словахъ
у тебя недостатка не будетъ, и готовъ научить другихъ
тому же: знаю, что ты въ состояніи говорить и кратко, такъ 335.
что въ краткости никто не превзойдетъ тебя. Употреби же
другой способъ — краткословіе ¹, если угодно тебѣ разгова-
ривать со мною. — Сократъ! сказалъ онъ, я уже пускалъ
свое слово въ борьбу со многими людьми и, если бы мнѣ дѣ-
лать, что ты приказываешь, то не превзойти бы другихъ, и
имени Протагора не было бы между Греками. — Видя, что
прежніе отвѣты Протагора не нравятся самому ему, и что
онъ не думаетъ разговаривать, отвѣчая на мои вопросы,

¹ Краткословіе и длиннословіе *μακρολογία* и *βραχυλογία*, было искусство го-
ворить объ одномъ и томъ же предметѣ по произволу, какъ можно обшир-
нѣе, или какъ можно короче, и почиталось изобрѣтеніемъ софистовъ. Phædr.
267. Β. *Τίσιαν δὲ Γοργίαν τε ἐάσομεν εὐθεῖν, οἱ — συντομίαν λόγων καὶ ἀπειρα μήκη*
περὶ πάντων ἀνεύρων.

- В. я не считалъ своимъ дѣломъ присутствовать при его разсужденіяхъ и сказалъ: Протагоръ! я не настаиваю, чтобы твоя бесѣда была несообразна съ твоимъ обычаемъ, но если бы тебѣ хотѣлось разговаривать такъ, что бы мнѣ можно было за тобою слѣдовать, — я принялъ бы участіе въ разговорѣ. Ты, какъ самъ говоришь, и какъ другіе говорятъ о тебѣ, умѣешь сообщать свои мысли и обширно и коротко, потому
- С. что ты мудрецъ: напротивъ я неспособенъ къ слушанію длинныхъ рѣчей, хотя бы и желалъ имѣть такую способность. Что бы бесѣда наша продолжилась, тебѣ, какъ сильному въ обоихъ родахъ, надлежало бы снизойти ко мнѣ. Если же ты не хочешь того, а у меня есть дѣло, и мнѣ не лъзя выслушивать длинныхъ твоихъ рѣчей; то я и иду, хотя бы, можетъ быть, слушалъ тебя не безъ удовольствія.

Сказавъ это, я всталъ, чтобъ уйти. Но когда поднялся,—

- Д. Калліасъ правою рукою схватилъ меня за руку, а лѣвою за этотъ плащъ, и сказалъ: мы не пустимъ тебя, Сократъ; если ты уйдешь, то наша бесѣда будетъ не такова. Прошу же тебя, останься съ нами. Мнѣ ни кого не слушать съ такимъ удовольствіемъ, какъ тебя и Протагора, когда вы разговариваете другъ съ другомъ: доставь же всѣмъ намъ это удовольствіе. — Сынъ Иппоника! сказалъ я (въ эту минуту я уже всталъ и хотѣлъ уйти), для меня и всегда пріятно было
- Е. твое любомудріе, и теперь хвалю его и люблю; по этому желалъ бы я угодить тебѣ, если бы ты требовалъ отъ меня возможнаго. Но въ настоящемъ случаѣ тебѣ какъ будто хочется, чтобы я слѣдовалъ за сильнымъ скороходомъ, Крисосономъ Имерейскимъ, или состязался съ тѣми, которые
336. могутъ пробѣгать двойное, либо цѣлодневное поприще ¹.

¹ *Которые могутъ пробѣгать двойное, либо цѣлодневное поприще, долиходρόμων.* *Schol.* *δολιχοδρόμοι εἰσὶν δὲ τὸν δόλιχον τρέχοντες.* Такъ назывались скороходы, которые могли пробѣгать отъ семи до двадцати четырехъ стадій, или на Русскую мѣру, отъ 483 до 1656 саженьей. *Schol. Aristoph. ad Aves v. 292.* *Ἡμεροδρόμοι*, по Схолиасту, *οἱ ταῖς βασιλικαῖς διατάξεσι ταχὺτάτα διακονοῦμενοι*, а по Ливію (XXX, 24), *hemerodromos vocant Græci ingens die uno cursu emetientes spatium.*

Говорю, что я болѣе тебя радъ бы слѣдовать за этими скороходами; но право не могу. Если же тебѣ угодно видѣть меня и Крисона въ равномъ бѣгѣ; то проси послѣдняго о снисхожденіи, потому что я-то не въ состояніи бѣжать скоро, а онъ можетъ — медленно. Равнымъ образомъ, если ты желаешь слышать меня и Протагора; то проси послѣдняго, чтобы онъ отвѣчалъ столь же кратко, какъ прежде, и прямо на вопросъ: а иначе какой будетъ образъ разговора? Разговорное собесѣдованіе, по моему мнѣнію, отлично отъ народной рѣчи. — Но видишь, Сократъ, сказалъ онъ, Протагору-то кажется справедливымъ разговаривать, какъ онъ хочетъ, а тебѣ, какъ ты хочешь.

Ты не такъ говоришь, Калліасъ, возразилъ Алкивіадъ: Сократъ сознается, что онъ неспособенъ къ длиннословію, С. и въ этомъ уступаетъ Протагору; но для меня было бы удивительно, если бы онъ уступилъ кому нибудь изъ людей въ умѣннѣи вѣсть разговоръ, или давать и принимать вопросы. Если и Протагоръ признается, что онъ ниже Сократа въ разговорѣ; то для послѣдняго и довольно: когда же онъ не согласится съ этимъ, — пусть разговариваетъ, вопрошая и отвѣчая, а не растягиваетъ рѣчи послѣ каждаго вопроса, какъ бы уклоняясь отъ предмета и прямого рѣшенія; пусть не D. расплываетъ ея до того, пока многіе изъ слушателей забудутъ, о чемъ говорено было. Впрочемъ я ручаюсь, что Сократъ не забывчивъ, хоть шутя и говоритъ, будто не можетъ помнить. Итакъ, по мнѣ, онъ правъ: пусть каждый объявитъ свое мнѣніе.

Послѣ Алкивіада говорилъ, кажется, Критіасъ: Продикъ и Иппіасъ! сказалъ онъ, Калліасъ, по видимому, слишкомъ на сторонѣ Протагора, а Алкивіадъ всегда упоренъ въ своихъ мысляхъ: напротивъ мы, не присоединяясь ни къ Сократу, ни къ Протагору, должны просить обоихъ, чтобы они не прекращали своей бесѣды на срединѣ. — На это Продикъ 337. отвѣчалъ: Ты хорошо говоришь, Критіасъ. Слушатели, присутствующіе при такихъ разсужденіяхъ, должны быть, по отношенію къ обоимъ разговаривающимъ лицамъ, общими,

но не равными; потому что это—не одно и тоже. Надобно слушать *вообще* того и другаго, однакожь не *равно* принимать мнѣніе каждаго, но съ мудрѣйшимъ соглашаться болѣе, а съ немудрымъ — менѣе. Я и самъ считаю нужнымъ согласиться, Протагоръ и Сократъ, что вы можете спорить, но не ссориться: *спорятъ* друзья съ друзьями и въ добромъ расположеніи; а *ссорятся* противники и враги. Такая бесѣда была бы для насъ весьма пріятна. Разговаривая подобнымъ образомъ, вы заслужили бы отъ насъ, слушателей, болѣе одобреніе, чѣмъ похвалу; ибо *одобреніе* происходитъ отъ души безпристрастной, а *похвала* заключается преимущественно въ словахъ, несообразныхъ съ убѣжденіемъ. И мы, слушатели, чувствовали бы отъ того больше удовольствіе, чѣмъ наслажденіе; ибо *удовольствіе* свойственно учащемуся, когда бываетъ доволенъ умъ его, а *наслажденіе* прилично вкушающему нѣчто такое, что пріятно дѣйствуетъ на его тѣло. — Когда Продикъ сказалъ это, весьма многіе изъ присутствующихъ согласились съ нимъ ¹.

Послѣ Продика началъ говорить мудрый Иппіасъ: Мужи, находящіеся здѣсь! сказалъ онъ, я думаю, что всѣ вы родственники, ближніе и граждане не по закону, а по природѣ ²: ибо подобное по природѣ сродно подобному; а законъ—

¹ Платонъ въ этомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, шутитъ надъ тщеславіемъ Продика, хваставшагося особеннымъ искусствомъ различать значенія синонимическихъ словъ. Charm. 163. D. Crat. I. 384. Euthyd. 277. E. и проч.

² Софисты не только отличали законъ отъ природы, но даже противоположали первый послѣдней; между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ, они не противоположны и взаимно не отдѣлимы. Что такое природа безъ закона?—Хаосъ, въ которомъ нельзя представить ни движенія ни покоя, ни постоянства, ни перемѣняемости, ни бытія, ни небытія. Что такое законъ безъ природы?—Логическое понятіе, форма безъ содержанія, чистый абстрактъ. Софистъ соглашается, что всѣ мы, какъ люди, не чужды другъ другу, всѣ мы родственники, ближніе и граждане міра: но то самое, что сродняетъ всѣхъ людей, и есть законъ, коего частныя выраженія суть законы положительные, разнообразные по мѣрѣ необходимаго оразноображиванія закона природы въ народныхъ субъектахъ, подъ вліяніемъ вѣка и мѣстныхъ условій.

тиранъ челоѣковъ ¹, онъ часто насилуетъ природу. И такъ, постыдно намъ, вѣдающимъ свойство вещей, мудрѣйшимъ изъ Эллиновъ, и потому стекшимся изъ цѣлой Эллады въ этотъ пританіумъ мудрости ², а изъ цѣлаго города въ этотъ величайшій и благополучнѣйшій домъ, — постыдно намъ не проявить ничего достойнаго такой чести, но, какъ худшимъ Е. изъ людей, разногласить другъ съ другомъ. Прошу и совѣтую, Протагоръ и Сократъ, позволить намъ, какъ посредникамъ, которые сближаютъ противныя стороны, свести васъ на среднемъ пути: и ты, Сократъ, не требуй точно того ³³⁸. рода слишкомъ краткихъ разговоровъ, какой не нравится Протагору, но опусти и ослабь бразды слова, чтобы оно казалось намъ величественнѣе и рисовалось; и Протагоръ не долженъ поднимать всѣ паруса ³ и, при благопріятномъ вѣтрѣ пускаясь въ море рѣчи, терять изъ вида землю: обоимъ вамъ надобно рѣзать середину. Если вы рѣшитесь дѣлать такъ; то довѣрьте мнѣ избрать судію ⁴, распорядителя и начальника, который будетъ стараться о посредственной длинотѣ рѣчей того и другаго изъ васъ.

¹ Понимая законъ, какъ изобрѣтеніе и какъ внѣшніе узы, софисты натурально должны были прийти къ мысли, что онъ—тиранъ челоѣковъ. Но какъ легко было, по видимому, отъ этого заключенія перейти къ слѣдующему: если законъ есть тиранъ, то онъ тиранствуетъ надъ тѣмъ, что ему противоположно; а закону противоположно беззаконіе; слѣдовательно, если законъ есть тиранъ, то онъ тиранствуетъ надъ беззаконіемъ. Потомъ: законъ тиранствуетъ надъ беззаконіемъ, и тотъ же законъ, по мнѣнію софистовъ, есть тиранъ челоѣковъ; слѣдовательно, тѣ люди, надъ которыми онъ тиранствуетъ, беззаконны. А отсюда само собою слѣдовало бы, что истинный тиранъ челоѣковъ есть не законъ, а беззаконіе.

² Въ этотъ Пританіумъ мудрости, т. е., въ Аѣны, въ городъ Минервы, въ средоточіе греческаго просвѣщенія. *Протагейон* было священное мѣсто въ храмѣ Весты, гдѣ хранились законы Солона и гдѣ ежедневно предлагаемъ быть почетный столъ всѣмъ, оказавшимъ важныя услуги отечеству. *Cicer. de orat. I. 54. Liv. XLI. 40.*

³ Поднимать всѣ паруса, въ подлинникѣ: *πάντα κάλων ἐκτείναντα*, натягивать всѣ канаты, выраженіе метонимическое, и кажется было пословицею, какъ и однозначущее съ нимъ: *πάντα λίθον κινεῖν*.

⁴ Судію, *ῥαυδοῦχος*. *ῥαυδοῦχοι* были въ Аѣнахъ представителями или вождями народа въ собраніяхъ, *οἱ χριταὶ τοῦ ἀγῶνος, οὓς ὁ ποιητὴς αἰσιμνότηας εἶπε Schol. ad Aristoph. Pac. 733.*

Это понравилось присутствующимъ; всѣ одобрили мнѣніе Иппіаса, и Калліасъ сказалъ, что онъ не отпуститъ меня, что надобно избрать распорядителя. Но я отвѣчалъ: стыдно избирать судію рѣчей; потому что если избранный будетъ хуже насъ, то покажется несправедливымъ худшему судить лучшихъ: а когда онъ будетъ равенъ намъ, то и въ этомъ не много правды; потому что равный намъ и выполнить равное, стало быть избраніе его будетъ дѣломъ лишнимъ. Но вы выберете лучшаго, чѣмъ мы? Избрать когонибудь мудрѣе Протагора, думаю, вамъ по истинѣ невозможно. Если же въ самомъ дѣлѣ не выберете лучшаго, а только укажете; то пристыдите Протагора, поставивъ надъ нимъ, какъ будто надъ пустымъ человѣкомъ, какогонибудь судію. Что же касается до меня, то мнѣ все равно. Чтобы наша бесѣда и разговоры, которыхъ вы желаете, могли состояться, я готовъ поступить такъ: если Протагоръ не хочетъ давать отвѣтовъ, то пусть вопрошаетъ, а я буду отвѣчать и вмѣстѣ постараюсь показать ему, какимъ образомъ, по моему мнѣнію, отвѣчающій долженъ выполнять свое дѣло. Мои отвѣты будутъ продолжаться дотолѣ, пока онъ не перестанетъ предлагать вопросы; а потомъ пусть обѣщается передать мнѣ право вопрошателя, и если окажется неготовымъ отвѣчать, то и я, и вы, будемъ съобща просить его, какъ теперь просите меня, чтобы онъ не разрушалъ нашей бесѣды. Для этого не нужно никакого распорядителя; всѣ вы будете распоряжаться. — Присутствующіе согласились со мною, и Протагоръ, хотя ему и очень не хотѣлось, принужденъ былъ принять на себя должность вопрошателя, съ тѣмъ, чтобы послѣ довольноаго количества вопросовъ, кратко отвѣчать и на мои вопросы. Онъ началъ свое дѣло почти слѣдующимъ образомъ.

Я думаю, Сократъ, сказалъ Протагоръ, что важная сторона воспитанія человѣка есть знаніе поэмъ; а это должно состоять въ разумѣніи того, что поэты воспѣвали правильно и что нѣтъ, также въ умѣнны изъяснять ихъ сочиненія и

давать отчетъ вопрошающему. Возьмемъ же и теперь вопросъ, близкій къ прежнему нашему предмету, то есть, къ добродѣтели, только добродѣтель перенесемъ въ поэзію. Въ этомъ вся разница. Симонидъ ¹ гдѣ-то говоритъ Скопасу, сыну Фессалійца Креона, что *истинно трудно сдѣлаться В. человекомъ добрымъ, совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ* ², *человѣкомъ безъ недостатка*. Знаешь ли ты эту пѣснь, или

¹ Такъ какъ избираемая теперь для объясненія пѣснь Симонида нигдѣ отдѣльно и въ связи не изложена, а сохранилась только въ Платоновомъ Протагорѣ, въ которомъ однакожь стихи Симонида разсматриваются отрывочно; то Гейне (Opusc. I. 160. sq.) вознамѣрился привести ихъ въ логическую и даже буквальную связь. Но Шлейермахеръ во многомъ не соглашается съ нимъ и излагаетъ пѣснь Симонида слѣдующимъ образомъ: "Ἀνδρα ἀγαθὸν μὲν ἀλαθείᾳ γενέσθαι χαλεπὸν, χερσὶ τε καὶ ποσὶ καὶ νόῳ τετράγωνον ἄνευ ψόγου τετυγμένον..... οὐδὲ μοι ἐμμελέως τὸ Πιττάκειον νέμετκι, καίτοι σοφοῦ παρὰ φῶτος εἰρημένον χαλεπὸν φάτο ἐσθλὸν ἔμμεναι... (ἀλλὰ) θεὸς ἂν μόνος ἔχοι (τὸ) γέρας. Ἀνδρα δὲ οὐκ ἔστι μὲν οὐ κακὸν ἔμμεναι, ἢ ἂν ἀμήχανος συμφορὰ καθέλῃ... πράξας μὲν γὰρ εὖ πᾶς ἀνὴρ ἀγαθός· κακὸς δὲ κακῶς (— ?) ἐπιπλείστον (δὲ) καὶ ἄριστοί (εἰσιν) οὓς ἂν οἱ θεοὶ φιλοῦσιν... "Ἔμοι γ' ἔξαρχεὶ ὅς ἂν μὴ κακὸς ἢ μὴδ' ἄγαν ἀπάλαμνος, εἰδὼς γε δὴνῆσει πόλιν δίκην ὑγιᾶς ἀνὴρ. Οὐ μὴν (μιν?) ἐγὼ μοιμήσομαι, οὐ γὰρ εἰμι ζιλόμωμος· τῶν γὰρ ἡλιθίων ἄπειρα γενέσθαι... πάντα τοι καλὰ τοῖσι τ' αἰσχρὰ μὴ μέμικται... Τοῦνεκεν οὐ ποτ' ἐγὼ τὸ μὴ γένεσθαι δυνατόν διζήμενος κενεῖν εἰς ἀπρακτὸν εἰπίδα μοῖραν αἰῶνος βαλέω, πανάριστον ἄνθρωπον εὐρεδοῦς ὅσοι καρπὸν αἰνύμεθα χθόνος· ἐπειδ' ὑμῖν εὐρὴν ἀπαγγελέω. Πάντας δὲ ἐπαίνημι καὶ φιλέω ἐκὼν ὅσους ἔρδῃ μὴδὲν αἰσχροῦ· ἀνήγη δὲ οὐδὲ θεοὶ μάχονται. «Трудно даже сдѣлаться человѣкомъ истинно «добрымъ, совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ,—человѣкомъ безъ недостатка.... И я не имѣю выгоднаго мнѣнія о Питтаковомъ изреченія, хотя оно провознесено и мудрымъ мужемъ, что трудно быть добрымъ.... Это преимущественно принадлежитъ одному Богу; а человѣку нельзя не быть злымъ, когда «его увлекаетъ слѣпая судьба.... Всякій человѣкъ, поступающій хорошо, «добръ, а худо—золъ——. Болѣе же всѣхъ бываютъ добрыми тѣ, которыхъ «любятъ боги... Меня удовлетворилъ бы человѣкъ, только что не худой, но «и не совершенно несмысленный, а здравомыслящій, знающій законную пользу общества. Я не сталъ бы порицать его, потому что не расположенъ къ «порицанію. При томъ роды глупыхъ безчисленны.... все прекрасно, къ чему не примѣшалось постыдное.... По этому я не предамъ своей жизни суетной и несбыточной надеждѣ, ища того, что невозможно,—совершенно неопрочного человѣка между людьми, питающимися отъ плодовъ далеко населенной земли: если же найду его, то возвѣщу вамъ. И такъ я хвалилъ бы и любилъ всякаго охотно, кто не дѣлалъ бы ничего постыднаго: а съ необходимостію и боги не воюють».

² *Совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ*, въ подлин. *χερσὶ τε καὶ ποσὶ καὶ νόῳ τετράγωνον*, четвероугольнымъ по рукамъ, ногамъ и уму. Это—ясный типъ латинской поговорки: omnibus numeris, или omnibus partibus absolutum esse? *τετράγωνος* въ переносномъ смыслѣ, значило у Грековъ: совершенный, пол-

- я долженъ прочитать ее всю?—Не нужно, отвѣчалъ я; знаю, и много размышлялъ о ней. — Дѣло; чтоже, каково она написана? хорошо, вѣрно или нѣтъ? — Да, отвѣчалъ я, по моему, и хорошо и вѣрно. — Но считаешь ли ты сочиненіе хорошимъ, въ которомъ поэтъ противорѣчитъ самому себѣ? — Нѣтъ, отвѣчалъ я. — Всмотрись же получше, ска-
- C. залъ онъ. — Я довольно всматривался, добрый Протагоръ.— Стало быть знаешь, сказалъ онъ, что въ той же пѣсни говорится далѣе: *я имѣю невыгодное мнѣніе о Питтаковомъ изреченіи, хотя оно произнесено и мудрыми мужемъ, — что трудно быть добрымъ*¹. Знаешь ли, что эти слова сказаны тѣмъ же, кѣмъ и прежнія? — Знаю, отвѣчалъ я. — И тебѣ кажется, спросилъ онъ, что послѣднія согласны съ первыми? — Кажется; — и вдругъ опасаясь, чтобы онъ не началъ
- D. разсуждать, я прибавилъ: а тебѣ не кажется? — Можетъ ли быть согласенъ самъ съ собою тотъ, кому принадлежать оба эти мнѣнія? кто сперва утверждалъ, что трудно сдѣлаться истинно добрымъ человѣкомъ, а потомъ, не много продолживъ свое сочиненіе, забылъ о прежней мысли и осуждаетъ Питтака, который говоритъ тоже самое, что трудно быть добрымъ, и не принимаетъ словъ его, хотя онѣ подтверждаются собственными его словами? Явно, что осуждая Питтаково мнѣніе, тождественное съ своимъ, Симонидъ осуждаетъ и самаго себя; такъ что если первое невѣрно, то не вѣрно и послѣднее. — Выслушавъ это разсужденіе, многіе произвели
- E. одобрительный шумъ и похвалили Протагора: а у меня, отъ словъ его и отъ шума присутствующихъ, какъ будто отъ добраго удара кулачнаго бойца, сперва потемнѣло въ гла-

ный; *Arist. Rhet.* III. 11. τὸν ἀγαθὸν ἄνδρα φάναι εἶναι τετράγωνον μεταφορά: ἀμφω γὰρ τέλεια.

¹ Извѣстенъ случай, по которому Питтакъ сказалъ это. См. *Erasm. Adag. Chil. II. Cent. I. 12.* «Periander Corinthius initio populariter ac moderate gerebat imperium, postea versis moribus tyvannice agere coepit. Id simul atque cognitum esset Pittaco Mitylenaeo, diffisum de sui ipsius animi constantia, magistratum deposuisse relictoque imperio in exilium abiisse. Percontantibus deinde quibusdam, qua gratia fugisset imperium, respondisse quod *admodum*

захъ и завертѣлось въ головѣ; но потомъ, если сказать тебѣ правду, желая выиграть время для размысленія о мнѣніяхъ поэта, я обратился къ Продику и вызвалъ его къ бесѣдѣ слѣдующею рѣчью: Продикъ! Симонидъ — твой согражда- 340. нинъ; ты долженъ помочь ему. Я призываю тебя, почти какъ Скамандръ, осажденный Ахиллесомъ, по свидѣтельству Омистра, призывалъ Симоиса:

«Воздвигнись, мой братъ, крѣпость мужа оба авось обуздаемъ»¹.

Да, призываю тебя; иначе Протагоръ разгромить нашего Симонида. Вѣдь, чтобы поставить его на ноги, нужна именно твоя симфонія², посредствомъ которой ты различаешь слова *хотѣть* и *желать*, какъ бы не тождественныя, и слѣдуя ко- В. торой еще нынѣ говорилъ много прекраснаго. Смотри же, такъ ли и тебѣ кажется, какъ мнѣ: я думаю, что Симонидъ не противорѣчитъ самъ себѣ. Прежде всего объяви свое мнѣніе, Продикъ; тоже ли, по твоему, *дѣлаться* и *быть*³, или не тоже? — О, свидѣтельствуюсь Зевсомъ, — не тоже, отвѣчалъ Продикъ. — Слѣдовательно въ первомъ мѣстѣ Симонидъ выражаетъ собственную свою мысль, что по истинѣ трудно дѣлаться добрымъ человѣкомъ? — Конечно. — А потомъ осуж- С. даетъ Питтака не за одинаковое съ своимъ мнѣніе, какъ по-

esset arduum probum esse propter mutatum Periandrum. Quibus auditis Solonem addidisse suum arophthegma: χαλεπά τὰ καλά.

¹ Iliad. XXI. 308.

² *Твоя симфонія*, τῆς σῆς μουσικῆς. Подъ словомъ *μουσική* разумѣлась вообще наука, или искусство въ высшемъ значеніи. Phædr. 259. D. Phædon. 60. E. 61. A. Polit. 288. C. Cratyl. 406. A. al. Впрочемъ это слово могло быть здѣсь употреблено и въ собственномъ значеніи; потому что искусство Продика, какъ извѣстно, состояло въ сличеніи названій; а такіе опыты сличенія и доннынѣ сохранили имя симфоній.

³ *Дѣлаться* и *быть*, τὸ γενέσθαι καὶ τὸ εἶναι, — извѣстное различеніе бытія условнаго и безусловнаго, которое, со временъ Платона, такъ часто и заботливо было раскрываемо философами, особенно въ Германіи. Бытіе безусловное (esse, das Sein) — всегда одно и тоже, вѣчно, неизмѣнно и прилично одному Богу: бытіе условное, или бываніе (fieri, das Werden) имѣетъ начало и конецъ, раждается и исчезаетъ, восходитъ и низходитъ по степенямъ, и свойственно существамъ сотвореннымъ, или ихъ дѣйствіямъ. Такъ различаетъ Платонъ и разсматриваемыя здѣсь выраженія: дѣлаться добрымъ и быть добрымъ; равнымъ образомъ: дѣлаться добрымъ человѣку по истинѣ трудно,

лагаеть Протагоръ, а за другое? ибо Питтакъ не сказалъ, какъ Симонидъ, что трудно дѣлаться, но—трудно быть добрымъ. И такъ видишь, Протагоръ; Продикъ говоритъ, что *быть* и *дѣлаться*—не одно и тоже: а если *быть* и *дѣлаться* не одно и тоже; то Симонидъ не противорѣчитъ самому себѣ.

D. Можетъ быть и Продикъ и многіе другіе готовы утверждать съ Исіодомъ, что трудно сдѣлаться добрымъ; потому что боги, прежде добродѣтели, требуютъ пота: но когда кто достигъ высоты ея, — бывъ трудною, она становится легка.

Выслушавъ это, Продикъ похвалилъ меня; а Протагоръ сказалъ: такую поправкою, Сократъ, ты больше испортилъ, E. чѣмъ поправилъ дѣло.—Плохъ же видно я, Протагоръ, былъ мой отвѣтъ; я — тотъ смѣшной врачъ, который, врачуя болѣзнь, только усиливаетъ ее.—А вѣдь въ самомъ дѣлѣ такъ.—Какъ такъ? спросилъ я.—Поэтъ былъ бы не уменъ, если бы приобрѣтеніе добродѣтели—дѣло, по признанію всѣхъ людей, самое трудное, почиталъ столь маловажнымъ ¹. — Клянусь Зевсомъ, сказалъ я, что Продикъ весьма кстати принялъ участіе въ нашемъ разговорѣ; божественная мудрость его, Протагоръ, едва ли не столь древня, что получила начало 341. отъ Симонида, а можетъ быть, и того древнѣе ²: напротивъ ты знаешь много другаго, а этой мудрости, кажется, не знаешь,—не такъ какъ я, ученикъ Продика ³. Ты, по видимому, не замѣтилъ, что и слово *трудно* Симонидъ, должно быть, понималъ не въ томъ значеніи ⁴, въ какомъ оно принимается а быть добрымъ вовсе невозможно. Ниже Сократъ, ссылаясь на Исіода, разумѣеть 284 стихъ его орр. et. dd.

¹ Указывается на преждеупомянутую мысль Исіода, что когда кто достигъ высоты добродѣтели, — она, бывъ трудною, становится легка. Но Платонъ, вмѣстѣ съ Исіодомъ, почиталъ добродѣтель легкою въ безусловномъ ея значеніи, поколику она выше всѣхъ человѣческихъ усилій и бываетъ сама себѣ закономъ. Такая добродѣтель принадлежитъ конечно не человѣку, а Богу.

² Платонъ здѣсь шутитъ надъ Протагоромъ, пародируя собственныя слова его (см. выше 316. В), что софистическое искусство весьма древне и происходитъ отъ Омира, Исіода и Симонида.

³ Сократъ во многихъ мѣстахъ, шутя, называетъ себя ученикомъ Продика въ искусствѣ различать значенія словъ. См. Cratyl. 384. В. Menon. 96. D. Charm. 163. D.

⁴ Χαλεπόν, трудно, Греки принимали въ двухъ смыслахъ: по одному, оно

тобою. Продикъ каждый разъ учить меня разумѣть его въ значеніи *ужаса*. Если, напримѣръ, я, хваля тебя, или кого другаго, говорю: Протагоръ человѣкъ ужасно мудрый, то онъ возражаетъ: не стыдно ли тебѣ доброе называть ужаснымъ? ужасное есть зло; а потому никто не говоритъ объ ужасномъ богатствѣ, объ ужасномъ мирѣ, объ ужасномъ здоровьѣ; но говорятъ объ ужасной болѣзни, объ ужасной войнѣ, объ ужасной бѣдности, потому что ужасное есть зло. Такимъ же образомъ, можетъ быть, и Хиосцы, и Симонидъ, подъ именемъ труднаго понимаютъ зло, или что другое, чего ты не знаешь. Спросимъ-ка лучше Продика; потому что съ нимъ приличнѣе совѣтоваться о языкѣ Симонида. Прodikъ! что разумѣть Симонидъ подъ именемъ труднаго? — Злое, отвѣчалъ онъ. — Слѣдовательно за то и осуждаетъ онъ Питтака, сказалъ я, что въ его выраженіи: трудно быть добрымъ, видитъ мысль: худо быть добрымъ? — Что же другое, кромѣ этого, по твоему мнѣнію, Сократъ, можно бы разумѣть тутъ? Симонидъ порицаетъ Питтака за его неумѣнье правильно различать слова, такъ какъ онъ Лесбосецъ и воспитанъ былъ подъ вліяніемъ варварскаго нарѣчія ¹. — Слышишь Протагоръ, что говоритъ Прodikъ? Можешь ли что нибудь сказать противъ него? — Далекое не такъ, Прodikъ,

соотвѣтствовало латинскому *difficile* и противопологалось греческому *ράδιον*, или *ρήδιδιον*; а по другому—было тоже, что у Римлян *molaestum*, которому противопологалось *τὸ ἡδύ*. Въ послѣднемъ случаѣ *χαλεπὸν* было синонимическое съ словомъ *δεινόν*. Но и *δεινόν* употребляемо было также въ хорошую и худую сторону, и въ первомъ приложеніи значило — *удивительное*, а во второмъ—*ужасное*. Сократъ, разумѣя его здѣсь только въ одномъ значеніи, какъ ужасное, а ужасное какъ злое, явно смѣется — вопервыхъ надъ Прodikомъ и надъ ничтожностію его искусства различать значенія названій, во вторыхъ надъ всѣми софистами, къ которымъ обыкновенно прилагалось слово *δεινός*, какъ противоположное *τῷ σοφῷ*;—напр. Phaedr. 245. С. ἡ δὲ δὴ ἀποδειξις ἔσται δεινοῖς μὲν ἀπιστος, σοφοῖς δὲ πιστή. Впрочемъ у Платона *σοφός* и *δεινός* чаще прилагаются къ одному и тому же лицу, и первое принимается почти всегда иронически, а послѣднее—въ значеніи слова *сильный*, простон. *ужасный*, или нѣмецк. *gewaltig*.

¹ По свидѣтельству *Диодора Сицил.* (V, 81), первые жители Лесбоса были Пелазги; а потому Лесбосъ почитаетъ онъ *ἔχοντα λαοὺς ἡδρυσμένους* (сильными) *τοὺς μὲν οὐκας, τοὺς δὲ ἐξ ἄλλων ἔθνων παντοδαπῶν συνερρήρηκτάς.*

отвѣчалъ онъ. Мнѣ хорошо извѣстно, что Симонидъ, какъ и всѣ мы, подъ именемъ труднаго разумѣль не злое, а то, что не легко, и приобрѣтается великими трудами. — И мнѣ равнымъ образомъ кажется, Протагоръ, что онъ разумѣль то самое; да и Продикъ это знаетъ, но только шутить, какъ будто желая испытать тебя, можешь ли ты защищать свое мнѣніе. А что труднымъ Симонидъ называлъ не злое, важ-
 Е. ный признакъ заключается въ слѣдующемъ же за тѣмъ выраженіи: тамъ говорится, что *это преимущество принадлежитъ одному Богу*. Если бы Симонидъ сказалъ, что худо быть добрымъ, и потомъ прибавилъ, что одинъ Богъ имѣетъ это зло, или что это преимущество принадлежитъ одному Богу; то Продикъ почелъ бы своего соотечественника чело-
 342. вѣкомъ гибельнымъ и вовсе не Хіосцемъ ¹. Между тѣмъ угод-
 но ли тебѣ знать мою опытность (или какъ ты называешь это) въ поэмахъ? Я, пожалуй, выскажу свое мнѣніе о смыслѣ Симонидовой пѣсни: а когда негодно, готовъ слушать тебя. — На это предложеніе Протагоръ отвѣчалъ: какъ хочешь, Сократъ; а Продикъ, Иппіасъ и другіе настойчиво приказывали говорить.

И такъ попробуюсь объяснить вамъ, что именно я думаю объ этой пѣсни. Самая древняя ² и особенно распространенная между Эллинами философія находится въ Критѣ и Лавкедемонѣ, и софистовъ тамъ множество. Но они притворяются и кажутся невѣждами, какъ и тѣ, о которыхъ говорилъ Протагоръ, чтобы не обнаружить своего превосходства въ мудрости предъ прочими Греками; напротивъ выставляютъ

¹ Хіосцы въ древности славились хорошою нравственностію и строгимъ соблюденіемъ законовъ. *Vindingii Collectan. Thes. ant. gr. T. XI. p. 492. Müller, Geschichte der hellenischen Stämme. T. II. P. 2. p. 226.*

² Вся эта рѣчь, по видимому, есть пародія рѣчи Протагоровой р. 316. D. sqq. и насмѣшка надъ тою мыслию, что софистическое искусство весьма древне. Сократъ самымъ древнимъ убѣжищемъ софистовъ почитаетъ Критъ и Лакедемонъ; между тѣмъ извѣстно, что Лакедемоняне чуждались софистическаго образованія. *Isocr. panath. p. 272. οὗτοι δὲ τοσοῦτον ἀπολειμμένον τῆς κοινῆς παιδείας καὶ φιλοσοφίας εἰσὶν, ὥστ' οὐδὲ γράμματα μαθαίνουν.* Hipp. mai. 285. C. Ἐπεὶ οὐδ' ἀριθμεῖν ἐκείνων γε, ὡς ἔπος ἐπεῖν, πολλοὶ ἐπίστανται.

себя предъ ними только въ военномъ искусствѣ и мужествѣ, съ тою мыслию, что узнавъ, на сколько въ самомъ дѣлѣ они лучше другихъ, всѣ примутся за ихъ дѣло. Такою скрытностію софисты обманываютъ жителей и иныхъ странъ, какъ скоро они, подражая Лакедемонянамъ ¹, и прокалываютъ себѣ уши, и надѣваютъ на руки кожаныя перчатки, и упражняютъ С. себя въ гимнастикѣ, и носятъ короткіе плащи, какъ будто Лакедемоняне этимъ именно превосходятъ прочихъ Грековъ. А Лакедемоняне, если хотятъ свободно побесѣдовать съ своими софистами, и если наскучило имъ бесѣдовать скрытно, — тотчасъ предписываютъ выслать всѣхъ этихъ подражателей ² и другихъ людей, прибывшихъ къ нимъ изъ за границы, и сносятся съ своими софистами тайно отъ иностранцевъ. Сверхъ того, подобно Критянамъ, не позволяютъ они и своимъ юношамъ выѣзжать въ другія города, чтобы D. ихъ юноши не забыли того, чему научились. Въ этихъ республикахъ не только мужчины, но и женщины получаютъ высокое воспитаніе. А что я говорю справедливо, то—естъ, что Лакедемоняне въ самомъ дѣлѣ хорошо воспитаны въ философіи и искусствѣ слова, — можете узнать изъ слѣдующаго. Кто захочетъ поговорить хотя бы-то съ худшимъ изъ Лакедемонянъ; тотъ найдетъ его большею частію какъ будто сла- E. бымъ въ рѣчи: но потомъ, при случаѣ, вдругъ вырывается у него, весьма кстати, изрѣченіе краткое и сжатое, подобное сильно пущенной стрѣлѣ; такъ что собесѣдникъ является предъ нимъ не лучше дитяти. Обращая вниманіе на это обстоятельство, многіе и изъ древнихъ и изъ современныхъ

¹ Въ древней Греціи Лакедемонъ былъ предметомъ слѣпаго подражанія прочихъ республикъ и частныхъ лицъ. Изъ Спарты, какъ нынѣ изъ Парижа, мода разсылала законы всѣмъ. Но удивляясь мужеству и мудрости Спартанцевъ, Элліны подражали имъ не въ томъ, а въ платьѣ и въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обычаяхъ.

² Иностранцамъ позволялось приходиться въ Спарту и оставаться въ ней только на время общественныхъ праздниковъ. По прошествіи этого времени объявляема была *ξενολασις*, высылка иностранцевъ изъ города. Это постановленіе приписываютъ Ликургу. *Crag. de rep. Laced.* III. 33 p. 210 sq. *Müller, Gesch. d. hell. Stämme* Tom. II. P II. p. 8.

- намъ людей поняли, что подражать Лакедемонянамъ значить болѣе любить мудрость, чѣмъ тѣлесныя упражненія; потому что произносить подобныя изрѣченія можетъ только чело-
343. въкъ совершенно образованный. Такими почитаются Фалесъ Милетскій, Питтакъ Митиленскій, Віасъ Пріенскій, нашъ Солонъ, Клеовуль Линдскій, Мисонъ Хинейскій ¹ и седьмой, причисляемый къ нимъ, Хилонъ Лакедемонскій. Всѣ они были соребнователями, любителями и учениками Лакедемонскаго образованія, и каждый можетъ узнать, что именно въ этомъ состояла ихъ мудрость, то-есть, въ краткихъ, досто-
- В. памятныхъ изрѣченіяхъ. Съ общаго согласія, они посвятили начатокъ своей мудрости Дельфійскому храму Аполлона, написавъ на немъ всѣми прославляемыя мнѣнія ²: *познай самаго себя и ничего слишкомъ*. Но для чего я говорю объ этомъ? Для того, что у древнихъ философія состояла въ Лакедемонскомъ краткословіи, и что самое выраженіе Питтака: *трудно быть добрымъ*, переходило изъ устъ въ уста, какъ
- С. выраженіе хвалимое мудрыми. Но Симонидъ, побуждаемый страстію къ мудрости, подумалъ, что если онъ опровергнетъ это изрѣченіе, какъ знаменитаго борца, и преодолѣетъ его; то самъ прославится между современниками. Такимъ образомъ, именно противъ этого изрѣченія и съ умысломъ уронить его, онъ, какъ мнѣ кажется, написалъ всю свою пѣснь. Изслѣдуемъ общими силами, правду ли я говорю. Кто хотѣлъ
- Д. бы вдругъ съ самаго начала пѣсни произнести: трудно сдѣлаться человѣкомъ добрымъ, и тутъ же прибавилъ бы частицу *μὲν*; тотъ говорилъ бы безъ смысла: ибо эта частица вовсе неумѣстна, если предположимъ, что Симонидъ не имѣлъ намѣренія воставать на Питтаково изрѣченіе. Противъ словъ

¹ *Діодоръ* (Fragm. I; IX. Tom. IV, p. 42) называетъ его Меліенскимъ. По свидѣтельству *Плутарха* (de El delph. 385. E), Платонъ помѣстилъ его въ числѣ семи мудрецовъ вмѣсто Періандра, *ὡς ἀναξίη σοφίης διὰ τὸ τετραπυηλέναι*.

² По свидѣтельству *Плутарха* (de Garul. 511. B), первая надпись сдѣлана была Амфиктіонами, а вторая приписывается разнымъ лицамъ *Diog. L. 1, 40. 44.*

Питтака, что трудно быть добрымъ, Симонидъ возражаетъ: нѣтъ, Питтакъ, даже дѣлаться добрымъ человѣкомъ трудно по истинѣ. Онъ не говоритъ: истинно добрымъ,—не сюда относить истину, какъ бы предполагая однихъ истинно добрыми, а другихъ — хотя и добрыми, но не истинно; это было бы Е. нелѣпно и недостойно Симонида. Нѣтъ, въ его пѣсни слово *по истинѣ* надобно перестановить, какъ будто бы онъ подразумѣвалъ изрѣченіе Питтака, и какъ будто бы утверждалъ самъ Питтакъ, а Симонидъ отвѣчалъ ему. Напримѣръ, первый взывалъ бы: Люди! трудно быть добрымъ! а послѣдній въ отвѣтъ ему: несправедливо говоришь Питтакъ; не быть, 344. а дѣлаться человѣкомъ добрымъ, совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ, — человѣкомъ безъ порока, трудно по истинѣ. При такомъ смыслѣ рѣчи, и частица *μὲν* будетъ здѣсь не безъ причины, и слово *по истинѣ* въ концѣ выраженія—умѣстно. Это значеніе подтверждается также всѣмъ послѣдующимъ: ибо можно бы и чрезъ разсмотрѣніе отдѣльныхъ мыслей въ пѣсни Симонида показать, какъ хорошо она написана, какъ В. она изящна и обработана; но разсматривать ихъ было бы долго. По этому мы раскроемъ только общій характеръ сочиненія и намѣреніе сочинителя — совершенно опровергнуть изрѣченіе Питтаково во всей его пѣсни. Немного ниже онъ какъ будто говоритъ, что сдѣлаться добрымъ человѣкомъ хотя по истинѣ трудно, однакожь все еще на нѣсколько времени возможно: напротивъ сдѣлавшись, оставаться въ этомъ С. состояніи и быть добрымъ человѣкомъ, какъ ты утверждаешь, Питтакъ, есть дѣло невозможное и нечеловѣческое; ибо это преимущество принадлежитъ одному Богу, а *человѣку нельзя не быть злымъ, когда его увлекаетъ слѣпая судьба*. Но кого увлекаетъ слѣпая судьба при управленіи кораблемъ? Явно, что не неопытнаго; потому что неопытный всегда внизу: лежачаго никто не повергаетъ; повергнуть можно только стоячаго, чтобы онъ лежалъ, а не лежачаго. Подобнымъ образомъ и слѣпая судьба можетъ увлечь только D. осмотрительнаго; а того, кто всегда неосмотрителенъ, она

- не увлекаетъ. Такъ напримѣръ, сильная буря дѣлаетъ без-
 сильнымъ только кормчаго, худая погода — только земледѣль-
 ца; то же и о врачѣ. Равно и злымъ свойственно дѣлаться
 только доброму, какъ свидѣтельствуемъ другой поэтъ ¹:
- Б. «добрый человѣкъ — то золь, то добръ». Напротивъ, злomu
 свойственно не дѣлаться, но всегда быть по необходимости.
 По этому, и осмотрительный, и мудрый, и добрый, когда
 увлекаетъ ихъ слѣпая судьба, не могутъ не быть злыми. А
 ты говоришь, Питтакъ, что трудно быть добрымъ: дѣлаться
 добрымъ конечно трудно, но возможно; напротивъ быть доб-
 рымъ не возможно. *Всякій человекъ, поступающій хорошо,
 добръ, а худо — золъ.* Но что называется добрымъ поступ-
 комъ въ отношеніи къ грамотѣ? и что дѣлаетъ человѣка
 добрымъ вразсужденіи ея? Разумѣется изученіе грамоты.
 Какая добрая дѣятельность характеризуетъ добраго врача?
 Разумѣется, умѣнье пользоваться больныхъ. *А худо-золъ.* Но
 кого назвали бы мы врачомъ худымъ? очевидно того, кому
 прежде случалось носить имя врача, а потомъ — имя врача
 хорошаго; слѣдовательно, который могъ бывать и худымъ.
 Вотъ мы, невѣжды въ врачебномъ искусствѣ, не въ состояніи
 дѣлать худо, ни какъ врачи, ни какъ плотники, ни какъ
- В. другіе какіе нибудь люди въ этомъ родѣ. Кто, дѣлая худо,
 не былъ бы врачомъ; того нельзя было бы назвать и худымъ
 врачомъ. По этому добрый человѣкъ иногда можетъ сдѣ-
 латься и худымъ, или отъ времени, или отъ скорби, или отъ
 болѣзни, или отъ какого нибудь другаго несчастія; потому
 что единственное худое дѣйствіе есть лишеніе знанія: на-
 противъ человѣкъ худой никогда не сдѣлается худымъ; по-
 тому что онъ всегда худъ. Чтобы сдѣлаться худымъ, ему
 надлежало бы сперва сдѣлаться хорошимъ. Стало быть и то
- С. выраженіе пѣсни указываетъ на прежнюю мысль, что добро-

¹ Кто былъ и какъ назывался этотъ поэтъ — неизвѣстно. Приведенный
 здѣсь стихъ встрѣчается также у *Ксенофонти* (Memorab. Socr. I, 2. 20) и
 вѣроятно принадлежитъ какому-нибудь гномическому поэту. См. *Hermann.*
ad Sophocl. Antig. v. 364.

му человѣку невозможно постоянно быть добрымъ; но возможно одному и тому же дѣлаться и добрымъ и худымъ. *Болше же всѣхъ бываютъ добрыми тѣ, которыхъ любятъ боги.* Что все это было говорено противъ Питтака, еще болѣе подтверждается дальнѣйшимъ содержаніемъ пѣсни. Симонидъ говоритъ: *По этому я не предаю своей жизни суетной и несбыточной надеждѣ, ища того, что невозможно, — совершенно непорочнаго человѣка между людьми, питающими отъ плодовъ далеко населенной земли: если же найду его; то возвѣщу вамъ.* Такъ сильно и во всей своей пѣсни D. нападаетъ онъ на изрѣченіе Питтака. *Я хвалил бы и любилъ всякаго охотно ¹, кто не дѣлалъ бы ничего постыднаго: а съ необходимостію и боги не воюютъ ².* Вотъ и это сказано для прежней цѣли: вѣдь Симонидъ не былъ столь простъ, чтобы вызывался хвалить человѣка, который охотно не сдѣлалъ ничего худаго, какъ будто есть люди, охотно дѣлающіе зло. Я думаю почти такъ, что ни одному мудрецу не приходило въ умъ, будто человѣкъ грѣшитъ охотно ³, и охотно совершаетъ постыдные, или худые поступки. Мудрые E. люди знали, что всѣ, дѣлающіе постыдное и худое, дѣлаютъ

¹ *Я хвалил бы и любилъ всякаго охотно, кто не дѣлалъ бы,* и пр. Моментъ, къ которому Сократъ направляетъ свое объясненіе, въ русское переводѣ удержанъ быть не можетъ. Погречески стоитъ: πάντας δὲ ἐπαίνημι καὶ φιλέω ἕκων ὅστις ἔρδῃ и пр. Вопросъ о словѣ ἕκων: относить ли его къ глаголамъ ἐπαίνημι καὶ φιλέω, или къ глаголу ἔρδῃ; въ подобныхъ случаяхъ Греки не раздѣляютъ рѣчи запятою.

² Выраженіе: съ необходимостію и боги не воюютъ, ἀνάγκη δ' οὐδὲ θεοὶ μάχονται,—было у Грековъ пословицею Ср. Legg. VII. 818. A. Liban. Epist. 552. p. 269. καὶ θεῶν ἀνάγκη κρείττων, ὡς ὁ τῶν σοφῶν λόγος.

³ Это ученіе Сократа, по видимому, ведетъ къ фатализму: но самая цѣль настоящаго разговора доказываетъ противное. Ниже говорится, что заблужденіе есть плодъ незнанія; а кто знаетъ и однакожъ грѣшитъ, для того грѣхъ есть уже не зло, а добро; слѣдовательно онъ въ сознаніи дѣлаетъ охотно не какъ первое, а какъ послѣднее. Само собою явствуетъ, что это усиліе ума согласить владычество грѣха съ свободою человѣка весьма слабо: но мудрецъ — язычникъ и не могъ сказать ничего лучше. Платонъ въ рѣшеніи этого вопроса простерся далѣе Сократа. Въ его ученіи по крайней мѣрѣ есть основаніе, на которомъ можно было психологически изслѣдовать причину человѣческой наклонности къ грѣхамъ и заблужденіямъ. Необходимость грѣшить для человѣка мыслящаго во всѣ времена долженствовала быть урокомъ очень поучительнымъ.

- это невольно. Стало быть и Симоидъ не говорить, что онъ хвалилъ бы того человѣка, который охотно не дѣлаеть зла, но слово *охотно* относить къ самому себѣ, — въ той мысли, что прекрасный и добрый человѣкъ не рѣдко принуждаетъ
346. себя быть чѣмъ-нибудь другомъ и хвалителемъ; равно какъ нерѣдко случается человѣку имѣть жестокихъ отца, мать, отечество, и другое тому подобное. Люди порочные, если случается съ ними чтонибудь подобное, смотрятъ на это какъ бы съ удовольствіемъ, и своею хулою выказываютъ и обвиняютъ порочность родителей, или отечества, чтобы другіе не обвиняли и не порицали ихъ самихъ за нерадѣніе
- В. о родителяхъ и отечествѣ; такъ что хулять ихъ еще болѣе и къ необходимой враждѣ присоединяютъ произвольную. Напротивъ добрые принуждаютъ себя скрывать многое и хвалить родителей и отечество: если же, бывъ оскорблены, и досаждаютъ на нихъ; то заставляютъ себя одуматься и примириться съ ними, даже любить ихъ. Мнѣ кажется, нерѣдко и самъ Симоидъ не по охотѣ, а по неволѣ признавалъ нужнымъ хвалить и прославлять тирана ¹, или другаго ему подобнаго. Потому-то онъ говорить и Питтаку: *Я не для того хулю тебя, что люблю хулить. Меня удовлетворилъ бы человѣкъ, только что не худой, но и не совершенно несмысленный, а здраво мыслящій, знающій законную пользу общества. Я не сталъ бы порицать его, потому что не расположенъ къ порицанію. Роды глупыхъ безчисленны, и кто находилъ бы удовольствіе бранить ихъ, тотъ набранился бы досыта. Все прекрасно, къ чему не примѣшалось постыдное.*
- Д. Эти слова имѣютъ не такой смыслъ, какъ будто бы онъ сказалъ: все бѣло, къ чему непримѣшалось черное; иначе это было бы очень смѣшно. Нѣтъ, для него довольно и середины, чтобы не хулить. Не ищу, говорить онъ, *совершенно непорочнаго человѣка между людьми, питающимися отъ плодовъ*

¹ Здѣсь указывается, можетъ быть, на Иерона, при дворѣ котораго Симоидъ нѣсколько времени находился, или на Скопаса, которому написалъ эту самую пѣснь. Xenoph. Hier. init.

далеко населенной земли: если же найду его; то возвѣщу вамъ. То-есть, мнѣ не придется никого хвалить за это: но чтобы имѣть причину любить и хвалить всѣхъ, для меня довольно было бы и одной середины, то-есть, недѣланія зла. Въ настоящемъ случаѣ Симонидъ употребляетъ нарѣчіе Митиленьянь, какъ бы говоря Питтаку: я готовъ любить и хвалить Е. всякаго охотно (здѣсь слово *охотно* надобно отдѣлать отъ дальнѣйшаго выраженія), кто не дѣлалъ бы ничего постыднаго; но есть и такіе, которыхъ я люблю и хвалю неохотно. И такъ я никогда не порицалъ бы тебя, если бы твои слова были хоть отчасти приличны и вѣрны: но такъ какъ ты при- 347. нимаешь за истину явную ложь, да еще и вразсужденіи важнаго предмета; то я порицаю тебя. Вотъ какая мысль, Продикъ и Протагоръ, по моему мнѣнію, была въ умѣ Симонида, когда онъ писалъ свое сочиненіе!

Хорошо и ты, Сократъ, объяснилъ Симонидову пѣснь, сказалъ Иппіасъ; но у меня есть на тотъ же предметъ пре- в. восходная рѣчь, которую, если хотите, я подѣлюсь съ вами.—Конечно, Иппіасъ, примолвилъ Алкивіадъ; но только послѣ: а теперь должны сдержать свое слово Протагоръ и Сократъ. Если Протагору угодно еще спрашивать; то Сократъ будетъ отвѣчать: а когда первый хочетъ отвѣчать,— послѣдній пусть предлагаетъ вопросы.—Предоставляю Протагору, сказалъ я, избрать, что ему пріятнѣе. Пожалуй, мы с. оставимъ разсужденіе о пѣсняхъ и поемахъ, и съ удовольствіемъ приведемъ къ концу изслѣдованіе того предмета, о которомъ я прежде спрашивалъ тебя, Протагоръ. При томъ, разговоръ о стихотвореніяхъ, мнѣ кажется, приличнѣе на пирахъ пустыхъ и площадныхъ людей, которые, не будучи въ состояніи бесѣдовать сами по себѣ отъ пьянства, а собственнымъ языкомъ и своими словами — отъ невѣжества, дорого платятъ флейщицамъ, высоко цѣнятъ чужіе звуки ин- D. струментовъ и бесѣдуютъ другъ съ другомъ ихъ тонами. Напротивъ, когда собираются собесѣдники хорошіе, добрые и образованные; то у нихъ не увидишь ни флейщицъ, ни тан-

цовщицъ, ни пѣвицъ; потому что они, и безъ этихъ бездѣлокъ и ребячества могутъ бесѣдовать одинъ съ другимъ сами по себѣ, собственнымъ голосомъ, то говоря, то слушая,— и все это въ порядкѣ, хотя бы случилось имъ выпить и много вина. Это самое надобно сказать и о собраніяхъ подобныхъ настоящему, если въ нихъ находятся такіе люди, каковы теперь многіе изъ насъ: они не имѣютъ нужды въ чужомъ голосѣ и въ поэтахъ, которыхъ нельзя спросить, о чемъ у нихъ говорится, и которыхъ словамъ одни въ своихъ разсужденіяхъ приписываютъ такой смыслъ, другіе—другой, а все отъ того, что толкуютъ о предметѣ неразрѣшимомъ. Лю-

348. ди умные оставляютъ такіа бесѣды и разговариваютъ сами отъ себя, испытывая одинъ другаго и подвергаясь испытанію посредствомъ собственныхъ своихъ словъ. Имъ-то, кажется, особенно должны подражать я и ты, и, оставивъ поэтовъ, бесѣдовать сами отъ себя—съ намѣреніемъ найти истину и испытать другъ друга. Если хочешь, продолжай спрашивать,—я готовъ отвѣчать тебѣ: а не то,—отвѣчай мнѣ,

В. чтобы привести къ концу прерванный разговоръ. Но выслушавъ это и подобное этому, Протагоръ не обнаруживалъ желанія избрать то или другое. Тогда Алкивіадъ, обратившись къ Калліасу, сказалъ: думаешь ли ты, что Протагоръ и теперь хорошо дѣлаетъ, не объявляя, будетъ ли онъ отвѣчать, или нѣтъ?—Я не думаю; пусть или разговариваетъ, или скажетъ, что не хочетъ, мы должны знать это; потому что въ послѣднемъ случаѣ, или Сократъ, или иной охотникъ будетъ бесѣдовать съ кѣмъ нибудь другимъ.—Протагоръ, пристыженный, какъ мнѣ показалось, словами Алкивіада, просью Калліаса, да и другихъ присутствующихъ, согласился наконецъ продолжать разговоръ и, изъявивъ желаніе отвѣчать, приказалъ предлагать себѣ вопросы.

За тѣмъ я сказалъ: не думай, Протагоръ, что мои вопросы будутъ направлены къ какому нибудь предмету, кромѣ того, въ которомъ я всякій разъ сомнѣваюсь и который хочу

изслѣдовать. По моему мнѣнію, Омиръ весьма правильно D. говорить, что

Какъ скоро двое идутъ, то одинъ предъ другимъ вымыпляетъ; потому что всѣ вмѣстѣ мы какъ-то способнѣе къ каждому дѣлу, слову и мысли:

Одинъ же хотя бы и мыслилъ, ¹—

тотчасъ идетъ и ищетъ пока не нападетъ, кому бы сообщить свою думу и съ кѣмъ бы разобрать дѣло. Такъ-то и я охотнѣе говорю съ тобою, нежели съ другимъ, въ той увѣренности, что ты гораздо лучше можешь изслѣдовать, какъ все вообще, подлежащее разсмотрѣнію порядочнаго человѣка, такъ и самую добродѣтель. На кого положиться, какъ не на E. тебя, когда ты думаешь, что не только самъ хорошъ и добръ, но можешь и другихъ сдѣлать хорошими и добрыми? Иные, сами по себѣ,—и порядочные люди, да не умѣютъ дѣлать другихъ такими же: а ты и самъ добръ, и другихъ можешь дѣлать добрыми. Ты столько увѣренъ въ себѣ, что, — между тѣмъ какъ прочіе скрываютъ это искусство,—въ слухъ всей Греціи провозглашаешь себя софистомъ, преподавателемъ 349. науки и добродѣтели, и первый требуешь за то награды. Какъ же не обратиться къ тебѣ для подобныхъ изслѣдованій? Какъ не спросить тебя, не сообщить съ тобою? Не знаю, какъ. По этому мнѣ хотѣлось бы теперь, чтобъ изъ того, о чемъ я прежде спрашивалъ тебя, иное ты привелъ мнѣ на память, иное разсмотрѣлъ вмѣстѣ со мною. Вопросъ, кажется, былъ такой: мудрость, разсудительность, мужество, справедливость и святость, суть ли только пять названій одной вещи, или подъ каждымъ названіемъ разумѣтся особенная сущность и вещь, имѣющая свое частное значеніе, и существующая особо, не какъ другая? Ты сказалъ тогда, что это названія не одной вещи, но что каждое изъ нихъ соот-

¹ Какъ скоро двое идутъ, то... и пр., известное мѣсто Иліады X. 224. *Σὺν τε δὴ ἔρχομένω, καὶ τε πρὸ θ τε ἐνόησεν* "Ὀππῶς κέρδος ἔστι μοῦνος δ' εἶπερ τε νόησεν" Ἄλλὰ τε οἱ βράσσων τε νόος, λεπτή δέ τε μῆτις.

вѣтствуетъ отдѣльно своей собственной, и что всѣ эти вещи
 С. суть части добродѣтели — не въ томъ смыслѣ, какъ части золота, подобныя однѣ другимъ и цѣлому, коего онѣ части; но какъ части лица, не похожія ни на цѣлое, коего онѣ части, ни одна на другую, но имѣющія особенныя свои значенія. Если ты и теперь думаешь такъ же, какъ прежде, — скажи; а когда иначе, — опредѣли. Я не поставлю тебѣ въ вину и дру-
 D. гаго отвѣта; ибо не удивляюсь, что тогда ты, можетъ быть, хотѣлъ только испытать меня. — Я повторяю, Сократъ, отвѣчалъ онъ, что всѣ эти вещи суть части добродѣтели, и что четыре изъ нихъ дѣйствительно близки одна къ другой, но мужество есть нѣчто отличное. Въ вѣрности словъ моихъ ты можешь легко удостовѣриться; потому что найдешь много людей самыхъ несправедливыхъ, самыхъ нечестивыхъ, самыхъ безразсудныхъ и глупыхъ, которые однакожь отличаются мужествомъ. — Пстой, сказалъ я, вотъ это-то и надоб-
 E. но изслѣдовать ¹. Мужественными называешь ты смѣлыхъ, или кого другаго? — Да, и отважныхъ, отвѣчалъ онъ, которые смѣло приступаютъ къ тому, чего многіе боятся. — Пусть такъ; но добродѣтель считаешь ты чѣмъ-то прекраснымъ? и не по тому ли выдаешь себя за наставника въ ней, что она есть нѣчто прекрасное? — Прекраснѣйшее, отвѣчалъ онъ, если я не сошелъ съ ума. — Однако все ли въ ней прекрасно, спросилъ я, или иное постыдно, а иное прекрасно? — Все до крайности прекрасно. — Знаешь ли, кто смѣло погру-
 350. жается въ колодезь? — Разумѣется, водолазь. — По тому ли, что умѣть, или по чему другому? — По тому, что умѣть. — Кто смѣло сражается на конѣ, конный или пѣшій? — Конный. — А кто съ короткимъ щитомъ, легко вооруженный, или

¹ Изслѣдованіе идетъ такъ: добродѣтель, говоритъ Сократъ Протагору, считаешь ты дѣломъ прекраснѣйшимъ; а мужество называешь нѣкоторою самоувѣренностію и смѣлостію. Но самоувѣренность должна быть соединена съ знаніемъ, потому что иначе она была бы безразсудствомъ и изступленіемъ, слѣдовательно не стоила бы имени добродѣтели. Стало быть мужество, какъ добродѣтель, должно быть соединено съ знаніемъ, а потому содружественно со всѣми другими добродѣтелями.

нѣтъ?—Легко вооруженный. И, если угодно, сказалъ онъ, все такимъ же образомъ.—Стало быть ¹ знатоки смѣлѣе незна- токовъ и смѣлѣе самихъ себя, когда выучились, чѣмъ были в. прежде до ученя? Но видывалъ ли ты такихъ людей, спросилъ я, которые, не зная ничего этого, были однакожь смѣлы во всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ?—Видывалъ, — даже слишкомъ смѣлыхъ.—И эти смѣльчаки то же мужественны?—О, въ такомъ случаѣ мужество было бы дѣломъ постыднымъ, отвѣчалъ онъ; потому что это люди изступленные.—Но что сказалъ ты о мужественныхъ? спросилъ я; развѣ не то, что они смѣлы?—Да; я и теперь говорю объ нихъ тоже самое отвѣчалъ онъ.—И однакожь эти смѣльчаки оказываются не с. мужественными, а изступленными? между тѣмъ какъ прежде самые мудрые названы самыми смѣлыми, а самые смѣлые—самыми мужественными, откуда слѣдовало бы, что мужество есть мудрость.—Не вѣрно припоминаешь, Сократъ, что я говорилъ и отвѣчалъ тебѣ. Ты спросилъ: мужественные смѣлы ли? Я отвѣчалъ: смѣлы. Но ты не спрашивалъ: смѣлые мужественны ли? иначе на твой вопросъ было бы сказано, что не всѣ. А что мужественныхъ я призналъ смѣлыми, этого d. ты ни чѣмъ не опровергъ. Потомъ знатоковъ ты счелъ смѣлѣе самихъ себя и тѣхъ, которые незнакомы съ извѣстнымъ искусствомъ, и отсюда заключилъ, что мужество и мудрость—одно и то же. Но продолжая идти этимъ путемъ, можно бы также вывести слѣдствіе, что и крѣпость есть мудрость. Напримѣръ, положимъ, что ты сперва спросилъ бы меня: крѣпкіе сильны ли? Я отвѣчалъ бы: да. Потомъ: умѣющіе сражаться сильнѣе ли тѣхъ, которые не умѣютъ сра- е. жаться, и сильнѣе ли самихъ себя, когда они выучились, чѣмъ были до ученя? Я опять сказалъ бы: да. А какъ скоро

¹ *Стало быть знатоки...* эту рѣчь Штальбомъ влагаеть въ уста Протагора. Но далѣе (D) Протагоръ явно приписываетъ эти слова Сократу. По этому *οἱ ἐπιστήμονες τῶν μὴ ἐπισταμένων...* я читаю: *οἱ ἄρα ἐπιστήμονες...* и начинаю вопросъ Сократа (ибо это будетъ уже вопросительная рѣчь) словами: *Стало быть.*

я согласился бы въ томъ и другомъ; ты, основавшись на допущенныхъ мною положеніяхъ, могъ бы заключить, что, по моему сознанию, крѣпость есть мудрость. Между тѣмъ, допустивъ, что крѣпкіе сильны, я никакъ не могу допустить обратнаго положенія, что сильные крѣпки: потому что сила и крѣпость — не одно и то же; но первая, то-есть, сила, происходитъ и отъ знанія, и отъ изступленія, и отъ страсти, а крѣпость—отъ природы и хорошаго питанія тѣла. Равно и въ настоящемъ случаѣ, смѣлость и мужество—не одно и то же. Естественно, что мужественные бываютъ смѣлы; но не всѣ смѣлые мужественны: потому что смѣлость происходитъ и отъ искусства, и отъ гнѣва, и отъ изступленія, такъ же какъ и сила; а мужество—отъ природы и хорошаго питанія души.

Думаешь ли ¹, Протагоръ, спросилъ я, что одни живутъ хорошо, а другіе худо?—Подтвердилъ.—Хорошо ли живеть тотъ, кто проводитъ жизнь среди непріятностей и страданій?—Нѣтъ, сказалъ онъ.—А кто, проживши вѣкъ пріятно, наконецъ умеръ, тотъ хорошо ли жилъ, по твоему мнѣнію?—Хорошо, отвѣчалъ онъ.—Слѣдовательно жить пріятно, значить жить хорошо? а жить непріятно, значить жить не хорошо?—Безъ сомнѣнія, если только жизнь находила удовольствіе въ прекрасномъ.—Какъ же, Протагоръ? Не считаешь ли и ты, подобно многимъ другимъ, нѣкоторыхъ пріятностей зломъ, а нѣкоторыхъ непріятностей—добромъ? Я говорю вотъ что: отъ того ли нѣчто не добро, отъ чего пріятно, если отсюда не произойдетъ ничего другаго? И равнымъ образомъ, отъ того ли что нибудь не зло, отъ чего непріятно?—Не знаю, Сократъ, сказалъ онъ, такъ же ли прямо, какъ ты

¹ Начинающееся здѣсь разсужденіе направлено къ опроверженію Протагора, который на томъ основаніи, что мужество часто замѣчается въ людяхъ самыхъ глупыхъ и несправедливыхъ, почиталъ эту добродѣтель отличною отъ всѣхъ прочихъ. Сократъ учитъ, что никто по своей волѣ не стремится къ страшному и опасному; а потому мужество соединено съ знаніемъ, равно какъ трусость съ незнаніемъ. Если же мужество состоитъ въ знаніи, то этимъ, очевидно, отвергается мнѣніе гнѣхъ, которые мужественныхъ находятъ и между невѣждами.

спрашиваешь, долженъ я и отвѣчать, что пріятности всѣ—добро, а непріятности всѣ—зло. Кажется безопаснѣе будетъ D. не только для отвѣта, но и для всей моей жизни, когда скажу, что вопервыхъ есть пріятности, которыхъ нельзя назвать добромъ, а непріятности, которыя—никакъ не зло; во вторыхъ, есть пріятности—добро, а непріятности—зло;¹ въ третьихъ, есть нѣчто ни то ни сѣ—ни добро ни зло.—Пріятное, по твоему мнѣнію, спросилъ я, само ли причастно удовольствію, или производитъ его?—Само причастно, отвѣчалъ онъ.—Такъ вотъ я и спрашиваю: нѣчто, какъ пріятное, есть E. ли недобро? разумѣю: самое удовольствіе — есть ли недобро?—Изслѣдуемъ, Сократъ, какъ ты всегда говоришь: если изслѣдованіе приведетъ къ дѣлу и откроется, что пріятное и доброе—одно и то же, согласимся; а если нѣтъ, то позволимъ себѣ сомнѣваться.—Но хочешь ли самъ давать направленіе изслѣдованію, или предоставляешь это мнѣ?—По праву тебѣ, отвѣчалъ онъ; потому что ты ведешь рѣчь.—Не такъ ли 352. какъ-то, спросилъ я, можетъ быть это открыто? Кто, напримеръ, хотѣлъ бы разсмотрѣть человѣка въ отношеніи къ его здоровью, или другимъ свойствамъ тѣла, а видѣлъ бы только его лице и оконечности рукъ; тотъ сказалъ бы: открой-ка и покажи мнѣ грудь и спину, чтобы я могъ разсмотрѣть тебя яснѣе. Того же и я хочу въ отношеніи къ изслѣдованію. Узнавъ твое мнѣніе о добромъ и пріятномъ, я считаю нужнымъ предложить тебѣ еще слѣдующій вопросъ: открой-ка, Протагоръ, свою мысль; какъ ты думаешь о знаніи? такъ ли, какъ многіе люди, или иначе? А люди большею частію понимаютъ его, какъ нѣчто такое, что не имѣетъ ни силы, ни водительства, ни власти: не приписывая же ему ничего этого, полагаютъ, что человѣкъ, обладающій знаніемъ, управляется не имъ, но иными движителями,—то страстію, то удовольствіемъ, то скорбію, иногда лю-

¹ *Есть пріятности—добро, а непріятности—зло.* По гречески это — въ формѣ весьма сжатой: *ἔστι δ' ἄ ἐστι*—есть, что есть; но такой переводъ былъ бы теменъ.

- бовію, а чаще страхомъ; слѣдовательно, знаніе почитаютъ
- С. какъ бы работъ, котораго увлекаетъ все другое. Такъ ли и ты думаешь о немъ, или признаешь его чѣмъ-то прекраснымъ, и приписываешь ему силу управлять человѣкомъ? То есть, кто узналъ бы добро и зло; тотъ не поддался бы другому внушенію и дѣлалъ бы только то, что приказываетъ знаніе, почитая одинъ умъ достаточнымъ помощникомъ человѣка?—Кажется, надобно понимать такъ, какъ ты говоришь,
- Д. Сократъ, отвѣчалъ онъ. При томъ мнѣ болѣе, чѣмъ комунибудь, было бы стыдно не поставлять мудрости и знанія выше всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. — Хорошо и справедливо, Протагоръ, примолвилъ я. Но знаешь ли? многіе, невѣря мнѣ и тебѣ, говорятъ, что часто люди свѣдущіе не хотятъ оправдывать своихъ свѣденій самымъ дѣломъ и поступаютъ иначе; а когда я спросилъ бы ихъ: отъ чегожь это такъ? они сказали бы: отъ того, что этими людьми управляетъ или удовольствіе, или скорбь, или какая-нибудь другая изъ тѣхъ
- Е. причинъ, о которыхъ я недавно упоминалъ, и дѣлаютъ это дѣятели, управляемые тою или другою изъ нихъ. — Мало ли, Сократъ, и кромѣ того, неправды на языкѣ человѣческомъ! сказалъ онъ. — Давай же убѣдимъ людей и научимъ ихъ, что значить то состояніе, которое они называютъ служеніемъ
353. удовольствіямъ и недѣланіемъ лучшаго, хотя бы оно и познано было. Правда, когда мы скажемъ: люди! вы несправедливо говорите, вы обманываетесь,—они, можетъ быть, спросятъ насъ: Протагоръ и Сократъ! если это состояніе не есть служеніе удовольствіямъ; то что же оно? скажите намъ, какъ вы его называете?—Для чего, Сократъ, разсматривать мнѣнія народа, который говоритъ, какъ случится?—Я думаю, что это поможетъ намъ найти отношеніе мужества къ другимъ частямъ добродѣтели. И если, по силѣ условія, мнѣ будетъ позволено давать направленіе рѣчи; то слѣдуй за мною и смотри, какъ прояснится предметъ нашего разговора: а когда тебѣ не угодно, пожалуй, оставимъ его. — Нѣтъ, ты говоришь правду, сказалъ онъ, продолжай, какъ на-

чалъ.—И такъ, если бы спросили насъ, продолжалъ я, что С. значить у васъ повиноваться удовольствіямъ? то мнѣ надлежало бы отвѣчать: слушайте, вотъ я и Протагоръ постараемся объяснить вамъ это. Не то ли самое, люди, бываетъ и съ вами, въ разсматриваемомъ состояніи, что не рѣдко случается съ тѣми, которые, прельщаясь приманками пищи, пьянства и сладострастія, и зная, что это худо, тѣмъ не менѣе предаются имъ?—Они подтвердили бы.—Потомъ я и ты конечно опять спросили бы ихъ: Но по чему эти дѣйствія вы называете худыми? по тому ли, что онѣ доставляютъ удовольствіе минутное, слѣдовательно пріятны сами по себѣ? или по тому, что влекутъ за собою болѣзни, нищету и другое тому подобное? или наконецъ по тому, что, хотя и не приготавливаютъ ничего худаго въ будущемъ, а только радуютъ, однакоже радуютъ такого человѣка, который разумѣетъ ихъ, какъ худое?¹ Можемъ ли мы, Протагоръ, ожидать отъ нихъ другаго отвѣта, кромѣ того, что худое въ вышеупомянутыхъ дѣйствіяхъ есть не минутное удовольствіе, а его слѣдствія, то-есть, болѣзни и прочее?—Я думаю, что они отвѣчали бы не иначе, сказалъ онъ.—Но причина болѣзни есть вмѣстѣ причина страданія, и причина нищеты есть также причина страданія. Они, думаю, согласились бы?—Протагоръ подтвердилъ.—Изъ этого не видите ли вы, люди, что удовольствія, какъ я и Протагоръ говоримъ, почитаются худымъ только по тому, что оканчиваются страданіемъ и лишаютъ человѣка другихъ удовольствій? Они согласились бы.—И намъ обоимъ показалось тоже самое.—Теперь спросимъ ихъ о противоположномъ: Люди! когда вы утверждаете,

¹ *Однакоже радуютъ такого человѣка, который разумѣетъ ихъ, какъ худое, ὅμως δ' ἂν κακὰ ἦν, ὅτι μαδόντα χαίρειν ποιεῖ καὶ ἄπρωῦν.* Это мѣсто переводятъ весьма различно, и переводчики особенно затрудняются словомъ *μαδόντα*, а потому нѣкоторые читаютъ *μαδόντα*, или еще *ἀμαρδόντα*. Но показанное выраженіе надобно понимать такъ, какъ бы стояло: *ὅμως δ' ἂν γινώσκοντα (μαδόντα), ὅτι πονηρόν ἐστι (κακὰ ἦν) τὸ χαίρειν.* Подобнымъ образомъ выше. *Ε. ὑπὸ αἰτῶν καὶ ποτῶν, καὶ ἀφροδισίων ἡδέων ὄντων, γινώσκοντες ὅτι πονηρὰ ἐστίν, ὅμως αὐτὰ πράττειν.*

что страданіе есть добро, не разумѣете ли подѣ этимъ на-
примѣръ, тѣлесныхъ упражненій, воинскихъ подвиговъ, ме-
дицинскаго врачеванія посредствомъ выжиганій, вырѣзыва-
ній, принятія лѣкарствъ и пощенія? по тому что все это
хотя и хорошо, однакожь болѣзненно. Они согласились бы.—

- В. Конечно.—Но по тому ли вы называете эти бѣдствія добры-
ми, что онѣ производятъ крайнее страданіе и скорбь только
въ настоящемъ, или по тому, что отъ нихъ зависитъ здо-
ровье, благосостояніе тѣла, спасеніе городовъ, власть надъ
другими городами и богатство въ будущемъ времени? Они
вѣроятно допустили бы послѣднее.—Безъ сомнѣнія.—Слѣдо-
вательно, эти дѣйствія суть блага не по другой какой причи-
нѣ, а только по тому, что онѣ оканчиваются удовольствіями,
- С. что ими прекращаются и отвращаются страданія? Или вы
разумѣете другую цѣль, кромѣ удовольствій и страданій, по
отношенію къ которой называете ихъ добрыми? Я не думаю,
чтобы они подтвердили послѣднее.—И я также, сказалъ Про-
тагоръ.—По этому вы гонитесь за удовольствіемъ, какъ за
добромъ, и бѣгаете страданія, какъ зла? Они согласились
бы.—Конечно.—И такъ, вы почитаете страданіе зломъ, а
удовольствіе добромъ; между тѣмъ какъ прежде, и удоволь-
ствіе называли зломъ, если оно лишаетъ васъ удовольствій
большихъ, чѣмъ само, или приготовляетъ страданія важнѣе
- Д. представляемыхъ имъ наслажденій. Впрочемъ, можетъ быть,
вы по чему другому, для какой-нибудь иной цѣли называли
удовольствіе зломъ? Въ такомъ случаѣ скажите намъ. Но
вы не можете сказать.—И мнѣ кажется, что не могутъ от-
вѣчать Протагоръ.—Не такъ же ли опять надобно думать и
о самомъ страданіи? Прежде не говорили ли вы, что страданіе
— добро, по тому что имъ замѣняются страданія болѣе
тѣхъ, какія есть въ немъ, или приготовляются удовольствія
важнѣе настоящаго страданія? Впрочемъ, можетъ быть, у
- Е. васъ въ виду другая цѣль, по которой страданіе называется
добромъ, а не та, о которой я говорю? въ такомъ случаѣ ука-
жите намъ ее. Но вы не укажете.—Ты правъ, сказалъ Про-

тагорь.—Далѣе, положимъ, вы спросите меня: къ чему же ты такъ много и съ разныхъ сторонъ разсматриваешь это? Прошу снисхожденія, отвѣчалъ бы я. Во-первыхъ: не легко показать, что значить то состояніе, въ которомъ, по вашему выраженію, человѣкъ служитъ удовольствіямъ; во-вторыхъ, въ этомъ именно и сосредоточивается вся сила доказательствъ. Я считаю нужнымъ и еще сказать вамъ: смотрите, называете ли вы добро чѣмъ-то отличнымъ отъ удовольствія, а зло—чѣмъ-то отличнымъ отъ страданія? или для васъ достаточно прожить вѣкъ пріятно, безъ страданій? Если достаточно, и вы не знаете другаго добра или зла, которое не оканчивалось бы этимъ; то слушайте далѣе. Когда вы говорите, что нерѣдко человѣкъ, понимающій извѣстное дѣйствіе, какъ зло, тѣмъ не менѣе совершаетъ его, хотя бы и могъ не совершать, потому что бываетъ побѣжденъ и возбуждается удовольствіями; когда вы говорите также, что человекъ, знающій добро, не хочетъ дѣлать его, повинувшись минутному удовольствію: то ваши слова я нахожу смѣшными. А что онѣ смѣшны, тотчасъ будетъ видно, какъ скоро мы перестанемъ называть предметы различными именами, напримеръ, и пріятнымъ и непріятнымъ, и добромъ и зломъ; но, такъ какъ этихъ предметовъ найдено только два, будемъ означать ихъ и двумя названіями, то-есть, или всегда добромъ и зломъ, или всегда пріятнымъ и непріятнымъ. Условившись такимъ образомъ, мы говоримъ, что человѣкъ, понимающій зло, какъ зло, тѣмъ не менѣе совершаетъ его. Но пусть спросятъ насъ: по чему? По тому, скажемъ, что онъ побѣждается.—Чѣмъ побѣждается? спросятъ еще.—На это уже нельзя отвѣчать: удовольствіемъ; потому что вмѣсто слова «удовольствіе» мы приняли слово «добро». И такъ, остается только повторять: по тому что побѣждается.—Да чѣмъ же побѣждается? скажутъ намъ.—Ахъ, ради Зевса, добромъ.—Тогда, вопрошатель, если онъ любитъ уколоть, засмѣется и примолвить: забавныя вещи рассказываете вы! Человѣкъ, зная что зло есть зло, и что не должно дѣлать его, D.

увлекается къ совершенію зла добромъ! Но это добро стб-
ить, или не стбитъ того, чтобъ имъ побѣждено было зло?
спросить онъ. — Мы конечно будемъ отвѣчать: не стоитъ;
по тому что иначе тотъ не погрѣшилъ бы, кто повиновался
бы удовольствіямъ. — По чему же именно; спросить онъ, до-
бро не стоитъ зла, или зло — добра? По тому ли, что одно
больше, а другое меньше, одного много, а другаго не много?
Е. Вѣдь намъ нечего сказать, кромѣ этого¹. Стало быть явно,
скажетъ онъ, что быть побѣжденнымъ, по вашему, значить
принимать большее зло вмѣсто меньшаго добра? — Выходить
такъ. — Теперь, перемѣнимъ имена, то-есть, означимъ тѣже
предметы словами: пріятное и непріятное, и скажемъ: чело-
вѣкъ, знающій, что (прежде говорили: зло, а въ настоящемъ
случаѣ пусть будетъ: непріятное) непріятное непріятно,
тѣмъ не менѣе совершаетъ его, потому что побѣждается удо-
вольствіями, хотя удовольствія очевидно не стоятъ быть по-
356. бѣдителями. И чѣмъ опредѣляется цѣнность удовольствія² въ
сравненіи съ страданіемъ, какъ не избыткомъ, или недостат-
комъ котораго нибудь изъ нихъ, то-есть, тѣмъ, что одно
больше, а другое меньше; одного много, другаго немного,
одно выше, другое ниже? Положимъ, что кто нибудь скажетъ:
Сократъ! настоящая пріятность и непріятность весьма от-

¹ Вѣдь намъ нечего сказать, кромѣ этого.... Соответствующій этимъ сло-
вамъ греческій текстъ нѣсколько испорченъ Шлейермахеромъ и другими,
подражавшими ему переводчиками, которые, вопреки авторитету лучшихъ
списковъ, измѣнили interpunctiō Platonovoi rēchi. Надобно читать такъ:
ἡ δὲ βία τὰ μὲν μείζων, τὰ δὲ σμικρότερα ἢ, ἢ πλείω, τὰ δὲ ἐλάττω; — ἢ (переводимъ
вѣдь) οὐχ' ἔξομεν εἰπεῖν ἄλλο ἢ τοῦτο.

² И чѣмъ опредѣляется цѣнность удовольствія.... погречески стоятъ:
καὶ τίς ἄλλη ἀναξία ἡδονῆς.... Въ словѣ ἀναξία, не смотря на сомнѣніе Шталь-
бома, который измѣняетъ его въ ἀξία, и Гейндорфа, по мнѣнію коего, надоб-
но писать ἀπαξία, я не встрѣчаю никакого затрудненія, имѣя въ виду то, что
Греки въ одномъ словѣ часто заключали два противоположныхъ понятія и
въ такомъ случаѣ принимали его просто за выраженіе отношенія. См. при-
мѣч. 119 и ниже: τὸ παραχρῆμα ἡδῶ, гдѣ подъ словомъ ἡδῶ разумѣется ἡδῶ τε
καὶ λυπηρόν. Такимъ образомъ ἀναξία надобно разумѣть такъ: ἀξία τε καὶ
ἀναξία — цѣнность. Но вмѣсто ἡδονῆς, лучше читать ἡδονῆς; потому что прила-
гательное ἀναξία съ предшествующимъ τίς ἄλλη имѣетъ силу имени существи-
тельнаго.

лична отъ слѣдующей за тѣмъ пріятности и страданія. Я спрошу: въ чемъ же состоитъ это различіе, какъ не въ удовольствіи и страданіи? Инаго различія нѣтъ. Человѣкъ, умѣ- в. ющій взвѣшивать, на одну тарелку вѣсовъ складываетъ пріятности, а на другую страданія, какъ ближайшія, такъ и отдаленныя, и взвѣшивая ихъ, видитъ, что перетягиваетъ. Если, то-есть, сравниваешь пріятности съ пріятностями, то избирай значительнѣйшія и большія; если же — страданія съ страданіями, то — маловажныя и меньшія; а когда поставляешь въ сравненіе пріятное съ непріятнымъ, — поступай слѣдующимъ образомъ: какъ скоро пріятное выше непріятнаго, дальнѣйшее выше ближайшаго, или ближайшее выше дальнѣйшаго, — дѣлай его; напротивъ, какъ скоро пріятное пере- с. силивается непріятнымъ, — не дѣлай его. Не таково ли отношеніе между ими, люди, сказалъ бы я? И они конечно согласились бы со мною? — Согласился и Протагоръ. — А если такъ, продолжалъ бы я, то отвѣчайте мнѣ: одна и таже величина кажется ли вашему взору вблизи болѣею, а вдали меньшею, или не кажется? — Подтвердятъ. — Не тоже ли скажете вы о широкомъ и многочисленномъ? не тоже ли — о голосахъ, которые, будучи равны одинъ другому, вблизи представляются громкими, а вдали тихими? — И это подтвердили бы. — Но d. если счастье наше состоитъ съ одной стороны въ производствѣ и полученіи великихъ массъ, а съ другой, въ избѣжаніи и недѣланіи малыхъ; то гдѣ искать спасенія жизни? Въ искусствѣ ли измѣрять, или въ значеніи явленія? Последнее очевидно обманываетъ насъ, нерѣдко заставляя понимать одно и тоже различнымъ образомъ и колебаться въ дѣйствіяхъ и избраніи вещей великихъ и малыхъ. Однимъ только искусствомъ измѣрять обличается этотъ обманъ e. чувствъ; одно оно, открывая истину, доставляетъ душѣ спокойствіе, устанавливаетъ ее въ истинѣ и спасаетъ жизнь. И такъ, искусство ли измѣрять, или какое другое искусство почли бы люди спасеніемъ жизни? — Искусство измѣрять, отвѣчалъ Протагоръ. — Положимъ же, что спасеніе нашей жи-

- эти зависятъ отъ избранія того, что равно и неравно: но какъ скоро надлежало бы рѣшить, когда должно избрать большее, и когда меньшее, надобно ли разсматривать то и другое само по себѣ, или въ сравненіи съ иными вещами, надобно ли предпочесть близкое или отдаленное; то въ этомъ случаѣ, что спасло бы жизнь? не знаніе ли, не мѣра ли, какъ средство опредѣлять избытокъ и недостатокъ? И такъ какъ
357. это искусство имѣеть дѣло съ равнымъ и неравнымъ; то не ариметика ли? Люди вѣроятно подтвердили бы это, или нѣтъ? — Конечно подтвердили бы, отвѣчалъ Протагоръ. — Хорошо, люди. Но если спасеніе жизни состоитъ въ правильномъ избраніи удовольствія и страданія, многого и немногаго, большаго и меньшаго, дальнѣйшаго и ближайшаго; то подобное изслѣдованіе избытка, недостатка и взаимнаго равенства не представляется ли съ перваго взгляда мѣрою? — Необходимо. — А когда оно есть мѣра, то непременно—искусство и знаніе? — Такъ, скажутъ они. — Опредѣлимъ же теперь значеніе этого искусства и знанія. Что оно есть знаніе, это достаточно видно изъ тѣхъ самыхъ отвѣтовъ,
- С. которые я и Протагоръ давали на ваши вопросы. Помните, вы спрашивали: по чему оба мы согласны въ томъ, что нѣтъ ничего лучше знанія, что оно всегда господствуетъ и надъ удовольствіями и надъ всѣмъ другимъ, до чего касается, а сами утверждали, что удовольствіе часто владычествуетъ и надъ знающимъ человѣкомъ? Помните, когда мы не соглашались съ вами, вы спросили: Протагоръ и Сократъ! если это состояніе не есть служеніе удовольствіямъ; то что же
- Д. оно? Скажите намъ, какъ вы это называете? Мы конечно могли бы тогда же отвѣчать вамъ, что это просто незнаніе: но вы посмѣялись бы надъ нами; а теперь, пожалуй, смѣйтесь, — вы будете смѣяться и надъ самими собою, ибо сознались, что люди, ошибающіеся въ выборѣ удовольствій и страданій, — а это — добро и зло, — ошибаются по недостатку знанія, — и не просто знанія, но еще, какъ прежде
- Е. допущено вами, по недостатку науки измѣрять; дѣйствіе же

погрѣшительное, безъ знанія, какъ вамъ самимъ извѣстно, производится невѣжествомъ. И такъ, служить удовольствіямъ, значитъ находиться въ крайнемъ невѣжествѣ, коего врачами признаютъ себя Протагоръ, Продикъ и Иппіасъ. Между тѣмъ, думая, что это происходитъ отъ другой причины, а не отъ невѣжества, вы и сами не приходите, и дѣтей не присылаете къ этимъ учителямъ знанія. Вы заботитесь о деньгахъ; но не давая ихъ софистамъ, дѣлаете зло частное и общественное.—Вотъ что отвѣчали бы мы людямъ!

Теперь, послѣ Протагора, обращаюсь къ вамъ, Иппіасъ и Продикъ, — пусть наше дѣло будетъ общимъ. — Скажите, 358. правду ли я говорилъ, или неправду? — Всѣ совершенно согласились, что мои слова были справедливы. — Стало-быть вы допускаете, сказалъ я, что пріятное есть добро, а непріятное—зло. Мнѣ нѣтъ болѣе нужды въ Продиковомъ различеніи именъ. Назови это, почтеннѣйшій Продикъ, пріятнымъ, радостнымъ, веселымъ, или какъ тебѣ угодно иначе; только въ отвѣтъ давай своему названію такой смыслъ, В. какого я хочу. — Продикъ, улыбнувшись, согласился, и другіе съ нимъ. — Такъ чтоже это, почтеннѣйшіе, спросилъ я? всѣ наши дѣйствія, клонящіяся къ безбѣдной и пріятной жизни, нельзя ли почестъ прекрасными? А прекрасное дѣло не есть ли доброе и полезное? — Такъ. — Если же пріятное есть доброе, продолжалъ я; то человѣкъ, зная или думая, что другое нѣчто — лучше того, что онъ дѣлаетъ, и воз- С. можно для него, конечно не будетъ дѣлать того дѣла, когда въ своей власти имѣетъ лучшее? И не правда ли, что быть ниже самаго себя въ этомъ случаѣ, есть невѣжество, а выше самаго себя, — мудрость? — Всѣ согласились. — Чтожъ? По этому находиться въ невѣжествѣ, значитъ имѣть ложное мнѣніе и обманываться касательно дѣлъ великой важности? — И на это всѣ согласились. — Не справедливо ли также, сказалъ я, что никто добровольно не стремится къ злему, или къ тому, что почитаетъ злымъ? Да и неестественно, кажется, человѣку, вмѣсто добра, желать того, что при- D.

знаеть онъ худымъ. Если же кто-нибудь и поставляется въ необходимость избрать изъ двухъ золъ одно; то вѣрно не выбереть бѣльшаго, когда возможно мѣньшее. — Это также всѣмъ намъ показалось. — Чтожь? допускаете ли вы боязнь и страхъ? и такъ же ли, какъ я (это къ тебѣ относится, Продикъ), почитаете это какимъ-то ожиданіемъ зла? — называйте его боязнію или страхомъ, все равно. — Протагоръ и Иппіасъ согласились, что боязнь и страхъ это самое; но Продикъ сказалъ, что такимъ образомъ надлежало опредѣ-
 Е. лить боязнь, а не страхъ. — Ничего, Продикъ, возразилъ я; дѣло въ томъ, справедливо ли сказанное прежде? то-есть, захочетъ ли человѣкъ идти къ тому, чего боится, когда отъ него зависитъ стремиться къ предмету, не внушающему страха? или, послѣ того, съ чѣмъ мы согласились, это невозможно? Прежде было допущено, что чего мы боимся, то почитаемъ зломъ; а что почитаемъ зломъ, того не ищемъ и
 359. добровольно не получаемъ. — Это показалось всѣмъ.

Но когда такъ, Продикъ и Иппіасъ; то пусть теперь Протагоръ защищаетъ справедливость первыхъ своихъ отвѣтовъ, — не самыхъ первыхъ, которыми допускалось пять частей добродѣтели, не похожихъ одна на другую и имѣющихъ свои особенныя значенія; нѣтъ, я разумю не тѣ, а послѣдующія. Въ послѣдствіи онъ говорилъ, что четыре добродѣтели дѣйствительно близки одна къ другой; но пятая,
 В. то-есть мужество, весьма отлична отъ нихъ. Ты можешь, Сократъ, видѣть это изъ того, сказалъ онъ, что есть люди самые нечестивые, самые несправедливые, самые безразсудные и глупые, которые однакожь очень мужественны, и отсюда заключить, что мужество весьма отлично отъ прочихъ частей добродѣтели. Я тогда же былъ удивленъ этимъ отвѣтомъ (а еще болѣе удивился, изслѣдовавъ его вмѣстѣ съ вами) и по тому спросилъ Протагора: не смѣлыхъ ли называетъ онъ мужественными? даже отважныхъ, отвѣчалъ
 С. онъ. Помнишь ли ты это, Протагоръ? — Помню. — Скажи же намъ, спросилъ я, предъ чѣмъ отважны мужественные?

предъ тѣмъ ли, предъ чѣмъ и трусы? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Значить, предъ инымъ чѣмъ-нибудь? — Да, сказалъ онъ. — Можетъ быть трусы отважны предъ тѣмъ, что требуетъ смѣлости, а мужественные предъ тѣмъ, что страшно? — Люди такъ говорятъ, Сократъ. — Правда, примолвилъ D. я; но не о томъ рѣчь: мнѣ нужно знать, предъ чѣмъ отважны мужественные, именно по твоему мнѣнію? предъ тѣмъ ли, что страшно, и что почитаютъ они страшнымъ, или предъ тѣмъ, что нестрашно? — Но это-то, сказалъ онъ, по смыслу недавнихъ твоихъ доказательствъ, невозможно. — И то правда: если же слова мои вѣрны, то никто не захочетъ приближаться къ тому, что почитаетъ страшнымъ, развѣ невѣжество заставитьъ когонибудь быть ниже себя. — Согласился. — Но, всѣ трусы и мужественные отваживаются на то, что требуетъ смѣлости; слѣдовательно, и трусы и мужественные стремятся къ одному. — Нѣтъ, Сократъ, совершенно напротивъ: трусы стремятся вовсе не къ тому, къ чему мужественные: на примѣръ, одни хотятъ идти на войну, а другіе не хотятъ. — Но прекрасно ли идти на войну, или постыдно? — Прекрасно, отвѣчалъ онъ. — А прежде мы согласились, что прекрасное есть вмѣстѣ и доброе; ибо всѣ прекрасныя дѣйствія, сказали мы, суть также и добрыя дѣйствія. — Справедливо; я всегда такъ думаю. — Хорошо, 360. примолвилъ я; которые же, по твоему мнѣнію, не хотятъ идти на войну, когда это дѣло прекрасное и доброе? — Трусы, отвѣчалъ онъ. — Но прекрасное и доброе есть вмѣстѣ и пріятное? спросилъ я. — Согласенъ, сказалъ онъ. — Чтожь, трусы съ сознаниемъ ли не хотятъ того, что находятъ прекраснымъ, добрымъ и пріятнымъ. — Если мы согласимся на это, сказалъ онъ, то поставимъ себя въ противорѣчіе съ прежде допущенными положеніями. — А мужественный? не къ тому ли идетъ онъ, что находитъ прекраснымъ, добрымъ и пріятнымъ. — Необходимо согласиться, отвѣчалъ онъ. — По этому мужественные, боясь чегонибудь, боятся не по-в. стыднаго страха, и обнаруживаютъ смѣлость не постыдною

отвагою? — Правда, сказалъ онъ. — Если же то и другое не постыдно, — значитъ прекрасно? — Согласенъ. — А когда это дѣло прекрасное, то и доброе? — Такъ. — Слѣдовательно и трусы, и смѣльчаки, и изступленные, боятся постыднаго страха и оказываютъ постыдную смѣлость? — Согласенъ. — Но отваживаются они на постыдное и злое по другой ли какой причинѣ, или по незнанію и невѣжеству? — По незнанію и невѣжеству, отвѣчалъ онъ. — Чтожь теперъ? То, по чему трусы — трусы, называешь ты трусостію, или мужествомъ? — Трусостію, отвѣчалъ онъ. — А трусовъ не потому ли назвали мы трусами, что они не знаютъ, что страшно? — Конечно по тому, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, трусы бываютъ трусами отъ невѣжества? — Согласенъ. — Но трусостію ты согласился назвать то, отчего трусы — трусы? — Подтвердилъ. — Именно, трусость есть незнаніе того, что страшно и не страшно? — Одобрилъ. — А трусости противно мужество? — Такъ. — Слѣдовательно, мудрость касательно того, что страшно и нестрашно, противно незнанію этихъ вещей? — И это еще одобрилъ. — Незнаніе же ихъ есть трусость? — На это уже едва отвѣчалъ. — Стало-быть, мудрость относительно того, что страшно и нестрашно, есть мужество, такъ какъ оно противоположно незнанію этихъ вещей? — Тутъ Протагоръ не хотѣлъ даже подать знакъ согласія и замолчалъ. А я продолжалъ: Что же, Протагоръ? и не подтверждаешь и не отвергаешь? — Самъ кончи, сказалъ онъ. — Позволь сдѣлать еще одинъ вопросъ, примолвилъ я: не думаешь ли ты и теперь, какъ думалъ прежде, что между людьми есть величайшіе невѣжды, которые однакожь очень мужественны? — Тебѣ, сказалъ онъ, кажется, сильно хочется, чтобы я отвѣчалъ: изволь, признаюсь, что прежде допущенныя мною положенія не позволяютъ мнѣ отвѣчать на это положительно. — Но я спрашивалъ тебя не для чего инаго, а только для того, чтобы изслѣдовать все, относящееся къ добродѣтели, и въ чемъ состоитъ самая добродѣтель. Знаю, что по раскрытіи этого, совершенно объясни-

лось бы и то, о чемъ мы оба такъ долго разсуждали: я, — что учить добродѣтели невозможно; ты, — что она изучима. А теперь результатъ нашего разговора представляется мнѣ въ видѣ доносчика, или насмѣшника; онъ, если бы могъ говорить, сказалъ бы: какъ вы странны, Сократъ и Протагоръ! Ты, Сократъ, прежде утверждалъ, что добродѣтели учить нельзя, а теперь хочешь противнаго тому, — усиливаешься доказать, что всѣ виды добродѣтели, — и справедливость, и разсудительность, и мужество, суть знаніе; но вѣдь отсюда слѣдуетъ, что всѣ онѣ могутъ быть предметомъ науки. Если бы добродѣтель была не знаніе, а что-нибудь другое, какъ доказывалъ Протагоръ; то она, очевидно, не могла бы быть изучимою: но такъ какъ, соотвѣтственно твоему домогательству, Сократъ, она — знаніе; то странно, отъ чего бы ей не быть предметомъ науки. Равнымъ образомъ, Протагоръ прежде полагалъ, что добродѣтель изучима, а теперь домогается, по видимому, противнаго, и лучше соглашается называть ее почти всѣмъ, лишь бы только не знаніемъ. Но С. подъ этимъ условіемъ она никакъ не можетъ быть предметомъ науки. Обозрѣвая такимъ образомъ все съ начала до конца, и встрѣчая ужасныя противорѣчія, я сильно желаю распутать ихъ, и хотѣлъ бы, послѣ прежнихъ нашихъ изслѣдованій, опредѣлить: что такое добродѣтель? а потомъ опять разсмотрѣть: изучима ли она, или нѣтъ? Пусть тотъ Эпиметей не вводитъ насъ въ обманъ при изслѣдованіи, какъ D. онъ, по твоимъ словамъ, обошелъ насъ при раздѣлѣ. Мнѣ, и въ притчѣ, Прометей нравится больше Эпиметей. Руководствуясь имъ и желая быть предусмотрительнымъ ¹ въ цѣлой своей жизни, я располагаю всѣми своими дѣлами и, если хочешь, съ удовольствіемъ буду изслѣдовать вмѣстѣ съ тобою предметъ нашего разсужденія, какъ обѣщался сначала. — Твое усердіе, Сократъ, и искусство вести разговоръ — похвальны, отвѣчалъ Протагоръ. Впрочемъ и я, думаю, — че- E.

¹ Предусмотрительнымъ — *Προμηθεύμενος*. Здѣсь очевидно аллегорія къ слову *Προμηθεύς*; но по русски выдержать ее нельзя.

ловѣкъ нехудой, а особенно независтливъ: говорю многимъ, что изъ всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчаюсь, и преимущественно изъ сверстниковъ твоихъ, болѣе уважаю тебя, и не удивляюсь, что ты будешь принадлежать къ числу знаменитѣйшихъ мужей по своей мудрости. Что же касается до предлагаемаго тобою предмета, то изслѣдуемъ его, если хочешь, послѣ: а

362. теперь время обратиться къ чему нибудь другому. — Пусть будетъ такъ, какъ тебѣ угодно, сказалъ я: при томъ, и мнѣ давно уже пора идти, и только благодаря любезному Калліасу, я доселѣ оставался здѣсь. — Послѣ этихъ обоюдныхъ объясненій, мы разстались.

